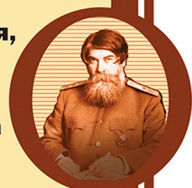

Министерство культуры Республики Татарстан
Елабужский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Научно-практическая конференция

**В ИХ ИМЕНАХ
ВЕЛИЧИЕ РОССИИ**

**Торжественные мероприятия,
посвященные
185-летию И.И. Шишкина
и 160-летию В.М. Бехтерева**

Материалы научно-практической конференции,
посвященной юбилеям наших знаменитых земляков

Министерство культуры Республики Татарстан
Елабужский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

«В их именах величие России»

Вопросы сохранения, изучения и популяризации
творческого и научного наследия наших великих земляков
И.И. Шишкина и В.М. Бехтерева и представителей
их окружения, неизвестные страницы биографий
этих людей, комплектование музейных фондов
и социальная миссия музея, краеведение.

Материалы научно-практической конференции

Елабуга, 2019 г.

Министерство культуры Республики Татарстан
Елабужский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Печатается по решению Научно-методического совета ЕГИАиХМЗ

УДК 94 (470.41)
ББК 63.3 (2 Рос.Тат)
В 11

«В их именах величие России». Вопросы сохранения, изучения и популяризации творческого и научного наследия наших великих земляков и представителей их окружения, неизвестные страницы биографий этих людей, комплектование музейных фондов и социальная миссия музея, краеведение / Материалы научно-практической конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.И. Шишкина и 160-летию со дня рождения В.М. Бехтерева // Редакционная коллегия: Г.Р. Руденко (гл. редактор), А.А. Деготьков, Л.Л. Башкирова, Н.А. Крапоткина, Н.В. Берестова. – Елабуга: ЕГМЗ, 2019. – 268 с.: ил.

Сборник включает материалы научно-практической конференции «В их именах величие России», ставшей важной частью прошедших в Елабуге 25-26 января 2017 года торжеств, приуроченных к юбилеям наших прославленных земляков. В них приняли участие более 100 человек: потомки Шишкина и Бехтерева из России и Финляндии, представители министерств культуры и здравоохранения Республики Татарстан, ученые, исследователи, руководители и сотрудники музеев и высших учебных заведений из разных городов нашей страны.

Бехтерев и Шишкин: встреча через века

Елабужская земля богата людьми, талантливыми в самых разных сферах. Многие из них прославили свою малую родину не только на всю огромную Россию, но далеко за ее пределами. В их числе живописец Иван Шишкин и ученый Владимир Бехтерев, чьи юбилеи Елабужский государственный музей-заповедник при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан широко отмечал с 24 по 27 января 2017 года. По традиции, к организации торжеств присоединились Елабужский муниципальный район и Елабужский институт Казанского федерального университета.

Наиболее значимым мероприятием стала научно-практическая конференция «В их именах величие России», приуроченная к 185-летию со дня рождения И.И. Шишкина и 160-летию со дня рождения В.М. Бехтерева. Ее участниками стали более 250 человек: потомки двух наших знаменитых земляков из России и Финляндии, представители министерств культуры и здравоохранения Республики Татарстан, ученые, исследователи, руководители и сотрудники музеев и высших учебных заведений из разных городов нашей страны, студенты.

25 января гостей на площади перед университетом встречали веселыми гуляньями в честь Татьянинного дня. Затем состоялась торжественная церемония открытия конференции, были зачитаны приветственные телеграммы от президента ИКОМ России, заместителя председателя комитета по культуре Федерального собрания Госдумы РФ А.М. Шолохова, президента Союза музеев России, генерального директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского, правнучки И.И. Шишкина Е.И. Шайкович (Белград, Сербия), внука В.М. Бехтерева М. Данилевского (Сан-Франциско, США), правнука В.М. Бехтерева С.В. Медведева (Санкт-Петербург) и других. Генеральный директор ЕГМЗ Г.Р. Руденко представила участников конференции, среди которых ученые, врачи Санкт-Петербурга и Казани, представители музейного сообщества из разных городов страны и, конечно, 31 представитель династии В.М. Бехтерева (семья Андреевых во главе с праправнуком ученого Александром Сергеевичем) и рода Шишкиных (потомки старшей дочери художника, его сестёр Александры и Анны, дяди Василия Васильевича и Дмитрия Александровича Шишкиных).

На прошедшем вслед за тем пленарном заседании выступили заместитель министра культуры РТ С.Г. Персова, заместитель главы Елабужского муниципального района З.Х. Сунгатуллина, проректор Казанского федерального университета по внешним связям Л.Н. Латыпов, прапраправнук И.И. Шишкина Петри Оуласмаа (Хельсинки, Финляндия), главный врач Республиканской клинической психиатрической больницы им. академика В.М. Бехтерева Ф.Г. Зиганшин, ректор Казанской государственной медицинской академии Р.Ш. Хасанов, заведующий кафедрой психиатрии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова В.К. Шамрей и директор Военно-медицинского музея А.А. Будко. Представители Казани и Санкт-Петербурга подарили Елабужскому государственному музею-заповеднику портреты великого ученого, раритетное прижизненное издание с его статьей и много современных книг об истории медицины и новейших научных исследований в области здравоохранения. В завершение заведующая Домом-музеем И.И. Шишкина Л.Л. Башкирова объявила о начале тринадцатого Республиканского конкурса юного художника «Я рисую как Шишкин» на тему «Как прекрасен этот мир...!». Отметим, конкурс традиционно стартует 25 января в день рождения великого живописца.

Затем участники конференции разделились на две секции. Первая работала в рамках общей темы «Духовное наследие И.И. Шишкина в культурном пространстве современной России». Вторая называлась «Личность великого ученого в истории Отечества. Владимир Бехтерев». А после завершения работы гости отправились в городской Дворец культуры, где в их честь был организован торжественный прием от имени главы Елабужского муниципального района.

26 января юбилейные торжества начались с возложения цветов к памятникам художнику и ученому. На церемонии присутствовал глава Елабужского муниципального района, мэр города Г.Е. Емельянов. Обратившись со словами приветствия к собравшимся, он выразил большую признательность потомкам и другим гостям за то, что они отозвались на приглашение приехать в Елабугу, чтобы почтить память наших великих соотечественников, снискавших известность как в собственной стране, так и далеко за ее пределами.

Затем, разбившись на две группы, одни поехали на малую родину Владимира Михайловича – расположенное неподалеку от

Елабуги село Бехтерево, где были очень радушно встречены в местной школе. Здесь они ознакомились с музейной экспозицией, рассказывающей о жизни и научных достижениях знаменитого земляка. В Петропавловском храме состоялась панихида по В.М. Бехтереву.

Участники второй группы приняли участие в панихиде по Ивану Ивановичу в Спасском соборе Елабуги, затем совершили экскурсии по музеям, а после обеда в Доме-музее И.И. Шишкина заслушали доклад старшего научного сотрудника ЕГМЗ Н.И. Курьелевой «Новые сведения в родословии Шишкиных по материалам архивов Санкт-Петербурга». Также все присутствующие получили отпечатанное в типографии дополненное генеалогическое древо Шишкиных, после чего их вниманию был предложен сорокаминутный фильм «Шишкинские места в окрестностях Елабуги», созданный заведующим музеем природы Национального парка «Нижняя Кама» Р.Х. Бекмансуровым.

В этот же день в Доме-музее И.И. Шишкина прошло открытие двух выставок. В зале живописи рядом с полотнами великого пейзажиста разместились работы его последнего ученика Г.И. Чорос-Гуркина, на глазах которого остановилось сердце учителя. Одиннадцать картин и эскизов привезла в Елабугу из Горно-Алтайска директор Национального музея имени А.В. Анохина Р.М. Еркинова. Представляя экспозицию, она рассказала о жизненном и творческом пути своего выдающегося земляка. В свою очередь, планшетная выставка «Он построил наш Дом», на которой были размещены информационные материалы и фотографии из фондов Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), посвящалась 150-летию со дня рождения уроженца Елабужского уезда Вятской губернии В.Ф. Свинына.

Кроме того, директор Кемеровского областного музея ИЗО Л.И. Мызина передала ЕГМЗ 22 акварели кемеровской художницы Евгении Юмановой. Она дважды приезжала в Елабугу на арт-симпозиумы по современному искусству, а узнав, что музейные работники едут на юбилей И.И. Шишкина, прислала в дар свои работы.

Культурная программа юбилейных торжеств была продолжена в Выставочном зале Елабужского государственного музея-заповедника, где на выставке «Музыка тишины» гости смогли познакомиться с творчеством разносторонне одаренной молодой елабужанки Александры Дружининой. Завершился вечер в город-

ском Дворце культуры концертом «Я, конечно, вернусь...», с которым выступил заслуженный артист России Александр Цуркан. Он включил в программу песни Владимира Высоцкого, воспоминания о нем и об актерах Леониде Филатове и Всеволоде Абдулове. Этот концерт стал еще одним подарком для гостей юбилейных торжеств, которые получили в Елабуге много неизгладимых ярких впечатлений.

Сейчас, спустя год, мы можем смело говорить, что торжества, посвященные юбилеям двух наших прославленных земляков, стали важной вехой в культурной и научной жизни Елабуги, Татарстана и России. И мы рады представить вашему вниманию сборник докладов научно-практической конференции «В их именах величие России», включающий обширный фактологический и аналитический материал, предоставленный участниками мероприятия.

*Генеральный директор
Елабужского государственного
музея-заповедника,
заслуженный работник культуры РФ и РТ
Г.Р. Руденко*

**ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

История семьи – история усадьбы

Работа посвящена судьбе семьи и усадьбы знаменитого художника Василия Дмитриевича Поленова, созданию в ней музея-заповедника.

Ключевые слова: Поленов, художник, Таруса, музей.

N. Gramolina, Russia, Strakhovo

History of the family in the history of the estate

The work is devoted to the fate of the family, the estate of the famous artist Vasily Polenov and the creation of a Museum-Preserve «Polenovo».

Key words: Polenov, artist, Tarusa, museum.

История русской художественной культуры – это не только произведения искусства и творческие судьбы их создателей. В ней значительное место принадлежит культурным центрам, «очагам», воплощавшим в себе существенные стороны духовной жизни своего времени. Хотя они порой сильно отличались друг от друга и содержанием, и силой творческого влияния, но можно определенно утверждать: без них трудно составить общую картину русского художественного наследия.

Усадьба Василия Дмитриевича Поленова на высоком берегу Оки напротив Тарусы – весьма достойный образец такого центра. Несомненно, Поленовский музей несет на себе отпечаток той красивой культуры, расцветом которой были отмечены конец XIX – начало XX вв.

История музея В.Д. Поленова тесно переплетена с историей самой усадьбы и семьи. В то время, когда дом еще только начинали строить, окрестности небольшого городка Тарусы были совсем глухим местом. Новый отсчет времени для этих мест начинается с 1892 года, когда Василий Дмитриевич Поленов, известный русский художник, построил здесь свою усадьбу.

Если попытаться одним словом определить сущность личности В.Д. Поленова, то наиболее точным окажется слово «труженик». Художник, архитектор, музыкант, плотник и столяр, обще-

ственный и театральный деятель... А друг Поленова, русский художник И.Е. Репин, называл его «Василий Дмитриевич – строитель». И не случайно: все здания в усадьбе построены по его проектам. И образ, и назначение дома были predeterminedены Поленовым заранее: он хотел разместить здесь музей, картинную галерею и библиотеку, ибо давно определил для себя основные пути приближения искусства к народу: передвижные выставки, народные музеи и театр. Это еще раз доказывает, что художником владело стремление бороться с безобразным в жизни с помощью художества во всех его проявлениях.

15 октября 1892 г. В.Д. Поленов и его семья – Наталья Васильевна и старшие дети Митя и Катя – вошли в свой новый дом, чтобы навсегда связать свою судьбу с судьбой усадьбы.

Главный усадебный дом не изменился ни в чем со времени его постройки: графически четкий, строгий, элегантно белый, сдержанный по художественному языку. Его компактный, ступенчатый объем прекрасно вписан в окружающий ландшафт, выразительно воспринимается с разных точек зрения, И внутри дома многое осталось неизменным. Лучшее подтверждение тому – старые фотографии, только по ним можно представить, как выглядела усадьба на открытом высоком берегу Оки; только в них очень удачно переданы атмосфера дома, характер его обитателей.

Поленов был пейзажистом не только в живописи, но и в жизни. Парк – детище Василия Дмитриевича, большинство деревьев было посажено его руками, руками друзей, учеников. Поленов десять лет преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и сумел сплотить вокруг себя и своего дома яркую, одаренную молодежь. Василий Дмитриевич не стремился воспитать подражателей своим поискам в искусстве: им были возвращены самобытность личности, неповторимые таланты. Среди Поленовских учеников – художники, составившие славу русского искусства: И. Левитан, К. Коровин, Л. Пастернак, А. Головин, А. Архипов, С. Иванов, И. Остроухов, М. Якунчикова, Е. Татевосян и другие. Трогательная забота Поленова об учениках, отеческое к ним отношение снискали ему большое уважение и признательность; поэтому не удивительно, что в Поленовской картинной галерее так много работ, подаренных ему друзьями и учениками, которые всегда чувствовали себя своими в его доме.

Обитателей и гостей этого дома отличали исключительная благожелательность друг к другу и ко всем проходящим, безуп-

речная порядочность во всем, самый образ жизни, который всегда был проникнут художественными увлечениями. Красота пользы и польза красоты – такими двумя понятиями можно было бы условно определить ту «домашнюю эстетику», которая складывалась в духовной атмосфере усадьбы. «Рыцарем красоты» называли Поленова современники, и это определение великолепно выражает суть всей его деятельности. С полным правом Поленовский музей можно назвать единственным в России именно потому, что жилой дом сразу был и задуман, и построен как музей. Это тот редкий случай, когда произведения искусства естественно вошли в повседневную жизнь человека, стали неотъемлемой ее частью.

На старой фотографии церкви Святой Троицы в с. Бёхово, построенной В.Д. Поленовым в 1906 году, на паперти стоят все прихожане. Среди них – Василий Дмитриевич, его супруга Наталья Васильевна и их сын Дмитрий (1886-1967) – всегдашний церковный староста. Приход бёховской церкви объединялся семьей Поленовых и приглашенными для службы священниками, и включал жителей деревень Бёхово и Митино, где своей церкви не было.

Естественно, разговоры в семье о тех или иных проблемах, связанных с вопросами религии, участие в создании храма Спаса Нерукотворного в Абрамцево и, главное, – великое уважение к православию как вере дедов и прадедов, – все это очень сильно повлияло на формирование мировоззрения сына художника. Он возглавлял музей с 1927 года и руководил им 40 лет.

По образованию Дмитрий Васильевич был биологом, однако после окончания университета вернулся в отчий дом и стал работать в уезде земским начальником. Когда разгорелась Первая мировая, Дмитрий ушел добровольцем на фронт. Воевал доблестно, и за свои подвиги был награжден Георгиевским крестом. Домой он вернулся уже после Октябрьской революции, в 1918 году. К этому времени почти все земли, принадлежавшие Поленовым, отошли сельсовету, в собственности семьи остались лишь усадьба с большим домом, хозяйственные постройки, мастерская «Аббатство».

Чтобы прокормить семью – отца, мать и сестер – в те трудные годы, Дмитрий Васильевич начал заниматься сельским хозяйством, а в пустующих помещениях открыл дачные комнаты для творческой интеллигенции Большого театра. Благодаря авторите-

ту и высокой репутации среди местных крестьян, Д.В. Поленов в 1925 году был избран сельчанами членом Ревизионной комиссии Митинского сельского совета.

В 1927 году Дмитрий Васильевич женился на Анне Павловне Султановой, а летом 1929-го у супругов родился сын, которого назвали Федором. Именно он впоследствии продолжил дело отца и деда по сохранению усадьбы. В октябре 1937-го Поленов вместе с женой попал под репрессии и по ложному доносу провел в лагерях почти семь лет. Лишь благодаря хлопотам сестер – Екатерины, Ольги и Натальи – супругов освободили.

Дмитрий Васильевич продолжил возглавлять музей, причем при весьма скромном финансировании от государства. Как и все Поленовы, он неплохо рисовал, сохранились великолепно выполненные рисунки окских рыб. Он также составил подробный каталог древнегреческой и древнеегипетской коллекций, которые собрал его дед Дмитрий Васильевич-старший. Жизненный и творческий подвиг Д.В. Поленова по хранению, собиранию и пропаганде изобразительного искусства и народного творчества неоднократно поощрялся. В 1958 году ему была назначена персональная пенсия, его имя было занесено в Книгу Почета Тульского управления культуры. Скончался Дмитрий Васильевич 23 декабря 1967 года и был похоронен на кладбище села Бёхово, где покоятся его отец, мать и жена.

Примечательная особенность Поленовского музея: в доме осталось все почти так, как было при жизни семьи. К примеру, было заведено еще много лет назад, при Василии Дмитриевиче Поленове, каждый Новый год встречать сказкой. В самой большой комнате музея – библиотеке – ставили елку для детей окрестных деревень. И обязательно показывали спектакль. Все роли исполняли дети. Традиция новогодних спектаклей соблюдается свято, и это запечатлено в многочисленных фотографиях. Поленовскую семью отличала страстная любовь к театру. Еще в начале XX века в усадьбе был создан крестьянский театр. Смелостью в выборе репертуара он отличался необычайной: не боялись братья за пьесы Шекспира, Шиллера, Мольера. Василий Дмитриевич и его дочери были и костюмерами, и декораторами, а младшая дочь Наталья – талантливой художницей по куклам.

Внук В.Д. Поленова, Фёдор Дмитриевич, который в силу исторических обстоятельств не смог пойти в университет на факультет журналистики, как этого хотел, поступил в Военно-морское

училище им. М.В. Фрунзе в Ленинграде. Окончил его и был отправлен служить на Тихоокеанский, а затем на Балтийский флот. Карьера морского офицера шла успешно, но в 1960 году его отец Д.В. Поленов, будучи совершенно больным человеком, обратился к Н.С. Хрущеву с просьбой демобилизовать сына, чтобы передать ему и «другой корабль» – усадьбу деда. И тридцать лет Ф.Д. Поленов стоял у руля своего «семейного корабля», направляя его абсолютно верным, исторически выверенным курсом.

Музей всегда оставался семейным делом. В настоящее время им управляет дочь Федора Дмитриевича – правнучка художника Наталья Федоровна Поленова. Невзирая ни на какие социальные перемены и смены политического курса, музей-усадьба великого художника В.Д. Поленова хранит и приумножает старые добрые традиции: это и самодеятельный театр, и работа с народными мастерами, и пленэры для российских и иностранных художников, это и многочисленные передвижные выставки, и, конечно, воспитание и художественное образование детей. Помимо этого, музей-усадьба, став музеем-заповедником, взял на себя серьезную ответственность за соблюдение экологического здоровья в регионе и красоту окружающего ландшафта.

Когда-то Федор Дмитриевич Поленов, очень хороший писатель, в одном из своих рассказов сказал следующее: «Мне приходилось встречать в жизни людей, у которых створные знаки жизненного пути определялись понятиями совести и чести. Судьбы их были различны, но след, оставленный ими над глубинами человеческой памяти, был всегда прямым и светлым. Порой нелегко увидеть в неизбежном тумане повседневности знаки заветного створа. Но это нужно – увидеть их. Они покажут истинный путь. Ещё надо, чтобы оба знака были под стать один другому. Тогда не собьёшься с курса, заданного честью и совестью. И оставленный тобою след будет светел и прям».

И до сих пор жива приверженность потомков этой семейной традиции и той интересной, единственной в своей красоте и наполненности глубоким содержанием жизни Поленовской усадьбы. История семьи и история усадьбы неразрывны, как неразрывна история семьи и России. Но это – уже другой рассказ.

На родине

В статье автор рассказывает о знакомстве с Елабугой и приводит фрагменты из своей книги, посвященной Ивану Шишкину.

Ключевые слова: Шишкин, Елабуга, живопись.

L. Anisov, Russia, Moscow

In the homeland

In the article the author tells about acquaintance with the town of Yelabuga and gives fragments from his book devoted to Ivan Shishkin.

Key words: Shishkin, Yelabuga, painting.

Дорогие друзья! Мы встретились с вами в знаменательный день: ровно 185 лет назад в этом городе, в глубинке России, в купеческой семье родился замечательный русский художник, имя его с уважением произносится ныне во всем мире: Иван Иванович Шишкин.

Так и кажется, отворится дверь и войдет сейчас к нам он сам – молчаливый богатырь с удивительно добрыми и внимательными глазами. Товарищи по Императорской Академии художеств не случайно прозвали его Монахом. Непременно с каждым поздороваешься, справишься: как доехали? Ведь здесь нет случайных людей, все – близкие и родные ему. И он тоже каждому из нас по-своему близок. У каждого из нас своя тропинка в его родительский дом.

Я с Елабугой знаком 30 лет, и впервые приехал в этот город в 1987 году. А началось мое знакомство с городом и Шишкиным при следующих обстоятельствах. Помнится, был какой-то пленум Союза писателей. Наступил перерыв, все ринулись из большого зала вниз попить кофейку. И впереди меня по лестнице спускались три очень известных (не буду называть их фамилии, их всех троих уже нет в живых) писателя. То, что сказал один из них, меня просто потрясло. А сказал он буквально следующее: «Ну, нашли художника – Шишкин. Возьми фотоаппарат, щелкни, вот тебе и Шишкин».

А поскольку мы народ совестливый, и любая несправедливость нас задевает... Не мог же я ему при всех заехать по уху, и потому решил ответить совершенно по-другому. В это время как раз издательство «Молодая гвардия» поинтересовалось у меня: «Будете что-то писать?» Я говорю: «Если писать, то только о Шишкине». И в 1987 году поехал в Елабугу.

Приехал сюда зимой. Автобус привез меня к гостинице нефтяников. Сугробы, снег валит. И первое, чего мне захотелось – скорее побежать в дом Шишкина. Но был уже двенадцатый час ночи, и меня остановили: «Куда пойдешь, ты что?! Ложись спать». И тогда я достал переписку Ивана Ивановича и стал читать письма, написанные им сюда, в Елабугу. Как только прочитал первые строки: «Дорогие тятенька и маменька...», буквально дрожь пробежала. Потому что одно дело, когда такое в Москве читаешь, другое – когда письма, которые сюда приходили, читаешь здесь. Они воспринимаются совершенно по-другому. Утром, едва проснувшись, я поскорее отправился в дом-музей Шишкина.

Ведь нас что формирует? Не мать родит, а дом родит, гласит русская пословица. То есть человека взращивают семья, улица, соседи, сам город, окрестности. И не познав всего этого, писать о человеке, тем более именитом, смысла нет. Это будет фальшь, а я не люблю фальши – и сам заблудишься, и других заведешь неизвестно куда. Поэтому я собирал документы очень долго, осторожно. Так началось мое знакомство с этим городом. И вот уже, повторяюсь, 30 лет я связан с Елабугой.

Я рад, что книга «Шишкин» пришлась по душе любителям искусства, живописи. На удивление, она раз шесть или семь переиздавалась. И я позволю себе обратиться к ней и прочитать некоторые страницы, чтобы увидеть сейчас, если можно так выразиться, живую нашего героя в то время, когда он возвращался из петербургской Академии художеств домой, в родную Елабугу.

...Весна в разгаре. Запахи черемухи и сирени разливались в воздухе. Менялись на станциях ямщики, все большие числа значились на верстовых столбах. Появлялись и исчезали по дороге деревни, часовенки со скрипучими воротами. До Елабуги оставалось несколько верст.

Знакомые перелески, пригорки – все наводило на воспоминания прошлого. Ивану Ивановичу казалось, что медленно ползут лошади, и он поторапливал ямщика.

И екнуло сердце, когда завиднелись вдали сверкающие под солнцем купола елабужских церквей.

На дворе никого. Двое щенков, играющих в траве, твякнули на подыхавший экипаж и тут же забылись в игре.

Иван Иванович пересек двор и отворил дверь дома.

Домашних не было. Видимо, ушли в церковь.

Окна распахнуты. Видно Тойму, Каму, заливные закамские луга. Доносились с улицы веселые переливы птичьих голосов. Все в доме, как и прежде.

Мальчик, служивший в доме «на побегушках», кинулся за хозяевами в церковь, а Иван Иванович опустился в глубокое кресло около письменного стола отца. Знакомые до боли вещи лежали на столе. Фотографии сестер, чернильница, амбарная книга. Все на своих местах, никакой перемены не было в постановке мебели. И вновь кинул взгляд на отдаленный лес, луга, реку.

Услышал стук хлопнувшей двери и возбужденный голос маменьки:

– Да где же он?

Следом за ней спешил папенька и любезные сестрицы.

В «Записках достопримечательностей разных» Иван Васильевич сделает помету: «Сын Иван Иванович из Питера через шесть годов приехал 21 мая классным художником первого разряда».

«Можно себе представить, – писала Комарова, – с какой жадностью слушал его рассказы отец, как все родные присматривались к этому новому для них, веселому и неисчерпаемому рассказчику, в котором трудновато было узнать прежнего молчаливого, набожного и сторонящегося от всех неудачника Ваничку».

А он ревниво подмечал, как постарели родители.

Много было переговоров. О Петербурге, Академии, елабужских новостях. Несколько раз приносили и ставили на стол самовар.

Когда же первые волнения улеглись, и надобно было время привести мысли и впечатления в порядок, Иван Иванович вышел из дому покурить табачку. Сестры не отпускали его.

Не слышал Иван Иванович, как папенька дрогнувшим голосом неожиданно произнес, обернувшись к Дарье Романовне:

– Жизнь, матушка, вел воздержанную, вина не пил, табаку не курил, рысистыми лошадьми не увлекался, а экого вон сына вырастил.

На ступенях Покровского собора отдыхали старушки, греясь на солнце. По реке тащились баржи и пароходы. Прощумит, прощвистит пароход, стуча колесами, застелет черным дымом гористый берег, подплывая к пристани, а через несколько минут отчалит, забрав пассажиров и огласив окрестность резким гудком.

– Ну, сестрицы любезные, каково живется-можется? – спрашивал Иван Иванович, а те принимались рассказывать о потаенном. Можно ли от братца любимого скрыть что-либо?

Катится к лесу солнце. Вытягиваются тени. Свежеет заметно. И пахнет, пахнет черемуха. И явно слышны голоса проходящих по набережной купцов:

– Что, Лексеич, с пристаней-то пишут? Каково там?

– Будто бы хорошо.

– Гм... Хорошо-то оно хорошо, да поднять бы еще на полтину – тогда бы можно из убытков выкрутиться. Пожалуй, и барыш бы остался.

– Не без того...

И затихают голоса. И зажигают свет в окнах домов. И ударяет колокол, сзывая к вечерне...

С утра он отправился на этюды.

Вьется по подгорью малоприметная тропинка. Вдруг вовсе из виду скроется, будто в прятки с путником играет, и вынырнет неожиданно где-нибудь на ровном месте. В лесу тихо. Сонно. Вроде и птиц не слышно. И спадает напряженность, которую испытывал последнее время, и радость охватывает от увиденного, подзабытого за много лет.

Нет, нет, живет лес. Вон дятел застучал, зашуршала мышь, напуганная шагами, и юркнула через тропку в густую листву.

За лесом поле бескрайнее, а чуть в стороне видны крыши домов деревни.

Зной, жара. Белесые тучки на небе. Глаза слепит от солнца. Но вот подул ветерок. Заметно потемнело небо на горизонте. Издалека донеслись раскаты грома. Повеяло свежестью. И первые тучи тенью проплыли по земле.

– Что, будет дождь? – поинтересовался Шишкин у крестьянина, работавшего в поле.

– Господь его знает.

– Ты-то как думаешь?

– Може и будет...

И глянув на небо, на горизонт, направился все же в сторону деревни.

В то лето наработано было много. Написаны «Шалаш», «Мельница в поле», «Болотистая местность при закате солнца», «Речка»...

«В продолжении бытия написал разных картин до пяти-десяти штук клеевыми и масляными красками», – отметит Иван Васильевич в своих достопримечательных записках.

И мудро было не написать этого. Ведь творил он на родине...»

*В.К. Шамрей, И.В. Литвиненко, А.Г. Чудиновских;
Россия, Санкт-Петербург*

В.М. Бехтерев – основатель отечественной военной психоневрологии

В статье рассматривается вклад Владимира Михайловича Бехтерева в становление и развитие отечественной военной психоневрологии. Особое внимание уделено Русско-японской войне, когда непосредственно на фронте впервые были заложены клинико-организационные основы оказания психиатрической помощи в боевых условиях. Этот опыт позволил В.М. Бехтереву на III съезде отечественных психиатров выделить военную психиатрию в отдельную дисциплину. В 1914 г. ученый предложил план оказания помощи воинам, который предусматривал не только психиатрическую, но и неврологическую помощь. Он разработал основные принципы психоневрологического обеспечения боевых действий, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Ключевые слова: Владимир Михайлович Бехтерев, история отечественной военной неврологии, история отечественной военной психиатрии.

*V. Shamrey, I. Litvinenko, A. Chudinovskih;
Russia, Saint-Petersburg*

V.M. Bekhterev – founder of Russian military psychoneurology

The article considers the contribution of Vladimir Bekhterev to the formation and development of the national military psychoneurology. Special attention is paid to the Russo-Japanese War, when for the first time directly at the front the clinical and organizational foundations for the provision of psychiatric assistance in combat conditions were laid. This experience allowed V. Bekhterev to separate military psychiatry as a special branch of science at the III Congress of Russian psychiatrists. In 1914, the scientist proposed a plan to provide assistance to soldiers, which stipulated not only psychiatric, but also neurological care. He developed the basic principles of psycho-

neurological support for combat operations, which have not lost their relevance at the present time.

Key words: Vladimir Bekhterev, the history of Russian military neurology, psychiatry, history of the Russian military psychiatry.

Официальным рождением термина «военная психиатрия» можно считать 3 (16) января 1910 года, когда на III съезде отечественных психиатров состоялось заседание военной секции [11]. С этого времени военная психиатрия была выделена в отдельный раздел. В её становлении особое место занимает Русско-японская война, когда непосредственно на фронте, в основном учениками В.М. Бехтерева, который руководил кафедрой психиатрии Военно-медицинской академии, впервые были заложены клинико-организационные основы военной психиатрии. Как отмечают С.В. Литвинцев и Ю.М. Кузнецов, «в сложившейся тогда в русской армии системе медицинского обеспечения в военное время оказание психиатрической помощи не было предусмотрено никакими планами. Положение осложнялось еще и тем, что в Забайкалье и Приамурье не было военно-психиатрических лечебных заведений... Организация психиатрической помощи почти полностью перешла в ведение Российского Красного Креста» [7]. Роль этой организации подчеркивает также А.В. Шабунин (1998): «Нужно отдать должное руководству Российского общества Красного Креста (РОКК), которое пришло на помощь военному ведомству. При Главном управлении РОКК весной 1904 г. была создана специальная комиссия под председательством директора Медицинского департамента В.К. Анрепа. В нее вошли главный врач больницы св. Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге Н.Н. Реформатский, директор частной психиатрической больницы М.Н. Нижегородцев, психиатр Варшавского военного госпиталя П.М. Автократов и ряд других лиц. К участию в работе комиссии были привлечены также профессора Военно-медицинской академии В.М. Бехтерев и В.Н. Сиротинин. Чрезвычайно загруженный работой по Медицинскому департаменту В.К. Анреп не мог уделять большого внимания комиссии, поэтому практически всей ее деятельностью руководил академик В.М. Бехтерев. Комиссия, прежде всего, занялась рассмотрением вопроса о возможном числе душевнобольных в войсках, для которых потребуется организация специализированной помощи. Такое число было определено – 1500 человек в год, и эта цифра оказалась до-

вольно близкой к реальным показателям» [10]. Подводя итоги японской военной кампании, Х.Ш. Боришпольский (1910) отмечает, что «число душевнобольных на театре войны, включая и дальний тыл, за 1904 и 1905 годы нужно считать равным 2373» [2].

Основная деятельность комиссии была направлена на разработку общего плана организации психиатрической помощи на театре военных действий. Предполагалось устройство «двух типов лечебных заведений для душевнобольных военнослужащих: 1) лечебные стационары, сравнительно недалеко расположенные от действующей армии, для больных, требующих стационарного лечения на протяжении 1-2 месяца, с последующим решением вопроса о возвращении их в строй или эвакуации во внутренние округа; 2) этапные пункты или приемные покои для кратковременного помещения больных, нуждающихся в отправке в психиатрические отделения госпиталей глубокого тыла. Лечебные заведения первого типа, каждое на 50 коек, решено было организовать в Харбине, Чите, Нерчинске и Верхоудинске, а этапные пункты разместить вблизи железных дорог. Кроме того, при полевых учреждениях предполагалось иметь психиатрические покои для первичного осмотра, предварительной диагностики и скорейшего отправления душевнобольных в ближайший психиатрический стационар. Таким образом, создавалась возможность непрерывного наблюдения за каждым больным от передовых позиций до центральных районов России. Подобную преемственность В.М. Бехтерев считал чрезвычайно важной. По его рекомендации практическое осуществление разработанного комиссией плана было поручено П.М. Автократову. Неблагоприятная обстановка, сложившаяся на театре военных действий, особенно после неудачных для русской армии боев под Мукденом, однако, задержала осуществление намеченного плана» [10].

Н.Н. Тимофеев (1962) утверждает, что именно «в Мукдене (затем Гунджулине) был открыт полевой психиатрический приемный покой, куда отправляли всех душевнобольных из войскового района» [9]. Уже в апреле 1904 г. было открыто психиатрическое отделение в Первом Харбинском госпитале. В декабре того же года «по инициативе общественной организации Красного Креста в Харбине был открыт специальный Центральный психиатрический госпиталь на 15 офицерских мест и 35 для нижних чинов» [10], что сразу же после его открытия «оказалось неадекватным наплыву пациентов. Штат госпиталя составляли 6 вра-

чей, 6 фельдшеров, 12 санитаров и группа рядовых служителей» [10]. А.В. Шабунин (1998) особо подчеркивает, что «подготовка персонала для работы в психиатрических отделениях военных госпиталей на Дальнем Востоке была организована в Военно-медицинской академии при руководимой В.М. Бехтеревым кафедре» [10]. В психиатрическом отделении первого Харбинского госпиталя, которым заведовал Х.Ш. Боришпольский, вначале было развернуто 6 коек, но уже в сентябре их количество увеличилось до 30. Прием, сортировку, лечение и эвакуацию первых больных проводил Г.Е. Шумков. В частях действующей армии психиатром работал А.В. Ильин. Эвакуация больных в стационары центральной части страны была организована железнодорожным транспортом.

Порт-Артур оказался в блокаде. В городе был военный госпиталь с психиатрическим отделением на 45 мест. Заведовал отделением ученик В.М. Бехтерева С.Д. Владычко. Эвакуация этих больных осуществлялась морем в Одессу на протяжении 70 дней в сопровождении самого Владычко. Наблюдения за душевнобольными в течение путешествия легли в основу его диссертации. Таким образом, первая диссертация по военной психиатрии была посвящена морской тематике.

Бехтерев внимательно следил за работой психиатрических госпиталей, и когда в 1909 г. он был избран руководителем III съезда отечественных психиатров, то впервые включил в программу мероприятия посвященные военной психиатрии доклады [10]. Жизнь настоятельно требовала безотлагательного переосмысления опыта по оказанию психиатрической помощи на войне, тем более что организационные формы и методы ее уже сложились. Необходимы были научные положения, которые бы узаконили новое направление науки. На III съезде отечественных психиатров 3 (16) января 1910 г. состоялось заседание военной секции: «Были заслушаны доклады П.М. Автократова (Иркутск) “Призрение душевнобольных во время Русско-японской войны”, Х.Ш. Боришпольского (Санкт-Петербург) “Об организации психиатрической помощи на твд в будущей войне”, Л.М. Станиловского (Москва) “Об организации психиатрической помощи на твд”, Г.Е. Шумкова (Санкт-Петербург) “Задачи военной психиатрии”» [4]. В докладах указывалось, что «опыт войны оправдал существование полевых подвижных психиатрических лазаретов, что психиатр необходим в каждой дивизии, что для общего руко-

водства психиатрической помощью на войне нужна должность “полевого психиатра”» [9].

Развернувшиеся по докладом прения показали, что «большинство присутствующих в своих выступлениях оперировали термином “военная психиатрия” как вполне привычным понятием. Это можно отнести даже к тем, кто пытался возражать. Например, В.С. Светлов сделал замечание, что термин “военная психиатрия” нуждается в обосновании, ибо не доказано существование особых военных психозов... Э.В. Эриксон высказал мнение, что военная психиатрия должна быть основным направлением борьбы с алкоголизмом в войсках... Наиболее же решительно не в пользу нового медицинского понятия отозвался один из авторитетнейших участников заседания П.П. Кашенко, он сравнил военную психиатрию с учебной дисциплиной гладиаторских школ». Кашенко иронически предлагал расширить ее задачи и распространить заботу психиатра на начальствующих лиц, проявивших во время Русско-японской войны панику и растерянность, «но это замечание уже не могло перевесить чашу весов и осталось лишь принятым к сведению» [3]. Оживленные прения завершились принятием резолюции, в которой констатировалось, что съезд «признает недопустимым повторение неподготовленности к призрению и эвакуации душевнобольных, обнаружившейся в начале бывшей войны, и считает необходимым впредь выработать заблаговременно соответствующую организацию этого дела» [10].

Резолюция III съезда напомнила о себе, когда спустя всего 4 года России пришлось вступить в Первую мировую войну. «Привлеченный к участию в комиссии РОКК В.М. Бехтерев вновь активно включился в разработку практических мер, направленных на выявление, лечение и эвакуацию душевнобольных воинов. К этому времени относится его предложение о необходимости объединения в военное время психиатрической и неврологической помощи, особенно в полевой обстановке. Его термин “психоневрология” в эти годы прочно вошел в лексикон военных врачей» [10].

В сентябре 1914 г. Владимир Михайлович предложил разработанный им план оказания помощи душевнобольным, основанный на опыте Русско-японской войны. В этом плане он предусматривал «не только психиатрическую, но и неврологическую помощь, отсутствовавшую в Русско-японскую войну. По его мнению, организация невропсихиатрической помощи должна начинаться с

войскового района и быть объединенной, так как в полевых условиях очень трудно разграничить функции психиатра и невропатолога» [9]. Вопросы военной психиатрии Бехтерев рассматривал и в 1915 г. в работе «Война и психозы», которая вышла в разгар Первой мировой и стала заметным событием в истории этого медицинского направления. В ней Владимир Михайлович изложил свои взгляды на некоторые вопросы психопатологии и отметил несомненный факт увеличения числа душевных заболеваний в военное время, подчеркнув, что «война – непосредственно производящая причина появления психозов». В то же время он подтвердил наблюдения отечественных психиатров, согласно которым каких-либо особых «военных психозов» боевые действия не вызывают: «Война приводит к развитию обычных форм истерии, неврастении, психастении и других невро-психозов». Многие высказанные В.М. Бехтеревым в этой работе предложения были использованы при разработке «Положения по организации призревания, эвакуации и распределения по лечебницам душевнобольных воинов действующей армии» [10].

Обобщение этого опыта позволило разработать основные принципы психиатрического обеспечения боевых действий, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время. В современной интерпретации их можно сформулировать следующим образом: приближенность психиатрической помощи к передовым районам; осуществление прогностической сортировки на всех этапах медицинской эвакуации; унификация подхода к диагностике, лечению и прогнозированию исходов в отношении военнослужащих с психическими расстройствами на театре военных действий; организация преемственности и последовательности в оказании психотерапевтической, психокоррекционной и психофармакологической помощи; необходимость проведения реабилитационных мероприятий.

Несмотря на то, что третий Съезд отечественных психиатров (1910) принял решение о создании военной психиатрии, «к началу Первой мировой войны (1914) план организации психиатрической помощи в боевых условиях не был выработан» [4]. В тот период организация военной психиатрической помощи «не предусматривала оказания специализированной психиатрической помощи в войсковых и фронтовых районах. Предполагалось, что (по сравнению с Русско-японской войной), процент психических заболеваний будет ниже в связи с запрещением употребления ал-

коголя» [3]. Приближение психиатрической помощи к передовым районам в русской армии считалось ненужным. Это привело к тому, что «большая часть психически больных эвакуировалась с фронта и в боевые порядки не возвращалась» [7]. Как исключение можно рассматривать инициативу Г.Е. Шумкова, который в мае 1917 г. на Северо-Западном фронте организовал первые нештатные психоприемники, которые просуществовали недолго из-за начавшейся революции. Элементы военно-психиатрического обеспечения «внедрялись на ходу» – к этому вынуждала боевая обстановка. Решение основных задач в этом направлении фактически было возложено на Красный Крест, который представляли на фронтах три уполномоченных, наделенных чрезвычайными правами: Н.Н. Реформатский (Северо-Западный фронт), А.В. Тимофеев (Юго-Западный фронт), Н.Н. Баженов, которого позднее сменил А.И. Прусенко (Кавказский фронт)» [4]. Вместе с тем, эти «чрезвычайные уполномоченные» были назначены только весной 1917 года. К тому времени обстановка на фронтах была такова, что в условиях повсеместного разложения армии и массового дезертирства их распоряжений никто не выполнял. В частности, Н.Н. Реформатский, который пытался наладить оказание помощи душевнобольным воинам Северо-Западного фронта и их эвакуацию с оккупированных территорий, в 1917 году в Минске (во время революционных событий) был отстранен от должности «с применением насилия» и едва остался жив.

Несмотря на очевидное преобладание контуженных в структуре потерь психоневрологического профиля, «психические расстройства при контузионных поражениях, особенно воздушной взрывной волной, мало или вовсе не изучались» [3]. Существовала концепция конституциональной неполноценности, согласно которой психическое заболевание на войне – следствие врожденной предуготованности. Эту концепцию подверг радикальному пересмотру ученик В.М. Бехтерева В.П. Осипов. Под его руководством в 1917 году сотрудник Центрального госпиталя душевнобольных воинов С.А. Преображенский защитил на кафедре психиатрии Военно-медицинской академии диссертацию на степень доктора медицины «Материалы к вопросу о душевных заболеваниях воинов и лиц, причастных к военным действиям в современной войне», а сотрудник кафедры Н.М. Добротворский в 1919 году опубликовал обзор «Душевные заболевания в связи с войной». Преображенский в своей диссертации не только касался

клинической психиатрии, но и приводил данные психической заболеваемости в различных армиях в предшествующие войны. Но в целом разработанные в период Русско-японской войны принципы приближенности психиатрической помощи к боевым порядкам в нашей армии использовались мало как в Первой, так и во Второй мировой войне, тогда как «армии западных стран в полной мере использовали достигнутое русскими... В передовых районах у них развертывались военно-лечебные учреждения для больных психоневрозами» [7]. В частности, США использовали эти принципы во Второй мировой войне, во время боевых действий в Корее и Вьетнаме, а Израиль – во время войн на Ближнем Востоке.

События 1917 года привели к существенным изменениям в принципах построения и функционирования военной медицины, в том числе психиатрии. 10-12 апреля Правлением русского союза психиатров и невропатологов была созвана специализированная конференция, которая прошла в Москве. Участники конференции заслушали и обсудили доклады П.П. Кашенко «Общие соображения о конструкции органов для ведения психиатрического дела в условиях военного времени», А.А. Бутенко «О реорганизации военно-психиатрического дела в тылу в связи с установлением нового государственного строя», В.А. Тер-Аветисова «О мобилизации врачей психиатров и невропатологов (в том числе женщин)». Кашенко высказывал свое «привычное» мнение о том, что «устройство особого “военного” психиатрического попечения невозможно и ненужно» [11]. Даже спустя восемь лет после Третьего съезда отечественных психиатров, где он выступал против самостоятельного выделения военной психиатрии, авторитетный ученый так и не смог «себя убедить» в целесообразности этой медицинской дисциплины.

В годы Гражданской войны не было даже попыток организовать психиатрическую помощь в Вооруженных Силах. Практически все случаи «неадекватного поведения» бойцов Красной Армии решались революционными трибуналами. К тому же во время разрухи резко возросла инфекционная заболеваемость. На этом фоне психические расстройства у военнослужащих существенной актуальности не представляли. Медицинское руководство не видело перспектив в лечении психически больных и сохранении их для военной службы. По мнению ряда ученых, представления политических и некоторых военных руководителей того

периода о психической заболеваемости среди военнослужащих сводились к отрицанию такого рода расстройств вследствие отсутствия социальных причин для их развития в Рабоче-крестьянской Красной Армии. Постановлением главы Наркомата здравоохранения Н.А. Семашко от 18.09.1918 г. все психиатрические отделения военных госпиталей были переданы в распоряжение Невро-психиатрической подсекции Наркомата. 24 апреля 1920 года был издан Приказ заместителя наркома здравоохранения З.П. Соловьева за №77, объявлявший Приказ Наркомата здравоохранения №46 от 19 апреля 1920 года, суть которого сводилась к ликвидации психиатрических отделений военных госпиталей и направлению душевнобольных красноармейцев в специализированные гражданские больницы. Психиатрическая служба в армии была практически ликвидирована и почти 10 лет военная психиатрия в стране была представлена лишь сотрудниками специализированной кафедры Военно-медицинской академии. Например, психиатрическое отделение Первого Петроградского Николаевского сухопутного госпиталя полноценно не функционировало с 1919 года, когда госпиталь переключился на обслуживание исключительно сыпнотифозных больных [8]. Официально последние психиатрические отделения военных госпиталей в Москве и Петрограде были закрыты в 1923 году [1].

Тем не менее, в новых политических условиях В.М. Бехтерев и его сотрудники продолжали научные исследования в области военной психиатрии. Были выполнены работы К.И. Поварнина «К вопросу о влиянии войны на возникновение душевных заболеваний», В.Я. Анфимова «Исследование работоспособности и ассоциаций при травматическом неврозе военного времени», А.Г. Иванова-Смоленского «Простая слуховая реакция при травматическом неврозе», А.В. Триумфова «О задачах психопрофилактики в армии» и «К вопросу о военно-психиатрической гигиене и профилактике в Красной Армии». В 1917 году С.А. Преображенский защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины «Материалы к вопросу о душевных заболеваниях воинов и лиц, причастных к военным действиям в современной войне», а в 1920 году – Н.И. Бондарев: «Опыт экспериментально-психологического исследования влияния боевых впечатлений на солдат».

Однако эти исследования оказались невостребованными. Даже после окончания Гражданской войны, по мнению военно-полити-

ческого руководства того времени, психических заболеваний в армейском коллективе «в эпоху великих преобразований быть не должно». Понятие психических заболеваний и расстройств в армии (в том числе в военное время) всячески нивелировалось, повсеместно употребляли термины «нервные», в лучшем случае – «нервно-психические» заболевания. «Распространенными в то время в Красной Армии были взгляды на психические расстройства как на симулятивные действия. Врачи и командиры призывались к “борьбе с нервно-психическими заболеваниями”» [5], обсуждались даже вопросы «дисциплинарной и судебной ответственности невротиков военнослужащих» [6]. Военнослужащие с психозами поступали в гражданские психиатрические больницы, а лица с пограничными психическими состояниями, как правило, концентрировались в неврологических отделениях госпиталей, соответственно, вопросами их военно-врачебной экспертизы занимались либо гражданские врачи, либо невропатологи.

С течением времени стало ясно, что решение о закрытии психиатрических отделений в военных госпиталях было неверным. Врачи гражданских психиатрических больниц «не знали специфики военной службы, что затрудняло проведение военно-врачебной экспертизы. Терялся контроль за уровнем заболеваемости, возможность анализа ее причин. Эти затруднения привели к тому, что встал вопрос о восстановлении должностей военных психиатров. На совещании в Военно-санитарном управлении РККА в августе-сентябре 1928 г. было вынесено постановление об учреждении штатной должности окружного психиатра» [1]. В 1932 г. в штаты московского Главного госпиталя возвратили психиатрическое отделение на 15-20 коек [3]. Вместе с тем, для восстановления психиатрических отделений военных госпиталей в других военных округах потребовалось около полувека. Например, в Ленинградском округе «официально штаты психиатрического отделения были выделены в 1961 г.» [1].

Таким образом, можно сказать, что вклад В.М. Бехтерева в становление и развитие отечественной военной психоневрологии был довольно значительным, если не основополагающим. Тем не менее, его идеи по организации психоневрологической помощи в условиях боевых действий (на основании опыта Русско-японской войны) во время последующих военных конфликтов оказался не востребованным. И все же о работах Бехтерева и его учеников организаторы военного здравоохранения, военные психиатры и

неврологи вынуждены были вспомнить через 15 лет после смерти ученого, когда началась Великая Отечественная война. Однако эта тема требует отдельного глубокого рассмотрения.

Примечания

1. Аляпкин С.Ф. Очерк по истории психиатрических отделений 442 окружного военного клинического ордена Трудового Красного Знамени госпиталя им. З.П. Соловьева. – СПб., 1995. – 33 с.

2. Боришпольский Е.С. Об организации психиатрической помощи на театре военных действий в будущие войны. – Казань, 1910. – 12 с.

3. Колупаев Г.П. Военная психиатрия в России: истоки, пути исторического развития / Актуальные вопросы военной психиатрии: к 275-летию отечественной психиатрии: тез. докл. науч.-практ. конф., 19 ноября 1998 г. – М., 1998. – С. 12.

4. Колупаев Г.П. Очерки истории отечественной общей и военной психиатрии. – М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2005. – 453 с.

5. Лаврентьев Н.А. Об ответственности невротиков военнослужащих / Н.А. Лаврентьев / Военно-санитар. дело. – №1, 1929. – С. 37-39.

6. Лаврентьев Н.А. Нервно-психические заболевания в Красной Армии и борьба с ними / Военно-санитар. дело. – №5, 1929. – С. 46, 48.

7. Литвинцев С.В., Кузнецов Ю.М. Страницы истории военной психиатрии: к 200-летию юбилею ВМА. – СПб.: ВМА, 1998. – 56 с.

8. Материалы по истории Ленинградского окружного военного госпиталя / под ред. Б.Н. Ибрагимова. – Л.: Медгиз, 1948. – 92 с.

9. Тимофеев, Н.Н. Очерки военной психиатрии. – Л.: ВМА, 1962. – 280 с.

10. Шабунин, А.В. Роль В.М. Бехтерева в становлении отечественной военной психиатрии / Журн. неврологии и психиатрии. – Т. 98, вып. 11. – 1998. – С. 44-45.

11. Эдельштейн, А.О. Психиатрические съезды и общества за полвека: (к истории мед. общественности); 1887-1936. – М.: Медгиз, 1948. – С. 16, 40.

Григорий Иванович Чорос-Гуркин – последний ученик Ивана Ивановича Шишкина

Статья рассказывает о судьбе и творчестве знаменитого художника, писателя и просветителя Республики Алтай, его дружбе с нашим прославленным земляком-пейзажистом.

Ключевые слова: Чорос-Гуркин, Шишкин, Алтай, живопись.

R. Erkinova, Russia, Gorno-Altaysk

Grigory Choros-Gurkin – the last pupil of Ivan Shishkin

The article tells about the fate and creative work of the famous artist, writer and enlightener of the Altai Republic, his friendship with our celebrated countryman – landscape painter.

Key words: Choros-Gurkin, Shishkin, Altai, painting.

Григорий Иванович Чорос-Гуркин (1870-1937) – ученик и последователь И.И. Шишкина, воспитанник Императорской Академии художеств, легенда сибирского искусства. В начале XX века он был широко известен как представитель выдающейся плеяды художников, участник Товарищества передвижных художественных выставок, Весенних выставок Академии художеств, Общества поощрения художников, как замечательный мастер эпического сибирского пейзажа, одаренный живописец и прекрасный рисовальщик, с успехом экспонировавший свои произведения по Сибири. Как отмечала тогда пресса, «у Сибири появился, наконец, свой художник, сын Алтая, воспевающий дорогой и любимый край в красках». В советское время имя художника долго оставалась малоизвестным за пределами региона главным образом по идеологическим причинам – в годы сталинских репрессий он был расстрелян «как враг народа».

Последовавшая в 1956 г. реабилитация Г.И. Чорос-Гуркина стала открывать перед новым поколением величие его свершений. Первый профессиональный художник среди коренных народов Сибири, он проложил пути синтеза традиционного народного искусства с достижениями русской реалистической школы. В Си-

бири Григорий Иванович прославился как талантливый писатель, просветитель, педагог, мыслитель. Его богатейший опыт по национально-территориальному обустройству Горного Алтая был использован советским государством в создании Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области (1922), преобразованной впоследствии в Республику Алтай, что еще раз доказало жизнеспособность гуркинских идей.

В начале 90-х гг. XX в. из некогда недоступных архивов КПБ в руки исследователей была передана часть следственных документов по делу Г.И. Чорос-Гуркина, откуда удалось установить впервые точные даты: рождения – 12 января 1870 г. и гибели – 11 октября 1937 г. Между ними и заключена жизнь человека, ставшего для нас знаковой фигурой XX века и нравственно-духовным ориентиром в новом, третьем тысячелетии.

Григорий Иванович родился 12 января 1870 г. в небольшом селении Улала (ныне г. Горно-Алтайск) в семье кустика-седельника из древнего рода «чорос». Первоначальное образование получил в школе Алтайской духовной миссии, занимался в местной иконописной мастерской, затем Бийска, работал учителем в школе с. Паспаул. Известно, что Гуркин копировал репродукции из журнала «Нива» и, конечно, видел воспроизведенные картины учеников Академии художеств, читал статьи об Академии, очерки жизни и творчества русских художников. Сохранившиеся работы тех лет показывают наблюдательность автора, стремящегося передать общее впечатление от увиденного. В середине 1890-х гг. Григорий Иванович создал свои первые живописные полотна. Одна из них – «Ночь жертвы (Камлание)» 1895 г., где он стремился воплотить в живописи все те знания, которые получил непосредственно от наблюдения над ритуально-магическим шаманским действием. Наиболее подробный анализ первого живописного полотна Чорос-Гуркина содержится в трудах известного алтайского искусствоведа, выпускника Академии художеств В.И. Эдокова «Г.И. Гуркин. Очерк о жизни и творчестве» и «Мастер из Аноса», где он называет эту работу по своему значению «этапным произведением, поскольку в нём воплотился результат его предшествующего развития и одновременно оно стало началом его большого пути в искусстве» [1, с. 7]. Эдоков отмечает, что в живописной технике молодого художника проявляются умения и навыки, полученные им в иконописных мастерских Улалы и Бийска: «В картине выдержан традиционный для местных иконопис-

цев зеленовато-коричневый колорит. Она написана тонким слоем краски с применением лессировок» [2, с. 7].

В 1896 г. Чорос-Гуркин знакомится с собирателем алтайского фольклора А.В. Анохиным – одним из первых организаторов краеведческой работы в Горном Алтае и заведующих музеем (1869-1931) – и решает посвятить себя искусству, для чего едет в Петербург. Отметим, Анохин свыше 20 лет своей жизни посвятил сбору и изучению материалов по этнографии, фольклору, музыкальному и песенному творчеству народов Южной Сибири. В 1989 г. его имя было присвоено Национальному музею Республики Алтай.

«Кто именно давал Гуркину рекомендации и кому они были адресованы мы, кажется, никогда не узнаем, – пишет известный сибирский искусствовед П.Д. Муратов. – Уверенно можно сказать лишь о том, хотя об этом и нет прямых свидетельств, что Гуркин вез в Петербург рекомендательное письмо Г.Н. Потанина, с которым к тому времени вел уже почти сорокалетнее знакомство. В годы их обоюдной молодости они вместе ездили на Валаам, где монахи предоставляли Шишкину удобное место для житья и для работы, Шишкин делил монашеские милости с Потаниным. Шишкин там писал картины – их Потанин хорошо помнил всю жизнь и на закате дней описал в воспоминаниях, – Потанин же занимался этнографическими исследованиями» [3, с. 41-42].

Далее читаем у М.М. Далькевича в его первом биографическом очерке о Чорос-Гуркине 1908 г.: «Вскоре между профессором и учеником образовалась тесная связь и симпатия, основанная на их даровании, однородности художественных вкусов и стремлений и на одинаковой работоспособности и любви к делу. Для него существовал только Шишкин, тем более что он изображал тот же лес, любил ту же глухую непролазную, дикую тайгу, среди которой всю жизнь провел и Гуркин. Учитель и ученик по духу оказались родственными и были будто созданы друг для друга. Молодому художнику не приходилось тратить, подобно другим, целые годы на трагические искания “самого себя”, которые сплошь и рядом губят и очень крупные дарования. Под руководством Шишкина он сразу стал на “свою” дорогу и пошел по ней уверенно, быстро достигнув таких результатов, что еще на ученической скамье его алтайские этюды ничем не уступали работам профессора» [4, с. 852].

В Научно-библиографическом архиве Академии художеств хранится рукопись А.Т. Комаровой (племянницы И.И. Шишкина) 1898 года, где есть страницы о том, что последние месяцы своей жизни Иван Иванович посвятил новому ученику из далекого Алтая, стремясь развить его художественные способности и навыки: «Ивану Ивановичу очень понравились рисунки одного алтайца, Гуркина, только что приехавшего учиться в Академию, и он принял в нем такое участие, какого давно никому не показывал. Он мог бы поместить его в свою мастерскую в Академии, но решил, что Гуркин будет заниматься у него на квартире, что в Академии, пожалуй, собьют с толку, испортят это “дитя Алтая”. Иван Иванович как будто торопился все показать Гуркину, всему его научить и развить его [5, л. 77-78].

Недолгое по времени, но исключительно плодотворное по результатам обучение у знаменитого художника дало Григорию Ивановичу прочные основы реалистичного метода создания пейзажа, где он во многом следовал традициям своего учителя: «Лесная дорога» (1897), «Копия с этюда И.И. Шишкина» (1898), «Упавшее дерево» (1898). Первая соединяет в себе и графическое, и живописное искусство. Она сделана в черно-белой гамме – технике гризайль, которая традиционно выполняется с использованием одного цвета с его тоновыми вариациями.

Приводим также слова Г.Н. Потанина об учителе и ученике: «Алтайский художник в своем развитии идет по следам своего учителя Ив. Ив. Шишкина. Прикованный своими детскими впечатлениями к природе Вятского края и к родственной с нею лесной полосе, и оставшийся до конца жизни верным своему предназначению дать отражение этой природы на полотне, Шишкин, изучая ее, постепенно переходил от крупных этюдов к деталям. Он изучал, из каких растений составляет плато, окружающее ствол сосны, какие растения образуют бордюры вдоль поверженной на землю колоды. Он доходил до того, что приводил в восторг ботаника, который в его мазках узнавал вид грушанки; и под конец почти превратился в натуралиста. Хотя Шишкин писал исключительно пейзаж, но во время своей работы он не думал только о срубленных пнях, о покрытых мхом колодах: он переживал в это время и воспоминания совершенно в другом роде. Когда он рисовал лесную трущобу, в его памяти мелькал образ крестьянина-промышленника, стреляющего по рябчикам. Лес перед ним оживал не только в своих красках, но и в своих звуках и шумах.

Совершенно то же самое мы замечаем и в Гуркине. Хотя он так же свою кисть посвящает исключительно пейзажу, но перед его глазами Алтай постоянно живет своей полной жизнью. Его интересуется не один пейзаж, но также и жизнь обитателей Алтая, которую он наблюдает до крайних ее подробностей» [6, с. 99].

После смерти учителя Григорий Иванович был зачислен вольнослушателем в мастерскую профессора А.А. Киселева Академии художеств (1899-1904). Это был петербургский период в творчестве алтайского живописца (1897-1905) – время исканий и надежд, упорного изучения природы, формирования мастерства и окончательного выбора пути.

Приехав на родину, художник поселился в селе Анос на левом берегу живописной реки Катунь. Позднее он выстроил здесь дом, мастерскую, шестигранный аил, разбил большой сад, провел арык – суак. Среди величественных гор, наедине с природой прошли наиболее плодотворные годы жизни Чорос-Гуркина. В этот период (1906-1916) он создает лучшие свои произведения: «Сосна Аската» (1906), «Хан-Алтай» (1907), «Озеро горных духов» (1910), «Корона Катунь» (1910), «Водопад Балыкту-Суу» (1912), «Юрта в саду художника» (1912), «Катунь весной», «Белуха» и десятки других больших и малых полотен, хранящихся сегодня в лучших музеях Сибири.

Начав свой творческий путь как ученик И.И. Шишкина и А.А. Киселева, алтайский художник от изображения конкретной природы в ранних работах перешел к написанию больших композиционных произведений, стремился к созданию собирательного образа величавой природы Алтая, желал проникнуть в глубины национального художественного мышления, постичь эстетическое отношение алтайцев к окружающей природе, Алтаю, воспринимаемому живым, говорящим, смотрящим («Хан-Алтай», 1907; «Озеро горных духов» 1910).

Общепризнано, что Г.И. Чорос-Гуркин достиг наивысших результатов в пейзажной живописи. Его работы в других жанрах также представляют большой интерес, как и портретная галерея. И хотя этот жанр не получил в искусстве художника определенного раскрытия, можно с уверенностью отнести его работы к высоким образцам реалистического портретного искусства и определить их как портреты-этюды («Девочка в желтом платке» (1902), портреты старожилов Улалы И.Н. Чевалкова и Сабашкина, датированные 1906 г., «Сопия Кобок» (1911), «Чечек» (1926),

«Телеутка Айбий» (1932)). Прекрасны портреты, выполненные акварельными красками в 1930 г.: «Елена Тойбонова», «Эрке Кайбашева», «Вэрке Акпыжакова». Известны карандашные портреты деятелей сибирской культуры Г.Н. Потанина, В.Я. Шишкова, В.Я. Зазубрина, А.В. Анохина Л.Н. Гребенщиковой.

Огромный интерес представляют и этнографические рисунки Григория Ивановича (более трех тысяч), которые исследованы явно недостаточно: по своему количеству и содержанию они составляют уникальную художественно-этнографическую энциклопедию Алтая XX века и обладают большой познавательной ценностью. Творчество Г.И. Чорос-Гуркина обширно и многогранно и в рамках одной конференции и одной статьи, ограниченной во времени и объеме, невозможно сказать обо всех его сторонах, поэтому приведу основные события жизни художника:

- в 1917 г. он избирается председателем Алтайской Горной Думы – исполнительного органа местного самоуправления, положившего начало государственному самоопределению алтайцев под лозунгом «Дьер – Суу – Хан-Алтай» (Земля – Вода – Кан-Алтай);

- в 1918-1919 гг. разрабатывает ряд программных документов политического, экономического и культурного обустройства Горного Алтая;

- в 1919-1925 гг. живет в эмиграции в Монголии и Танну-Туве;

- в 1921-1925 гг. работает по заказам правительства Танну-Тувинской народной республики: пишет портреты, пейзажи, рисует сцены народной жизни;

- осенью 1925 г. возвращается на родину, устраивает в редакции газеты «Советская Сибирь» в Новосибирске персональную выставку, избирается членом Всесибирского общества художников «Новая Сибирь»;

- в 1926 г. участвует в Москве в Сибирской художественной выставке картин, рисунков, скульптур, проводившейся Обществом изучения Урала, Сибири, Дальнего Востока, и 8-й выставке Ассоциации художников революционной России «Жизнь и быт народов СССР»; возвращается на Алтай; принимает участие в Ленинградской геологической экспедиции Н.Н. Падурова;

- в 1930 г. принимает участие в работе экспедиции Общества изучения Сибири и ее производительных сил;

- в 1926-1937 гг. организует Ойротскую художественную школу, первое среднее специальное учебное заведение в националь-

ных окраинах России, которое было призвано готовить кадры работников искусства.

Г.И. Чорос-Гуркин много сил и времени отдавал просветительской и педагогической деятельности. По его инициативе был открыт музей, национальное издательство, художник иллюстрировал первые учебники, книги, рисовал плакаты.

Творческое наследие Григория Ивановича Чорос-Гуркина, как подлинное явление высокого искусства, неисчерпаемо и сегодня осознается во всей своей глубине как основа для дальнейшего развития культуры алтайского народа. О художнике написаны десятки трудов – статей и монографий. Опубликованы еще в дореволюционной сибирской периодической печати его оригинальные стихотворения в прозе, ряд писем родным и друзьям. К 120, 125, 130, 140, 145-летиям со дня рождения проведены научные конференции, изданы сборники докладов и сообщений, альбомы и каталоги выставок.

В 2005 г. был реставрирован жилой дом Григория Ивановича в селе Анос, на берегу величественной Катунь, где художник жил с 1903 по 1937 г. Усадьба состояла из жилого дома, мастерской, шестигранного аила, большого сада и пруда. В 2006 г. здесь открылся филиал Национального музея – Музей-усадьба Г.И. Чорос-Гуркина. В 2007-2011 гг. на его территории воссоздали художественную студию-мастерскую, оформили экспозицию. Сегодня необходима дальнейшая реконструкция усадьбы, создание на ее базе культурно-досуговой и туристической инфраструктуры, разработка экскурсионных и экологических троп в окрестностях села Анос и туристских маршрутов по следам экспедиций Григория Ивановича по Алтаю. Нужна охранная зона вокруг музея и села Анос. Территория усадьбы (5,5 га) включает в себя две части: мемориальную – существующие постройки (жилой дом художника, мастерская, аил – традиционное алтайское жилище, сад) и рекреационную – в ней по проекту запланирован многофункциональный комплекс, включающий выставочную галерею, кафе-столовую, гостиницу вместимостью 50 человек, летние и зимние мастерские для художников.

Во вступительной статье к книге «Возвращение мастера» искусствовед В.И. Эдоков написал: «Как считал выдающийся русский этнолог Л.Н. Гумилев: “...сведение материалов в систему и построение концепции есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению...” Это значит,

что последнего слова о Гуркине еще не сказано. И никогда не будет сказано, поскольку подлинное явление искусства не исчерпывает себя во времени, а как бы прорастает его. Каждая новая эпоха, новое поколение в той или иной степени переосмысливает и переоценивает художественное наследие. И в силу этого обязано видеть в лучших достижениях прошлого больше, чем их предшественники и, возможно, чем предполагали сами создатели».

Примечания

1. Эдоков В. И. Возвращение мастера. – Горно-Алтайск, 1994. – 240 с.
2. Эдоков В.И. Мастер из Аноса. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984. – 71 с.
3. Муратов П.Д. Становление / Материалы научно-практических конференций «Г.И. Чорос-Гуркин и современность», «Оносские встречи 2010», посвященных 140-летию художника (14-15 июля 2010). – Горно-Алтайск, 2010. – С. 41-46.
4. Далькевич М.М. Г.И. Гуркин. – Нива, №49, 1908. – С. 850-857.
5. Научно-библиографический архив Академии художеств СССР. Фонд 39, оп. 1, ед. хр. 29, л. 77-81. Комарова А.Т. (племянница И.И. Шишкина): «Жизнь и деятельность И.И. Шишкина» (1898), рукопись.
6. Потанин Г.Н. Из альбомов художника Г.И. Гуркина / Труды Томского общества изучения Сибири. Т. III. Вып. I. – Томск, 1915. – С. 97-101.

Наследие Владимира Михайловича Бехтерева в фондах Военно-медицинского музея

Военно-медицинский музей является преемником первых медицинских музеев Российской империи и Советского Союза. Особое место в коллекциях музея занимают более 300 персональных фондов, по сути, мемориальных музеев выдающихся деятелей естествознания и медицины. Среди них – персональный фонд великого русского ученого Владимира Михайловича Бехтерева, о котором пойдет речь в статье.

Ключевые слова: Бехтерев, Военно-медицинский музей, медицина, психиатрия.

A. Budko, Russia, Saint-Petersburg

Vladimir Bekhterev's heritage in the funds of the Military Medical Museum

The Military Medical Museum is the successor of the first medical museums of the Russian Empire and the Soviet Union. A special place in the museum's collections is occupied by more than 300 personal funds and they are, in fact, memorial museums of outstanding figures of science and medicine. Among them – the personal fund of the Great Russian scientist Vladimir Bekhterev, which will be discussed in the article.

Key words: Bekhterev, medicine, psychiatry.

Военно-медицинский музей – Музей медицины России и военно-медицинской службы. Это уникальное явление в мировой культуре и науке, тот материальный базис, который служит формированию у населения исторических знаний о медицине, пропагандирует естественнонаучное мировоззрение, идеалы гуманизма и милосердия, призывает к здоровому образу жизни. Особое место в коллекциях музея занимают более 300 персональных фондов, по сути, мемориальных музеев выдающихся деятелей естествознания и медицины: В.М. Бехтерева, С.П. Боткина, Н.Н. Бурденко, И.В. Буяльского, Я.В. Виллие, В.А. Опделя,

Л.А. Орбели, И.П. Павлова, Н.И. Пирогова, И.М. Сеченова, Г.И. Турнера и многих других.

Среди персональных фондов особое место занимает фонд Владимира Михайловича Бехтерева, известного представителя мировой медицинской науки, основателя научных школ невропатологии и психиатрии в России. Материалы из фонда В.М. Бехтерева наглядно и рельефно демонстрируют основные вехи его жизни и деятельности. Изучение фонда позволяет дополнить представления о личной и творческой стороне биографии именитого врача.

Персональный фонд В.М. Бехтерева включает в себя более ста предметов, находящихся в письменном и художественном фондах, вещественном хранилище, фототеке. Фонд начал формироваться с середины прошлого века благодаря материалам, поступающим из различных организаций и учреждений. К примеру, отдельные поступления осуществлялись в 1964-1965 годах из личных архивов профессоров В.Н. Осипова и Г.И. Турнера. Поскольку В.М. Бехтерев многие годы руководил кафедрой психиатрии Императорской военно-медицинской академии, многие материалы поступили именно оттуда, в их числе фотографии и выпускные альбомы. Часть материалов была получена от известных историков медицины.

Материалы, хранящиеся в персональном фонде, позволяют узнать немало интересных фактов из жизни Владимира Михайловича. Как известно, будущий ученый родился 20 января 1857 года в отдаленном местечке Вятской губернии – селе Сорали. Имеющиеся фотографии села, где он появился на свет, дома, в котором провел детство маленький Владимир, переносят зрителя в те далекие времена. Важно отметить, что ученый всегда тепло и нежно относился к своей матери Марии Михайловне Бехтеревой, фотопортрет которой также имеется, и к братьям. Благодаря Марии Михайловне в семье всегда царили мир и согласие.

Окончив Вятскую гимназию в 1873 году, Владимир поступил в Императорскую медико-хирургическую академию. Во время учебы он начал проявлять интерес к изучению нервных и душевных болезней. Эта заинтересованность вполне обусловлена сложившейся к тому времени внутрисполитической обстановкой. Впоследствии В.М. Бехтерев объяснял свой выбор тем, что данная сфера медицинских наук наиболее приближена к вопросам познания личности, глубоким философским и общественным проблемам. Фотографии молодого студента прекрасно отражают

состояние юноши, выбравшего весьма непростую профессию военного врача.

После окончания академии в жизни В.М. Бехтерева происходят большие перемены: защита докторской диссертации, женитьба, заграничные командировки, работа в Казанском университете, где он становится одним из популярнейших лекторов. Многие современники отмечают полный аншлаг на лекциях молодого профессора. Рассматривая фотографии этого периода, мы можем погрузиться в атмосферу начала профессионального пути будущего гения медицины. Одновременно В.М. Бехтерев начинает заниматься проблемой гипноза как психотерапевтического способа лечения.

Благодаря своим успехам казанский врач был замечен руководством Медико-хирургической академии и получил приглашение возглавить кафедру нервных и душевных болезней, место на которой оставалось вакантным после ухода на заслуженный отдых профессора И.П. Мержеевского. Энергичный профессор быстро освоился в Петербурге, кафедра под его руководством добилась значительных успехов, в том числе в научных исследованиях. Об этом важном этапе в жизни ученого красноречиво рассказывают некоторые фотографии из фототеки Военно-медицинского музея. В этой связи можно выделить снимки в окружении врачей на кафедре нервных и душевных болезней, в саду клиники. На одной из фотографий В.М. Бехтерев сидит в окружении профессоров академии, среди которых присутствуют И.П. Павлов и В.А. Оппель.

Судьбоносным рубежом научного пути В.М. Бехтерева является его деятельность в Психоневрологическом институте. Это время представляется, пожалуй, одним из интереснейших для изучения наследия ученого. Еще на начальном этапе при создании института организаторы сталкиваются с рядом трудностей, вызванных нехваткой денежных средств. Несомненной заслугой В.М. Бехтерева являлась его уникальная способность вести переговоры и находить компромисс, что способствовало накоплению капитала для постройки этого учреждения. В письменном фонде музея хранится копия воспоминаний Прасковьи Наумовны Ариян, датированных 1927 годом. Этот документ был получен из Пушкинского дома благодаря ученому секретарю музея Н.Г. Чигаревой. Весьма интересно Прасковья Наумовна описывает способности В.М. Бехтерева, пригодившиеся ему в объединении, каза-

лось бы, непримиримых сторон. Благодаря организаторским талантам Владимира Михайловича на пустом месте всего за несколько лет было возведено девять корпусов института. Воспоминания весьма интересны, в них содержится немало примечательных историй о том, каким удивительным образом В.М. Бехтерев мог производить впечатление на окружающих.

Важно отметить, что Владимир Михайлович был равнодушным человеком и глубоко сопереживал людям, находящимся в трудном положении. В частности, ученого волновала проблема алкоголизма.

В.М. Бехтерев прекрасно осознавал, что из-за сильного распространения пьянства в России у населения возникали различные болезни, в том числе душевные. На снимках часто изображается, как профессор проводит лекции, гипнотизируя людей, больных алкоголизмом. В это время такие мероприятия пользовались большой популярностью. По статистическим данным около 10% больных, содержащихся в психиатрических больницах, были больны именно из-за употребления алкоголя.

Организация лечебницы для алкозависимых при Психоневрологическом институте является заслугой В.М. Бехтерева. Его методы психотерапии, когда посредством внушения в гипнотическом состоянии удавалось отучить человека употреблять спиртное, были популярны среди населения настолько, что пришлось прибегать даже к массовому лечению. В большом помещении собиралось много людей, и Владимир Михайлович вводил их в состояние гипнотического сна, затем проводил внушение. Этот метод оказался весьма эффективным, многие страдавшие от алкогольной зависимости бросали пить. Как показывали исследования, излечивалось примерно 20% алкоголиков. На фотографиях из фонда Военно-медицинского музея многократно изображены подобного рода лекции.

В.М. Бехтерев всегда развенчивал общественное заблуждение о том, что употребление алкоголя в небольших количествах безвредно для здоровья: «Между тем научно доказано, – говорил В.М. Бехтерев, – что алкоголь и в малых дозах есть яд, отражающийся неблагоприятно как на умственной деятельности, так и на физическом здоровье вообще, тем более что за малыми дозами для многих следует неизбежное развитие привычного пьянства или алкоголизма».

Владимир Михайлович любил отдыхать на природе. Снимки во время отдыха на загородных дачах позволяют понять, что ученый уважал природу, ценил возможность дышать чистым воздухом и наслаждаться тишиной. На фотографиях – моменты отдыха в далеких от городской суеты местах: то в усадьбе «Тихий берег», то на даче «Русская Швейцария», или же в Финляндии во время зимних каникул.

Фотоматериалы рассказывают и о личной жизни В.М. Бехтерева. Многие, на которых запечатлен семейный быт Владимира Михайловича, переданы в музей его дочерью Екатериной Владимировной Кондерацкой и внуком Владимиром Борисовичем Никоновым, поэтому у нас есть возможность прикоснуться к внутреннему миру великого врача, увидеть его супругу Наталию Петровну, дочерей Екатерину и Ольгу, сына Петра, а также вторую жену – Берту Яковлевну.

Личность такого выдающегося ученого не могла не остаться без внимания со стороны художников и скульпторов. Крупными экспонатами в художественном фонде музея являются бюсты, выполненные Николаем Васильевичем Дыдыкиным, известным скульптором и реставратором, заслуженным деятелем искусств РСФСР. Николай Васильевич Дыдыкин много лет жил и работал в Ленинграде. Сам он был родом из Палеха, принадлежал к старинному роду иконописцев Дыдыкиных, представители которого гордились своим ремеслом. Скульптурный портрет работы Н.В. Дыдыкина изображает В.М. Бехтерева уже в достаточно зрелом возрасте. Мастерство художника позволило создать необычайно выразительный портрет: задумчивое выражение лица, томный взгляд позволяют предположить, что В.М. Бехтереву в силу своей профессии зачастую приходилось сталкиваться с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, и этот отпечаток, несомненно, накладывался на лечащего врача.

О том, как бережно Владимир Михайлович относился к науке, нам дают понять материалы фонда письменных источников. Если мы глубже вникнем в ход его научной мысли, поближе познакомимся с жизненной позицией, то сможем лучше узнать чувства и переживания ученого. Интересным экспонатом является так называемое «Предисловие» с пометкой его дочери Екатерины Владимировны Кондерацкой о том, что рукопись является подлинной и действительно была написана рукой ее отца. Стоит отметить, что рукопись поступила в музей в 1955 году, таким образом,

это был один из первых предметов в фонде В.М. Бехтерева. «Предисловие» написано к одной из работ, но к какой именно, к сожалению, определить не удалось. Читая рукопись, можно видеть, насколько серьезно автор подходит к изучаемой проблеме: «Вопрос о личности, являющейся основным вопросом индивидуальной и общественной психологии, представляется в то же время коренным вопросом всей общественной жизни. Последняя является главным определителем условий развития и здоровья личности, с которыми теснейшим образом связано благосостояние всех стран и народов. Ввиду этого изучение условий развития и здоровья личности, являясь по существу психологической задачей, неизбежно врывается в область социологии. Само собой разумеется, что в предлагаемой работе эти вопросы освещены лишь общими штрихами, что не могло быть иначе ввиду тех рамок, которыми она была ограничена с самого начала».

При знакомстве с книжным наследием В.М. Бехтерева читатель может поразиться, насколько широка была сфера его научных интересов. В этом деле нам помогают материалы из письменного фонда, где хранятся книги вековой давности с указанием авторства В.М. Бехтерева. «Нервные болезни в отдельных наблюдениях» были изданы еще в 1894 году в типографии Императорского университета города Казани. Другая книга под названием «Хирургия при душевных болезнях» повествует об оказании хирургической помощи душевнобольным, авторами ее являются В.М. Бехтерев и М.М. Пуссек.

Научное наследие ученого поражает своим размахом. В этой связи немаловажно отметить, что не только фонды, но и библиотека Военно-медицинского музея богата наличием научных работ и статей В.М. Бехтерева. В ее стенах хранятся редкие дореволюционные издания Владимира Михайловича. Особый интерес вызывает книга «Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении». Именно в этом труде В.М. Бехтерев одним из первых разделяет детей на психотипы и выявляет особенности формирования характера, опираясь на детские рисунки.

Примечательными являются и материалы, выпущенные уже после смерти известного академика. В этой связи интересным экспонатом является журнал «Врачебное дело» от 15 февраля 1928 года, выпущенный в Харькове издательством «Научная мысль» и посвященный памяти В.М. Бехтерева. В нем опубликованы разнообразные материалы: редакционная статья «Владимир

Михайлович Бехтерев», в которой академик характеризуется как гигант науки, ведущий борьбу за материалистическое понимание в медицине; статьи «Памяти В.М. Бехтерева», «В.М. Бехтерев – невропатолог», «В.М. Бехтерев – как рефлексолог», «В.М. Бехтерев как анатом и физиолог». Важными экспонатами, раскрывающими деятельность ученого, являются и газетные вырезки, повествующие о личности Владимира Михайловича, его трудах, научном пути. В основном, они датируются серединой XX века, однако имеются и более ранние экземпляры. К примеру, статья «Институт борьбы с алкоголизмом» из журнала «Нива» относится к 1914 году.

В письменном фонде музея хранится блокнот, в котором В.М. Бехтерев собственноручно делает запись о рождении внучки Тани. Мы видим, с каким трепетом он думает о ней, ведь в блокноте отмечены мельчайшие подробности первых дней жизни ребенка.

Есть в музее и такие предметы, которые прямым образом не относятся к личности самого ученого, однако непосредственно связаны с ним. Например, почтовая марка, выпущенная в связи с 25-летием со дня смерти В.М. Бехтерева. На марке изображен его погрудный портрет анфас, над ним надпись: «Выдающийся русский ученый невролог-психиатр, 1927», под портретом: «В.М. Бехтерев, 25 лет со дня смерти». Привлекают внимание значок «75 лет Институту им. В.М. Бехтерева» и вымпел «125 лет со дня рождения В.М. Бехтерева. 75 лет институту им. В.М. Бехтерева». (Напомним, что Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева был основан в 1907 году как научно-исследовательское высшее учебное заведение нового типа.)

Фонды музея каждый год пополняются новыми материалами. В последнее время были получены брошюры и типографские оттиски, датированные началом XX века и посвященные проблемам алкоголизма, неграмотности, послевоенных психозов, а также вопросу о причинах самоубийств. Большинство документов передал в 2005 году Александр Иванович Блинов, ветеран Великой Отечественной войны, член общества историков города. Такие названия брошюр, как «Война и психозы» или «О причинах самоубийства и о возможной борьбе с ним» говорят сами за себя.

Наряду с другими выдающимися учеными и общественными деятелями Владимир Михайлович Бехтерев является гордостью и

славой русской науки. Военно-медицинский музей, выполняя свою миссию главного хранителя исторических традиций отечественной медицины, бережно хранит материалы, связанные с деятельностью этого выдающегося ученого мирового уровня, удивительного педагога и общественного деятеля.

**СЕКЦИЯ
«ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
И.И. ШИШКИНА
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 185-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
ХУДОЖНИКА**

И.И. Шишкин. Неожиданные находки. Продолжение темы

Доклад посвящен судьбе и истории атрибуции двух картин, изображающих женщин. Специалистам пришлось проделать огромную работу, чтобы установить, что автором обоих полотен является Иван Шишкин.

Ключевые слова: Шишкин, картина, портрет.

G. Churak, Russia, Moscow

I. Shishkin. Unexpected finding. Continuation of themes

The report is devoted to the fate and history of defining the authorship of two paintings depicting women. Specialists had to do a great job to establish that the author of both artworks is Ivan Shishkin.

Key words: Shishkin, painting, portrait.

Творческое наследие таких гигантов отечественной живописи, как Василий Суриков, Виктор Васнецов, Илья Репин, Иван Шишкин, изучено и интерпретировано, кажется, настолько исчерпывающе, что, говоря словами Шишкина, «выучил все и учить больше нечего». Так говорил художник всякий раз, возвращаясь с летних работ на природе с огромным запасом натуральных этюдов. Однако тем и увлекательна жизнь музейного исследователя, что обстоятельства время от времени дарят неожиданные и радостные встречи с произведениями этих живописцев, прочно забытыми, затерянными во времени или вовсе непривычными для творчества мастера.

Для встреч с «новым Репиным», «новым Шишкиным» или «новым Васнецовым» в наше время существует благоприятная возможность. Художественный рынок время от времени вводит в оборот произведения, бытовавшие в частных коллекциях, «дремавшие» до поры до времени и ждавшие того момента, когда для них начнется новая жизнь. Стихия рынка подчас преподносит горькие неожиданности с намеренными фальсификациями и подделками самого изощренного свойства, вводящими в заблужде-

ние серьезных и ответственных специалистов. Но эта тема – для особого и специального разговора. Тем ответственнее становится момент, когда происходит встреча с неведомой до той поры подлинной картиной известного мастера.

Эту небольшую работу (холст, масло, 58x39) с подписью «И. Шишкин. 1870» мне сначала довелось увидеть около десяти лет тому назад и лишь в электронном варианте. В картине много необычного для Шишкина, начиная прежде всего с сюжета: в залитой солнечным светом комнате против большого окна молодая женщина читает письмо. Ее одежда, прическа, детали обстановки свидетельствуют, что изображенная сцена может относиться к 1860-м или самому началу 1870-х годов. Дата на картине – 1870 – несколько не противоречит характеру интерьера и облику молодой женщины. И тем не менее, насколько достоверно, что работа действительно выполнена Шишкиным, пейзажистом, мастером лесных пейзажей? Необходимо было видеть картину в подлиннике, держать ее в руках, «прощупать» глазами, соотнести живописную систему, приемы с подлинными творениями мастера, с тем чтобы ответить на главный вопрос – Шишкин ли это? А потом понять, как у «певца леса» появился столь необычный для него «интерьерный сюжет». Очень просто было сразу закрыть тему со словами – «Шишкин не писал интерьеров». Но профессиональная любознательность музейщика требовала провести исследование как можно тщательнее и постараться довести его до логического конца. И лишь тогда произнести с уверенностью утвердительное «да» или отрицательное «нет».

К сожалению, картина находилась не в московском собрании, а потому не было возможности непосредственно соотнести ее с подлинными произведениями художника. Но обстоятельства благоприятствовали тому, что удалось увидеть, взять в руки и тщательно изучить эту работу.

Первое общее впечатление от нее – подлинность картины, кто бы ее ни написал. То есть, абсолютно убедительна старая живопись и созданные живописцем атмосфера и настроение. Такое подделать невозможно, и сразу родилось убеждение – конечно, Шишкин. Оно исходило от золотисто-теплого колорита, в котором написана интерьерная сцена, созвучного колористическим предпочтениям пейзажиста, особенно начальной поры его творчества. Невольно вспомнились слова Ивана Ивановича, бывшего еще учеником Академии художеств, написанные родителям в

Елабугу о его пейзаже «Вид в окрестностях Петербурга» (1856, ГРМ), где «нужно было выразить теплоту воздуха и прозрачность его, влияние солнца на предметы» [1]. Именно это качество «теплоты воздуха», преображающей самый ординарный интерьер, придает простым предметам и всей картине притягательное обаяние. Оно в большой степени и прежде всего исходит от фигуры молодой женщины с письмом в руках. Свет заливает ее лицо, высветляет темный тон платья, яркими пятнами ложится на пол. Благодаря ему и нехитрым предметам обстановки, картинам на стенах и зеленым растениям на подоконнике, брошенной на кушетку шали комната наполняется обжитым уютом.

Первое впечатление от картины чрезвычайно важно, но не может быть единственным доказательством подлинности ее авторства. Ведь это небольшое, но обаятельное произведение представляет исключительное в творчестве известного пейзажиста обращение к жанру интерьера с портретным изображением в нем. Это обстоятельство осложняло проведение прямых сюжетных или композиционных сравнений с аналогичными или близкими картинами Шишкина. Нужен был тщательный анализ живописной системы этой работы с тем, чтобы найти, по возможности, доказательства идентичных приемов письма.

При тщательном рассмотрении картины мазок, его движение по форме предметов, фактурные особенности и их разнообразие оказывались сопоставимы и близки живописной манере подлинных работ Шишкина. Истончившийся за годы жизни красочный слой картины обнажил в некоторых местах авторский подготовительный рисунок, и он стал хорошо «прочитываться» в складках белых занавесей, общем рисунке фигуры, деталях «выстраиваемого» художником еще на ранней стадии интерьера.

Важным элементом в сближении этой необычной работы с именем Шишкина стали и пейзажные картины на стене комнаты, сходные с его работами, особенно большой пейзаж с изображением стройных сосен на пригорке оказался близок по общему изображению, формату, композиции, распределению световых пятен пейзажу 1866 года «Сосновый лес» (ч/с, Лондон). Второй пейзаж, «Чем на мост нам идти, поищем лучше броду» (местонахождение неизвестно) также, известен по каталогам, упоминаниям в письмах. Обе картины экспонировались на выставке в Академии художеств в 1868 году и обратили на себя внимание. Художник после выставки был награжден орденом св. Станислава 3-й степе-

ни. На стене висит еще одна картина с изображением молодой задумавшейся женщины, но о ней несколько позднее.

Помимо поиска формальных признаков сходства с подлинными работами Ивана Ивановича желательно было найти свидетельства в самом творчестве художника о его обращении к интерьерным изображениям. Еще в годы учебы в Московском училище живописи (1852-1855), когда наставником Шишкина был ученик А.Г. Венецианова А.Н. Мокрицкий, начинающий пейзажист по заданию учителя писал интерьеры комнат в его доме. Известно, насколько важен был жанр интерьерной живописи в педагогической системе Венецианова, как часто его ученики обращались к такому роду искусства, оставив неповторимое ощущение атмосферы, размеренного ритма жизни, домашнего уюта, в котором жил человек середины XIX столетия. Мокрицкий прививал своему любимому ученику многое из традиций венециановской школы. Он учил его вдумчивой наблюдательности, внимательно-му отношению к самым простым элементам, будь то повседневное окружение человека или жизнь трав, цветов, деревьев.

Известен ранний рисунок Шишкина с изображением его комнаты в родительском доме в Елабуге (фотография с него находится в Доме-музее И.И. Шишкина в Елабуге), а также рисунок «Внутренность крестьянской избы» (ГТГ), офорт «Сени», живописный этюд «Крестьянский двор» (1860-е, ГРМ) с замкнутым интерьерным пространством. Наконец, Шишкин оставил замечательное живописное свидетельство облика и обстановки мастерской на Валааме, в которой он работал с близким другом, художником А.В. Гине («И.И. Шишкин и А.В. Гине в мастерской на Валааме», 1860, ГРМ). Они приезжали сюда каждое лето, будучи учениками Академии художеств. Об обжитости их мастерской, о том, что они проводили здесь из года в год летние месяцы, напоминают даты, поставленные на картине внизу слева: «1858-59-60». Таким образом, интерьерные изображения, хотя и не столь часты у Шишкина, но не единичны. Кроме того многие из его лесных пейзажей представляют собою замкнутые природные пространства, своеобразные «лесные интерьеры». На протяжении всего творчества Шишкин нередко в «чистые» лесные пейзажи вводил изображения людей или целых групп, зачастую передавая портретное сходство отдельных персонажей, как он сделал это в картине «Прогулка в лесу» (1869, ГТГ): в молодом мужчине, ве-

душем под руку даму, можно узнать самого художника, а в молодой даме рядом с ним – его жену.

В литературе об Иване Ивановиче имеются упоминания о неизвестной нам работе «В квартире художника» (холст, масло, 65x54). В 1950-е годы она находилась в частном собрании Ленинграда. Ее упоминает в списке произведений Шишкина исследователь творчества художника И. Пикулев [2]. Наконец, в каталоге чешского историка искусства Владимира Фиалы «Русская живопись в собрании Чехословакии» описана картина «Перед зеркалом», совпадающая с той, о которой идет речь: «Угол комнаты. Слева над туалетным столиком висит высокое зеркало с рамой, украшенной растительным орнаментом. Далее в перспективе стены заметно окно, завешанное белыми прозрачными занавесями, за которыми видны комнатные растения. В самом углу стоит столик, а перед фронтальной стеной штофное кресло. На стене висят три картины: в самой большой можно предполагать лесной пейзаж Шишкина. Между столиком и креслом – лицом к окну – стоит молодая женщина в длинном платье, она держит в руках письмо. Распечатанный конверт лежит у ее ног. Картина написана в светлых тонах желтого, коричневого и зеленого; цвета, так же как и тщательность живописи, заставляют отнести ее к 1860-м гг. В интерьере хорошо передан солнечный свет, проникающий сквозь занавески и яркими пятнами падающий на пол через разрыв между ними» [3].

Кажется, круг исследования благополучно завершился. Но окончательные сомнения в авторстве художника снял обнаруженный в личном архивном фонде Шишкина автограф художника с перечислением сделанных в его мастерской фотографий с находившихся там картин. Против каждой отснятой работы художник сделал легкий карандашный рисунок. Под №2 значится «Жанр» и зарисовка картины [4], которую мы назвали «Перед зеркалом. За чтением письма».

Открытие «нового» Шишкина, неведомого нам ранее, состоялось. Но хотелось реконструировать историю возникновения картины, поставить ее в определенный ряд произведений художника и, наконец, дать имя изображенной даме. Очень соблазнительно было соединить героиню картины с обликом жены Ивана Ивановича, тем более что обстоятельства его жизни давали к этому повод.

Год создания картины – 1870 – в творческой и личной судьбе художника складывался вполне удачно. В самом конце 1869 года П.М. Третьяков приобрел его картину «Полдень. В окрестностях Москвы», положившую начало основательной коллекции картин живописца в Третьяковской галерее. Весной 1870 года Шишкин получил первую премию Общества поощрения художников за пейзаж «Ручей в лесу». Осенью того же года он стал одним из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок. А еще в середине лета Иван Иванович получил заказ на создание большого альбома акварельных видов Нижнего Новгорода для поднесения императору Александру II. Для исполнения этого заказа художник на несколько месяцев уехал из Петербурга.

Сравнение молодой женщины за чтением письма с фотографиями жены Шишкина Евгении Александровны, урожденной Васильевой, дает право утверждать, что художник сделал ее героиней своего произведения. В 1866 году Шишкин близко сошелся с юным и в высшей степени талантливым пейзажистом Ф.А. Васильевым, ставшим его учеником. Вскоре Иван Иванович познакомился и со всей семьей Васильевых. Евгения была родной сестрой одаренного шишкинского ученика. Они обвенчались в октябре 1868 года, в феврале следующего у них родилась дочь Лидия. По воспоминаниям близких Шишкину людей, «по своему характеру Иван Иванович был рожден семьянином; вдали от своих он никогда не был спокоен, почти не мог работать, ему постоянно казалось, что дома непременно кто-нибудь болен, что-нибудь случилось» [5]. В устройстве домашней жизни «он не имел соперников, создавая почти из ничего удобную и красивую обстановку». Шишкин был счастлив в своей семье и с большой нежностью относился к жене и детям, для которых «это был самый нежный, любящий отец». Недолгие годы жизни с Евгенией Александровной прошли в тихой и мирной работе. Но в свободные дни и вечера в доме часто собирались друзья, устраивались игры, и «Иван Иванович был самым радушным хозяином и душой общества» [6].

Уезжая для работы на летние месяцы на Валаам, в окрестности Москвы, к родным в Елабугу, он с нетерпением ждал писем от «милрой Жени», сердился и переживал, если они задерживались. Когда он уехал на летние месяцы в 1870 году на Нижний Новгород, то умолял жену писать чаще, беспокоясь о ее здоровье. Она начала прихварывать уже в первый год их замужества [7]. Под-

робности жизни Шишкина объясняют естественность появления неожиданной для пейзажиста работы. Она могла быть написана как своеобразное «утешение» для самого художника и его «преданной и любящей» Евгении Александровны.

Картина носит очень личностный и даже интимный характер. В этом полном обаяния полотне удивительным образом соединились уроки, усвоенные живописцем от своего учителя Мокрицкого, традиции венециановского интерьерного жанра и еще более давняя память об искусстве малых голландцев с их любовью к домашнему уюту и размеренному течению жизни. «Жанр» Шишкина расширяет наше представление о границах дарования и художественных интересах мастера могучих лесных пейзажей и вносит еще один существенный и важный акцент в творчество замечательного пейзажиста.

Но что же портрет, находящийся на стене так внимательно рассмотренной нами картины? Судьбы художественных произведений также причудливы, как и людские. Примерно год тому назад произошло чудесное соединение дамы, читающей письмо и портрета в ее комнате. Вновь и эта работа пришла в мои руки. В отличие от первой картины она не имеет подписи и даты, но рассмотрение внешнего облика молодой женщины, деталей обстановки, даже рисунка обоев за ее спиной приводило к заключению, что перед нами портрет Евгении Александровны Шишкиной, жены художника, с которой мы познакомились в первой работе, и написан он в той же комнате. Только художника и нас не отвлекает окружающая обстановка, а все внимание сосредоточено на облике и настроении молодой женщины. Очевидно, что портрет написан раньше, чем картина «За чтением письма», – в конце 1868-го или в самом начале 1869-го года, до рождения дочери Лидии. Шишкины начали жить общим домом лишь после венчания 28 октября 1868 года. Жившая до этого в своей семье Евгения Александровна в печали и тревоге писала «милому и дорогому Ванечке»: «Я так скучаю без тебя, сижу дома и работаю. Здоровье мое стало плохо, и я не знаю, скоро ли это все кончится со мною, мне так тяжело и скучно, никто не придет и не навестит меня, от всех я должна прятаться, чтобы не навлечь презрение от людей» [9]. На портрете будущая мать только ждет уже скорого появления первенца. Прошедшие тревога, печаль, недомогание, а еще нежность к любимой «Женюшке» – все выразилось в этом

скромном, но таком интересном для нас портрете молодой жены Шишкина.

Судьба картин сложилась по-разному. «За чтением письма» художник показал на выставке Товарищества передвижников в Одессе. Часто бывало так, что в провинцию передвижники отправляли измененный состав экспозиции, включая в него работы, не выставившиеся в Петербурге и Москве. С выставки картину купил председатель Одесской судебной палаты А.А. Стадольский. Но его стала смущать нехарактерность для Шишкина не пейзажного, а жанрового изображения, и через посредничество известного коллекционера и сахарозаводчика Б.И. Ханенко Стадольский обменял картину на пейзаж Ивана Ивановича. Так «Жанр» вновь вернулся в семью художника. После смерти Шишкина картина принадлежала его дочери Лидии, которая продала ее чешскому коллекционеру Эмилиану Миллеру, бывшему консулом Чехословацкой республики в Финляндии. В начале 1930-х годов Миллер возвратился в Прагу. После смерти мужа обширную коллекцию хранила его жена Ева Миллерова. В 1949 году она продала среди других и эту картину Вацлаву Бискупу, представителю старого чешского аристократического рода. В доме Бискупов картину видел В. Фиала, описавший ее в своей книге, но не указавший владельца. В 1989 году после «бархатной» революции в Чехословакии Бискупам вернули их родовое поместье с замком и землями. Для реставрации замка и его содержания нужны были деньги, поэтому значительную часть коллекции владелец продал в течение 1990-х годов. Так «За чтением письма» попала на арт-рынок.

Портрет Евгении Александровны оставался в семье второй дочери художника Ксении и гражданской жены Шишкина Виктории-Виренеи Антоновны Лагоды. В самые тяжелые послереволюционные годы (1920-1921) Лагода продала все наследие Шишкина – рисунки, этюды, оставшиеся картины – молодому петербургскому ученому и коллекционеру, профессору Петербургского электротехнического института Сергею Александровичу Ринкевичу. К этому времени портрет Евгении Александровны утратил имя Шишкина и имя изображенной, став работой неведомого художника Сталь фон Голштейн под названием «Дама с собачкой». Но все-таки судьба распорядилась так, что обе картины обрели свою историю жизни и восстановили имя любимой великим художником женщины – его жены Евгении Александровны, а вмес-

те с этим раскрылась и часть их краткой семейной жизни. Хочется надеяться, что когда-нибудь обе картины соединятся и обретут для себя достойный музейный дом, быть может, и в Елабуге.

Примечания

1. И.Н. Шувалова. Иван Иванович Шишкин. Переписка, Дневник. Современники о художнике. – Л. 1978, с. 44 (далее – Переписка).

2. И. Пикулев. Иван Иванович Шишкин. 1832-1898. – М. 1955. – С. 219

3. Владимир Фиала. Русская живопись в собраниях Чехословакии. – Л., 1974. – №461, с. 143.

4. Научно-библиографический архив РАХ, ф. 39 (И.И. Шишкин), оп. 1, ед. хр. 2, л. 1.

5. Переписка, с. 311.

6. Там же.

7. Умерла Евгения Александровна (1847-1874), как и ее младший брат, от чахотки, пережив брата на один год. Уход из жизни этих близких ему людей Шишкин глубоко и тяжело переживал.

8. См. Фиала, с. 143.

9. Переписка, с. 121.

«Зимние эффекты» И.И. Шишкина

Доклад посвящен зимним пейзажам, написанным великим художником, и сложной подготовительной работе, предшествовавшей созданию каждого полотна.

Ключевые слова: Шишкин, картина, зима, лес.

S. Krivondenchenkov, Russia, Saint-Petersburg

I. Shishkin's «Winter effects»

The report is devoted to winter landscapes, painted by a great artist, and the complicated preparatory work that preceded the creation of each painting.

Key words: Shishkin, picture, winter, forest.

В собрании Русского музея находится обширная коллекция рисунков Ивана Ивановича Шишкина – около полутора тысяч единиц. Среди множества графических изображений природы следует выделить альбом «Зимние эффекты», относящийся к концу 1880 – началу 1890-х годов. Название альбома объединяет редкое для произведений великого живописца время года и столь нелюбимое художником слово «эффект», что вызывает к этому альбому особый интерес и требует определения его места в творчестве мастера.

Первоначально вспомним некоторые аспекты художественного освоения зимнего пейзажа. В русской живописи он значительно уступает изображениям других времен года, несмотря на то, что заснеженным ландшафтам и стуже здесь отведено гораздо более трех календарных месяцев. Картины русской зимы могут создавать не менее эмоциональные образы, чем природа межсезонья. Всем хорошо известны поэтические строки:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит...

Александр Сергеевич Пушкин написал стихотворение «Зимнее утро» в 1829 году. Однако пейзажисты научились столь же

проникновенно видеть и точно передавать природу на холсте лишь в начале XX века. Например, один из ярких представителей русского импрессионизма Игорь Эммануилович Грабарь в солнечный зимний день специально опускался в метровую снежную яму, поднимал над головой голубой зонтик, и только тогда «киней сверкал бриллиантовыми кружевами на бирюзовой эмали неба» [1].

Какие же пейзажи могли видеть на выставках современники А.С. Пушкина? Одним из самых первых русских изображений зимы считается «Зимний пейзаж (Русская зима)» (ГРМ) 1827 года представителя венециановской школы Никифора Степановича Крылова. Это произведение является своеобразным «портретом» окрестностей реки Тосно Петербургской губернии. Некая «оцепенелость» образов зимней природы долгое время считалась непреодолимо сложной в техническом исполнении. Понадобилось более полувека, чтобы в русской живописи утвердился моноструктурный зимний пейзаж, подтверждением чему стало монументальное полотно И.И. Шишкина «Зима» (ГРМ) 1890 года.

Сейчас можно с полной уверенностью сказать, что тема зимы в творчестве мастера лесного пейзажа оказалась недооцененной современниками. Например, В.В. Стасов в своей статье 1892 года, описывая произведения Шишкина, вспоминал об этом так: «Тут есть лес, и дерево, и чаща, во все часы дня, от зари и до зари, во все времена года, кроме зимы, и это удивительно для Шишкина, впрочем, в последние годы у него явился и снег, чудесно воспроизведенный...» [2].

На самом деле создание картины «Зима» стало результатом творческого эволюционного пути художника. Необычный подход к зимним мотивам, подчиненным бытовой картине, обозначился еще в рисунке 1860 года «Первый снег» (ГРМ). Этапной работой в этом направлении была одноименная картина 1875 года (Киевский национальный музей русского искусства), которая, несмотря на новаторские черты, все-таки является воплощением художественного образа природы поздней осени, нежели зимы.

Свежесть ясного зимнего дня Ивану Ивановичу удалось передать в небольшом по размерам пейзаже «Зима в лесу (Иней)» (КНМРИ) 1877 года. Здесь художник специально выбрал вертикальный формат, избегая тем самым однообразного заснеженного покрова земли. На контрасте глухой темной чащи, написанной как в летних пейзажах, и покрытого снегом небольшого фрагмен-

та ближнего плана строится композиция произведения «Еловый лес зимой» (1884, Серпуховский историко-художественный музей). К сожалению, спешное исполнение этой работы не способствовало ее сохранности. Так, в письме к Павлу Андреевичу Брюллову от 1 марта 1884 года Шишкин писал о намерении передать адресату специальную жидкость и кисть для протирки потухшей верхней и средней части картины, находившейся в коллекции А.Г. Кузнецова.

Именно с этого времени художник начал скрупулезно осваивать премудрости изображения зимней природы в окрестностях Петербурга, несмотря на советы не работать на морозном воздухе из-за проблем с дыханием. Тем не менее, Шишкин был уверен в первостепенности натуральных занятий, о чем говорил своим ученикам: «...зимой, так и летом он должен иметь при себе записную книжку и альбом, чтобы приучиться зачерчивать в ней все, что остановит на себе его внимание, а не полагаться на свою память и воображение» [3].

В эскизах пейзажист искал основные акценты композиций будущих картин. Он выделял на листе основные затененные формы, в первую очередь, стволы деревьев ближнего и среднего плана, что является характерной чертой перспективного построения пространства лесных пейзажей Шишкина. Художник создал несколько подготовительных эскизов к картине «Зима».

В целях точного перенесения отдельных фрагментов рисунка на другой эскиз или непосредственно в будущую картину Иван Иванович часто пользовался масштабной сеткой. Она давала возможность передать в одном из эскизов особенности рельефа посредством длинных волнистых линий. При помощи коротких завитков сверху вниз художник намечал условные формы елочек, покрытых толстым слоем снега. В другом эскизе запечатленные на стволах деревьев участки снега выглядят более проработанными, однако и здесь снежные комья лишены объемности и выделяются лишь благодаря контурным линиям форм.

Решить задачу достоверного изображения деталей зимнего леса и превращения схематичной композиции в зимний пейзаж помогала кропотливая работа над этюдами и набросками, которые в количестве 55 изображений собраны в уже упоминавшемся ранее альбоме «Зимние эффекты». Перед рассмотрением листов альбома приведем размышления об этюдах самого художника: «...этюд <...> прежде всего должен быть школой, не гнаться за

картинностью, для чего этим служит эскиз; в нем должен быть тщательно передан один кусок природы со всеми подробностями, может быть лишними для картины, создавая которую, художник невольно воспринимает только те предметы и тона, которые и составляют мотив, от присутствия которых зависит сила впечатления» [4].

Анализ представленных этюдов позволяет выделить несколько художественных задач, которые ставил перед собой Шишкин. В предметном отношении изображения можно разбить на несколько групп, посвященных всестороннему изучению приемов изображения ветвей, стволов деревьев и пней. Ветви, покрытые снегом, художник первоначально представлял посредством контуров форм. Их очертания, размещенные друг за другом, позволяли подчеркнуть своеобразие деталей. Здесь невольно вспоминается метод «сличения и сравнения» А.А. Иванова.

Однако цель творческих поисков И.И. Шишкина – выявление не только наиболее характерных, но и разнообразных выразительных форм. Художник виртуозно, без разрывов линии, выписывал причудливые очертания еловых лап. Следует сказать, что еловый лес – традиционный объект натуральных занятий мастера – важный атрибут эффектного зимнего пейзажа. В этюде «Еловый лес под снегом» замкнутые карандашные контуры оттеняются широкой линейной штриховкой. В верхней части листа покрытые снегом ветви моделируются при помощи растушевки, используемой в различных тональных градациях.

Возможности светотеневой «лепки» форм значительно расширились, когда вместо графитного карандаша применялся уголь. Причем он присутствует в большинстве листов альбома. Рисование углем придавало новые пластические качества формам за счет менее жесткой линии, легко меняющейся в зависимости от нажима, и более тонких переходов светотеней. Пейзажист специально усиливал объемные свойства прогнувшихся под тяжестью снега ветвей, поместив их на фоне светлой плоскости.

Важным завершающим приемом в достижении иллюзии лежащего на ветвях снега становилось мастерское использование в этюдных набросках мела. Он ложится тонкой полоской по линии ветвей, в некоторых местах напоминает легкую просвечивающуюся пелену, а на широких еловых лапах появляется в виде тяжелых охапок снега. Под общим пятном нанесенного на бумагу мела скрываются необязательные части контуров форм и меха-

нистические свойства ломаных линий. Нетрудно заметить, что материалистичность также подчеркивается при помощи различных по силе растирок мела.

Для выявления интенсивности белого цвета, определения его эмоциональной активности Шишкин применял в качестве основы различные оттенки бумаги, например, серой или красноватой. Этюд «Ветви под снегом» показывает, какого артистизма мог добиться художник, гармонично и естественно соединяя сложную прорисовку ветвей и пластическую неповторимость лежащих на них фрагментов снега. Понимание структурных особенностей запыленных ветвей помогало пейзажисту в написании дерева целиком. Для этого он прибегал к обобщениям форм, подчиненных целостному художественному образу пейзажа. При сравнении схематичных рисунков елочек в эскизе и их объемно проработанных изображений в данном этюде становится понятно, какие формообразующие детали были наиболее важными для Ивана Ивановича при создании будущей картины. Подобные изображения отражают поэтическое восприятие художником зимней природы.

Во время натурных занятий Шишкин с близкого расстояния рассматривал стволы деревьев и фиксировал особенности узоров лежащего на коре снега. Необходимо было избежать плоскостности белых пятен, чему помогало одновременное рисование фрагмента ствола с ветвями. Художник выбирал сложные, «нечитаемые» с первого взгляда лесные участки, состоящие из хаотичного чередования стволов и ветвей. Ему удавалось уловить придуманное природой хитросплетение форм и, не приукрашивая, подчеркнуть уникальность изображаемого уголка местности. Отметим, что такой подход является характерным для творчества мастера, но в зимних этюдах требовалось понимание новых деталей природных форм. Например, Шишкин фиксировал специфику налипания снега на ствол дерева с неровной корой, обращал внимание на нюансы образования сугробов между близко стоящими деревьями.

Несколько листов альбома «Зимние эффекты» посвящены изучению этюдного мотива с лежащими деревьями. Пейзажист специально менял дистанцию до предметов и выбирал участки с различной глубиной снежного покрова. Рисуя на отдалении, он обращал особое внимание на общие силуэты и фигуративную композицию стволов деревьев. Вблизи художник закономерно делал

акцент на деталях и тональных светотеневых переходах, которые стали основой достоверности изображения неровного рельефа. Для этого Иван Иванович вместо графических приемов, сводящихся к тонким линиям, моделировал микропространство при помощи умелой тонкой растушевки. Помимо всего прочего лежащий под снегом предмет должен был быть легко узнаваем. Так, «Ствол дерева под снегом» написан лаконично, а для информативности показан его срез. В этюде «Лежащие стволы деревьев», созданном уже на желтой бумаге, усиление пластики массивного ствола происходит за счет сопоставления с тонким стволом молодого дерева.

Еще более сложного технического исполнения требовала передача занесенных снегом выкорчеванных пней. Можно было бы сделать целую подборку подобных этюдов из альбома. Скрупулезная проработка деталей сухих корневищ наделяла каждый из этих своеобразных «портретов» своим «характером». В таких изображениях просматривается искренняя увлеченность художника «капризами» природной формы и желание с документальной точностью отобразить ее на листе бумаги.

Пейзажист понимал, что важна не только прорисовка отдельного дерева или пня, но и гармоничное представление его в общем пространстве зимнего пейзажа. Большинство этюдов изображали отдельно взятый объект (объекты), но некоторые наброски передавали фрагмент ландшафта со значительным числом объектов. Рисование широких развернутых планов при помощи угля и мела закономерно ограничивало возможности образного решения пейзажа. Например, в близких по формату камерных изображениях «Зимний пейзаж» (уголь, мел) из Русского музея и «Лес в инее» (масло) из Третьяковской галереи в основе композиционных построений лежат сочетание развернутого ближнего плана и вертикальных линий стоящих деревьев.

Однако в живописной работе Шишкин уделял особое внимание к решению проблем воздушной перспективы, что нередко проявлялось в его творчестве на рубеже 1880-1890-х годов. Возвращаясь к альбомным этюдам, следует отметить, что эмпирическим путем художник осваивал законы смены тональных отношений и угасания интенсивности одного цвета даже в монохромных изображениях. Пейзажист открывал для себя своеобразную красоту заснеженных далей, будто случайно увиденную сквозь стволы и ветви. Творческие эксперименты приводили Шишкина к ос-

воению сложных образов лесных ночных пейзажей, в которых тактично сочетались реалистические черты зимнего пейзажа и лирическое настроение от лунного освещения. Именно в таких изображениях современники пейзажиста видели лучшие проявления зимних эффектов.

Самого же художника больше интересовала не сила эффекта, а магия выразительной смыслопорождающей формы. Общеизвестно, что Иван Иванович ценил энергетику запечатленных «больших» форм. Однако они нередко заслоняли собой потенциальные возможности выразительных пленэрных художественных образов пейзажиста, в которых совершенное знание «малых» природных форм способствовало их поэтичной трактовке в световоздушном пространстве. Лишь через годы появились в творчестве русских пейзажистов выверенные эффектные зимние изображения, например, в работах А.И. Куинджи.

Альбом Шишкина «Зимние эффекты» поступил в Русский музей в 1926 году из библиотеки Академии художеств, а до того листы альбома служили образцами для учеников пейзажного класса. «Зимние эффекты» Шишкина – это не просто подготовительный материал к картине «Зима», но важный этап творчества мастера и школа освоения реалистического изображения русской зимней природы. В заключение хочется привести высказывание пейзажиста: «Картина должна быть полной иллюзией, а это невозможно достигнуть без всестороннего изучения избранных сюжетов, к которым художник чувствует наибольшее влечение, которые остались в его воспоминаниях детства, т.е. пейзаж должен быть не только национальным, но и местным» [5].

Примечания

1. Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках / Сост., вст. ст. и коммент. В.М. Володарского. – М.: Республика, 2001. – С. 178.
2. Шишкин Иван Иванович: Переписка. Дневники. Современники о художнике / Сост., вступ. ст. и прим. И.Н. Шуваловой. – Л.: Искусство, 1984. – С. 283.
3. Шишкин Иван Иванович: Переписка. Дневники. Современники о художнике / Сост., вступ. ст. и прим. И.Н. Шуваловой. – Л.: Искусство, 1984. – С. 407.

4. Шишкин Иван Иванович: Переписка. Дневники. Современники о художнике / Сост., вступ. ст. и прим. И.Н. Шуваловой. – Л.: Искусство, 1984. – С. 407.

5. Шишкин Иван Иванович: Переписка. Дневники. Современники о художнике / Сост., вступ. ст. и прим. И.Н. Шуваловой. – Л.: Искусство, 1984. – С. 407.

**Социальная миссия музея.
О работе Кемеровского областного музея
изобразительных искусств
в пенитенциарных учреждениях
Кемеровской области**

Доклад рассказывает о различных формах работы сотрудников КОМИИ с заключенными – подростками и взрослыми. Эта деятельность направлена на знакомство осужденных с миром искусства и последующую их социализацию.

Ключевые слова: музей, искусство, заключенные, творчество.

L. Myzina, Russia, Kemerovo

**Social mission of the Museum. About work of the
Kemerovo Regional Museum of Fine Arts
in penitentiary institutions of the Kemerovo region**

The report tells about various forms of work of the KRMFA employees with prisoners – adolescents and adults. This activity is aimed at acquainting convicts with the world of art and their subsequent socialization.

Key words: museum, art, prisoners, creativity.

Сегодня, говоря о роли музея в современном обществе, хотелось бы поделиться опытом работы Кемеровского областного музея изобразительных искусств с теми учреждениями, где находятся люди, от которых общество фактически устранилось, – осужденными, теми, кто отбывает наказание в исправительных учреждениях.

В Кузбассе на сегодняшний день 27 исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ, осужденные составляют один процент населения области. И это неслучайно: Сибирь на протяжении многих веков традиционно была местом ссылок. Сюда отправляли раскулаченных крестьян, депортировали немцев, чеченцев, ингушей и многие другие народы. В 30-е и 50-е годы про-

шлого столетия Сибирь стала местом каторги для «врагов народа». Традиция имеет место и в наши дни: статистика говорит о том, что каждый четвертый житель Сибири имеет опосредованное отношение к этому.

Я расскажу о результатах работы Кемеровского областного музея изобразительных искусств в этих учреждениях. Начиная нашу работу, мы понимали, что эти люди провинились перед обществом и несут справедливое наказание. Но все ли сделало общество для того, чтобы людей за решеткой стало меньше? Что нужно сделать, чтобы человек, оступившийся один раз, мог вернуться в нормальную жизнь, чтобы колония с ее менталитетом не стала родным домом в первую очередь для малолетних преступников? Ведь грань, разделяющая нас и их, не так уж велика. Нищета, социальные болезни (туберкулез, СПИД), моральное опустошение, унижения – все это является и частью мира свободных людей. В колонии же эти пороки только усугубляются.

Язык общения в местах лишения свободы очень специфичен и исключает любые публичные выражения собственных переживаний. Как преодолеть эту пропасть, стереть непреодолимые барьеры между ними и нами, как сделать так, чтобы волшебная сила искусства дала свои положительные результаты, и крылатая фраза Достоевского «красота спасет мир» не осталась только красивыми словами. «Спасение через постижение прекрасного» – так видят свою миссию сотрудники Кемеровского областного музея изобразительных искусств.

Приступая к решению этой задачи, музей уже имел большой опыт просветительской работы с учреждениями уголовно-исправительной системы. Но до 2001 года эта деятельность не выходила за рамки традиционной лекционной пропаганды искусства, в которой осужденные выступали лишь в роли пассивных слушателей.

В 2001 году, во время недели изобразительного искусства, посвященной Дню защиты детей, музей по-новому посмотрел на эту часть общества, лишенную возможности свободного общения к культурным благам. Новизна мероприятия состояла в том, что из пассивных наблюдателей осужденные превратились в активных участников творческого процесса. В залах музея была организована выставка произведений детей из специализированной школы для трудных подростков, после чего был проведен круглый стол, где обсуждались проблемы детской преступности.

Это стало первым опытом контакта с такой аудиторией вне стен их специального учреждения, выходом этих подростков в свободный мир, в музей, где рядом с ними находились нормальные свободные дети. Этой акцией мы еще раз подтвердили основной тезис закона Российской Федерации, что все граждане имеют право на доступ к культурным благам.

Весной 2002 года музей начал реализовывать новый проект. Вместе с Главным управлением исполнения наказаний (ГУИН) Минюста России по Кемеровской области мы организовали творческий конкурс среди осужденных исправительных учреждений Кемеровской области под названием «Мечты о Петербурге» и посвятили его 300-летию города на Неве. В конкурсе приняли участие осужденные из 21 колонии Кемеровской области. После подведения итогов лучшие работы были отправлены в северную столицу для участия в фестивале «Интермузей» (Санкт-Петербург, май 2002 года), где наш музей был награжден дипломом за социальную эффективность в номинации «Лучший выставочный проект».

Но более весомой и значимой для нас стала поддержка коллег из музеев России. Мы получили массу замечательных отзывов и пожеланий не прекращать эту работу и подготовить серьезный долгосрочный проект. Так мы и сделали и, получив поддержку кураторов со стороны Главного управления исправления наказаний по Кемеровской области, художников, преподавателей и руководства Кемеровского областного художественного училища (КОХУ), подготовили проект «Свобода, которую я выбираю». Его реализация стала возможна благодаря финансовой поддержке института «Открытое общество “Фонда Сороса”».

Целью проекта являлась реализация комплексной программы, которая могла бы способствовать развитию широких творческих связей между осужденными и гражданским обществом и тем самым выполнять важную социальную функцию по подготовке осужденных к свободной жизни и общества к встрече с ними. Проект предполагал проведение серии мероприятий, включающих в себя «культурные десанты» в исправительные учреждения, мастер-классы для осужденных с участием профессиональных художников, экспресс-выставки из фондов музея, лекции, экскурсии, слайд-шоу. Главной изюминкой проекта стал конкурс среди осужденных на лучшее художественное произведение «Свобода, которую я выбираю», а итогом – организованная в стенах музея

выставка с участием представителей ГУИН, уполномоченного по правам человека по Кемеровской области, представителей средств массовой информации, родственников осужденных и самих участников конкурса, некоторым из них было разрешено приехать в музей и участвовать в церемонии открытия выставки. Акция имела огромный резонанс в культурной и социальной среде города. К открытию выставки были выпущены буклет и каталог, событие широко освещалось в СМИ Кузбасса и Сибири, информация об итогах проекта была размещена на разных сайтах.

Летом 2004 года музей представил проект на ежегодном фестивале «Интермузей» и получил диплом «За верность выбранному пути». В книге отзывов появились добрые и нужные слова поддержки авторам проекта. Экспозицию музея, представленную в виде камеры, где были атрибуты зоны, а рядом наивные пейзажи наших подопечных, посетило огромное количество зрителей и коллег-музейщиков. В результате проекта сложились партнерские отношения между музеем и пенитенциарными учреждениями, укрепились контакты с художниками, появилось новое направление в работе музея с КОХУ. Но что особенно важно, проект содействовал формированию толерантного отношения общества к осужденным, творческой реализации осужденных и созданию у них (в первую очередь у тех, кто был занят в подготовке к конкурсу) системы ценностей, исключающей правонарушения и преступления.

Проект реализовывался в течение 2003 года. И по окончании его перед всеми участниками встал вопрос: «Как быть дальше?» Финансовой поддержки ждать было не от кого, рассчитывать приходилось только на свои силы и помощь друзей и коллег. Все участники акции согласились работать на добровольных началах, причем количество проведенных занятий еще увеличилось. Но чем шире становился круг наших подопечных, тем яснее становилось понимание того, что что-то не так: пора менять стратегию и тактику, нельзя везде работать по одной схеме, не все результаты нас устраивают. И мы начали разработку новой программы.

Было решено выбрать среди осужденных самых талантливых, творчески настроенных, понимающих нас и начать углубленно работать с ними. Выбор пал на колонию для взрослых преступников в городе Кемерово, где среди осужденных сложился довольно сильный коллектив художников, в числе которых были постоянные участники и победители наших конкурсов. Второй пло-

щадкой была выбрана Мариинская детская колония, где отбывают наказание подростки в возрасте от 14 до 21 года. Для ребят, наиболее интересно проявивших себя в реализации наших программ, мы организовали школу ремесел, и в течение года вместе с педагогами Кемеровского областного художественного училища учили подростков работе с глиной и берестой. А параллельно для всех воспитанников детской колонии вели беседы об изобразительном искусстве, рассказывали о новых выставках в нашем музее, знакомили с фондами.

Для взрослых подопечных была выбрана иная форма работы. Вместе с педагогами Кемеровского областного художественного училища мы проанализировали что, чем и как пишут наши подопечные, а затем приняли решение построить занятия в соответствии с программой для студентов художественных училищ страны. Эти занятия на протяжении года вела преподаватель живописи КОХУ Татьяна Германовна Абрамова, которая считает своих учеников очень способными и талантливыми. Ее воспитанники не только научились различать виды и жанры изобразительного искусства, но и через шесть месяцев занятий сами начали пробовать силы в новых для себя техниках. Многие из них впервые в жизни работали карандашом, а затем гуашью и акварелью. Результаты превзошли все ожидания. Из работ начали исчезать пронзительно-яркие кричащие краски, штампы, на смену сладостным пейзажам пришли работы людей, начинающих понимать, что создание картины – это труд, напряженная работа, требующая не только знаний, усилий, но и таланта, способностей, времени и сил.

В канун нового 2005 года музей организовал выставку «Время ангелов», где наши подопечные показали удивительные акварели с изображением ангелов. Особую радость нам доставили работы молодых участников проекта из детской колонии г. Мариинска. Их ангелы были вылеплены из глины, затем обожжены и расписаны. Фигурки так же не походили друг на друга, как и наши воспитанники. Они оказались просто непредсказуемы: трепетны и трогательны у одного и сурово-реалистичны у другого. За долгие месяцы работы мы не раз были свидетелями того, как в процессе работы светлели лица наших учеников, с каким наслаждением ребята предавались лепке и радовались, когда у них что-то получалось. Но самым значительным нашим успехом мы считаем то, что в результате этих занятий один из наших воспитанников пос-

ле условно-досрочного освобождения пришел поступать в КОХУ. А значит, что наши усилия не прошли даром: и у ряда других осужденных появилось желание изменить свою жизнь после освобождения и даже попробовать свои силы на художественном поприще. Ведь главная цель проекта не в том, чтобы сделать из них профессиональных художников, а в том, чтобы помочь им на свободе приобрести новое мышление, адаптироваться в этом непростом мире.

В 2005 году мы получили финансовую поддержку газеты «Культура», и при поддержке фонда Форда осуществили новый проект, который победил в конкурсе «Журналистика – культура – общество» и получил грант. Особенность этого проекта была в том, что партнером музея стала главная областная газета «Кузбасс». Ежемесячно в течение всего 2005 года ее корреспондент выезжала в колонии области и в интерактивном режиме давала свежие репортажи с места событий. Итогом этой работы стала книга «Зона свободы», где автор рассказала о совместной работе КОМИИ, ГУФСИН и газеты «Кузбасс».

Оценивая проект после его завершения, мы осознавали, что нам многое удалось, мы многому научились, многое дали своим подопечным, но мы понимали и то, что нам рано останавливаться на достигнутом, надо идти дальше, искать новые формы и методы работы. Поэтому в 2007 году мы разработали новый проект с целью подготовить наших подопечных к жизни на воле: научить их правильно ориентироваться в правовом поле, не допускать ошибок, которые вновь вернут их назад. Для этого к работе были привлечены юристы и психологи. Мы работали в тех же колониях, с которыми сотрудничали весь 2005 год, и по просьбе ГУФСИН вернулись к работе с женской колонией в городе Мариинске. По условиям гранта партнером музея стала Государственная телерадиокомпания «Кузбасс». Ее специалисты в течение года оказывали помощь осужденным женской колонии по созданию своего телеканала. В течение года журналисты ВГТРК вместе с нами выезжали в колонии области и давали в эфир материалы, рассказывающие о нашей деятельности. По итогам работы был снят документальный фильм о жизни осужденных и том, какое воздействие на них оказал наш проект. Он был показан по центральному каналу ВГТРК и представителям общественного совета ФСИН России в Москве. А работу нашего музея с пени-

тенциарными учреждениями Кемеровской области признали одним из лучших социальных проектов в России.

Время идет, и мы придумываем и реализуем все новые и новые идеи, но главное – постоянно заботимся о том, чтобы выход наших подопечных в мир на свободу проходил менее болезненно. Сейчас мы все чаще работаем в зоне с виртуальными выставками, таким образом давая нашим подопечным возможность быть все-гда в курсе того, что происходит в художественной жизни нашего музея. Часто они – первые посетители наших виртуальных выставок из ведущих музеев страны.

Совсем недавно в нашем музее проходила выставка уникальных икон XIV-XIX веков из собрания музея А. Рублева (Москва). Мы вместе с коллегами из рублевского музея подготовили виртуальный вариант этой выставки, дополнив его иконами из фондов Кемеровского музея изобразительных искусств, и в канун Нового 2014 года посетили 44-ю колонию в городе Белово, где рассказали о выставке и предстоящих церковных праздниках. В свою очередь, осужденные пригласили нас в местную церковь, оформленную их работами, и попросили дать свои комментарии и замечания.

Наша беседа длилась несколько часов, и никто не хотел уходить. Впервые вместе с нами работали сотрудники музея А. Рублева и сестры милосердия из Москвы. Эмоции были столь сильными для всех, что мы приняли решение вместе с представителями музея прославленного иконописца приезжать в эту колонию и встречаться с теми, кто интересуется искусством и ждет общения с нами. Следующая наша встреча состоялась в канун 2015 года. Мы вновь привезли в 44-ю колонию иконы. Рассказ был очень долгим и волнующим – мы говорили об иконописи, сотрудники музея А. Рублева дополняли, но самым сильным моментом стало выступление отца Александра (Демченко), который прокомментировал сказанное и, конечно же, благословил всех собравшихся. Мы уезжали оттуда взволнованными и просвещенными, понимая, что мы нужны этим людям, и они ждут нас. А значит, жизнь продолжается, и будут новые встречи.

Сейчас на дворе 2017 год. По-прежнему нет поддержки ни от министерств юстиции и культуры, ни от федеральной службы исполнения наказаний. Однако наша работа продолжается, чаще – дистанционно. Но наши подопечные в курсе всех важнейших событий культурной жизни России и Кузбасса; впереди – новые встречи и знакомство с прекрасным. И крылатая фраза Ф.М. Достоевского продолжает жить.

**«Люблю людей, сильно увлеченных
искусством или наукой», –
А.П. Ильинский, ученый, коллекционер**

Алексей Порфирьевич Ильинский (1888-1945) – ученый, геоботаник с детства интересовался искусством. Более 20 лет собирал рисунки и офорты своего земляка, художника И.И. Шишкина, которого считал знатоком русской природы. К середине XX века коллекция Ильинского стала крупнейшим собранием графического наследия художника. Сегодня она представлена в различных музеях нашей страны. Вместе с офортами Шишкина в Саранпульский музей поступили письма Ильинского, раскрывающие широкий круг интересов ученого.

Ключевые слова: ученый Ильинский, знаток природы, коллекция графики.

V. Konyukhova, Russia, Sarapul

**«I love people who are very keen
on art or science», –
A. Ilyinsky, scientist, collector**

Alexey Ilyinsky (1888-1945) – a scientist, geobotanist since his childhood, was interested in art. For over 20 years he collected drawings and etchings of his countryman, artist I. Shishkin, whom he considered to be a connoisseur of Russian nature. By the middle of the twentieth century the collection of A. Ilyinsky became the largest collection of the graphic heritage of the artist. Today the collection is presented in various museums of our country. Together with Shishkin etchings Ilyinsky's letters were received to the Sarapul Museum, revealing a wide range of interests of the scientist.

Key words: scientific Ilyinsky, and lover of nature, collection of graphics.

Каждый школьник нашей страны знает картины прославленного русского художника Ивана Ивановича Шишкина (1832-1898), но не каждый знает, что изучает растительность мира по

картам, разработанным ученым-геоботаником Алексеем Порфирьевичем Ильинским (1888-1945). Известного художника и ученого с мировым именем связывала любовь к природе и искусству. Ильинский был страстным поклонником творчества своего земляка, считая его непревзойденным знатоком русского леса, в течение многих лет собирал рисунки и офорты Шишкина, став обладателем крупнейшей коллекции графического наследия мастера.

А.П. Ильинский родился 20 мая 1888 года в г. Сарапуле Вятской губернии в семье земского врача. Учился в Алексеевском реальном училище, где рано проявилось его увлечение природой и миром искусства: будучи учеником, он начал собирать гербарий местных растений. В коллекции Музея истории и культуры Среднего Прикамья хранится рисунок Ильинского «Ели», сделанный 15 ноября 1899 года в возрасте 11 лет. Он свидетельствует о незаурядных художественных способностях подростка и его тонкой наблюдательности.

Работа выполнена графитным карандашом, структура ствола дерева и тяжелые ветви подчеркнуты уверенными сочными линиями, сухие ветви намечены легкими прерывистыми штрихами. Второе дерево представлено выразительным силуэтом, а дальний лес – обобщенным серым монолитом, контрастирующим с освещенной поляной на первом плане. Небо, совсем нетронутое в верхней части листа, в середине композиции набирает тон легкой растушевкой и переходит в розоватые и голубые всполохи над линией горизонта. Небольшое включение цвета придает глубину и выразительность всему рисунку.

Вряд ли работа выполнялась с натуры. Она больше соответствует летнему пейзажу, нежели глубокой осени. Возможно, это перерисовка репродукции из популярных журналов того времени. В пользу этого говорит отсутствие вспомогательных линий, исправлений, а также хорошо продуманная композиция. Кроме того, тональное решение работы сходит на «нет» к краям листа, что говорит о мастерском владении автором художественными приемами.

Подобные копирования были характерны для методики художественного обучения XIX века. Иван Иванович Шишкин также применял этот способ для своих студентов, заставляя внимательно изучать фотографии и выполнять натурные зарисовки и студии, прежде чем приступить к картине. Начинающий художник

изображает то, что знает, то, что способен увидеть его глаз. Шишкин же относился к изображению леса «ученым образом», так что метод копирования позволял перенять опыт мастера.

Ученический рисунок А.П. Ильинского бережно хранился в семье, так как в нем нашло отражение главное пристрастие будущего ученого – интерес к природе, ее естественной красоте и гармонии. Большое влияние на развитие способностей и формирование эстетического вкуса юного реалиста оказал педагог Порфирий Павлович Беркутов (1873-1941), выпускник Императорской Академии художеств. Учитель рисования дополнительно вел художественную студию, устраивал выставки работ и творческие вечера, вместе с учениками ходил на лыжные прогулки, учил видеть прекрасное вокруг. Ильинский вспоминал о занятиях: «Это такое наслаждение схватить какую-нибудь линию или контур или почувствовать тень или чуть заметного “Зайчика” на тени. Еще интереснее работать с красками. От раза к разу чувствуешь, что глаз изощряется, научается видеть главное, существенное. Вспоминается мне милый Порфирий Павлович. Как он радовался, когда убеждался, что мы, мальчишки, начинали “видеть”, т.е. отличать существенное, ведущее от случайного» [1]. На занятиях делались учебные постановки и быстрые натурные зарисовки. В коллекции музея находится карандашный набросок Порфирия Беркутова с портретом Алексея Порфирьевича в гимназической форме. Дружба с учителем и его семьей продлилась долгие годы.

По окончании реального училища в 1905 году Ильинский поступил в Политехнический институт, потом перевелся в Петербургский университет, который закончил в 1912 году с дипломом 1-й степени. Со студенческих лет Алексей Порфирьевич занимался научной деятельностью и в 1910-1911 годах был командирован Петербургским обществом естествоиспытателей в Сарапульский и Елабужский уезды Вятской губернии для флористических и геоботанических исследований. Алексея Порфирьевича отличали поразительная память, энциклопедические знания и искренняя любовь к природе. Занимаясь преподавательской деятельностью, Ильинский так же, как когда-то Беркутов, стал проводником для своих студентов в мир прекрасного. Только человек с тонким эстетическим вкусом мог так живописно описать лунное затмение: «Вся луна шоколадно-коричневого цвета, чуть-чуть серебрилась к краям» [2].

Более 25 лет Ильинский проработал в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова Академии наук СССР, занимался преподавательской деятельностью, был профессором Института им. Герцена. Он специализировался в области геоботаники, изучал растительность земного шара, опубликовал около 150 научных работ. Здесь А.П. Ильинский создал все свои основные работы, сделавшие его общепризнанным авторитетом в области географии растений и геоботаники, растительности земного шара, методики стационарных геоботанических исследований. Алексей Порфирьевич стал продолжателем учения Дарвина, считался одним из лучших знатоков тропических растений, оранжерейных культур и ботанических садов, заложил основы организации большого ботанико-географического парка под Ленинградом, ботанических садов в Минске и Москве, Полярно-альпийского ботанического сада в Кировске. Ученый был членом российских и зарубежных научных обществ, а еще его отличала глубокая эрудиция и широота интересов: музыка, архитектура, изобразительное искусство, литература, иностранные языки...

С 1924 года Ильинский с семьей жил в Ленинграде. В 1942 году, пережив страшную блокадную зиму, ученый с сотрудниками института был эвакуирован в Казань. Его старшая дочь Наталья, студентка Архитектурного факультета Ленинградского института инженеров коммунального строительства, была приглашена в Сарапул на работу директором Российского института градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор». Сохранились письма Ильинского к дочери, наполненные заботой о ней и расширяющие широкий круг интересов ученого.

Алексей Порфирьевич поддерживал увлечение Натальи искусством, советовал обратить внимание на архитектурные достопримечательности Сарапула, анализировал достоинства и недостатки ее этюдов: «Повесили твое “Крылечко в Шеланге”, хорошо небо и Заволжье! Любуюсь ими. На первом плане недостаточно внимания уделено свету и тени. <...> Как Александр Африканович (племянник Беркутова – прим. автора)? Удалось ли устроить его выставку? Попроси его подарить мне одну акварель на память, хорошо бы Сарапул или Павловск. Передай ему мой привет» [3]. Несмотря на суровые военные условия, отец высылал дочери книги, историю искусств на французском языке и французскую грамматику, советовал, что прочитать, подарить близким людям: «Помнится, будто тетушка Ники скульптор. Тогда можно пода-

рить ей книгу Мацулевич “Французский реалистический скульптурный портрет XVI-XVIII вв.”. Автор отдыхала у нас перед отлетом из Ленинграда» [4].

Алексей Порфирьевич поддерживал отношения со многими деятелями искусства, искренне радовался, когда узнал о награде «певицы Петербурга» А.П. Остроумовой-Лебедевой и присвоении ей звания «Заслуженный деятель искусств». В Казани Ильинский продолжал встречаться с учеными, художниками и искусствоведами, не мог пройти мимо выставки картин и графики ленинградских художников, несколько раз прослушал любимую оперу «Садко», был в восторге от поэтического вечера Качалова. Алексей Порфирьевич признавался: «Люблю людей, сильно увлеченных искусством или наукой» [5], искал встреч с интересными людьми; в одном из писем, к примеру, он сообщал: «Здесь сейчас Петр Евгеньевич Корнилов. Заведующий отделом графики и рисунка Русского музея, редактор “Искусства”. Удивительно милый человек. Остановился у родни в Кошачьем пер. (ныне Горького). Узнал его квартиру по фарфоровой статуэтке Пушкина в окне» [6].

Во время эвакуации, невзирая на голод и неустроенность быта, Ильинский думал о сохранении и восстановлении природного богатства: «В американской книге прочитал: поставлена четко задача перед лесоводами – сохранение красоты леса как могучего средства по борьбе с усталостью, изнашиваемостью современного человека» [7]. Ученый поднимал вопрос о создании Раифского ботанико-географического парка с отделом по истории садового искусства. В письме к дочери он делился своими рассуждениями: «Надеюсь, что ты примешь участие в работе, и я м.б. доживу хоть до генерального плана парка. Он будет очень нужен Ленинграду. Павловск, Детское, Петергоф – все это сильно изуродовано и сильно пострадало, и посещение их будет будить в “старых” ленинградцах, знавших их до войны, острое чувство тоски, сожаления, гнева. Ботанико-географический парк будет “новостройкой” и в ней будет легче отдыхать. Прежде всего придется привести в порядок “ленинградский” отдел. Это легче всего, а там начнется созидание американского, дальневосточного, японо-китайского, алтайского, сибирского и др. отделов» [8].

В Казани Алексей Порфирьевич познакомился с профессором Алексеем Михайловичем Алексеевым (1893-1971), родоначальником казанской школы физиологии растений. В сентябре 1942

года Ильинский сообщает дочери: «Намечается наш переезд в “угол” к Алексеевым, ты кажется у них не была? Это местный профессор, очень милый и культурный человек. Мать его сарапульская, родная племянница Ив. Ив. Шишкина. Бродя по Раифскому лесу, все более и более начинаю ценить Шишкина. Лес он изображал все-таки изумительно» [9]. Ильинский живо интересовался судьбой послевоенных садов и парков, посещал выступления ученых в Союзе архитекторов, участвовал в «Краеведческих средах» в музее. В феврале 1944 года яркое впечатление на Алексея Порфирьевича произвел доклад историка искусства и архитектуры, ученого-химика Владимира Яковлевича Курбатова (1878-1957) «Художественный облик Казани». Ильинский соглашался с автором по многим позициям: «Несомненно, прав он в своих тезисах:

- 1) Местоположение Казани очень живописно;
- 2) Если бы казанцы позаботились о приведении в порядок некоторых арх. ансамблей и памятников, то город мог бы привлекать туристов;
- 3) В настоящее время большинство арх. памятников находится в ужасном состоянии.

Курбатов отметил сад Родионовского института» [10].

В апреле 1944 года Ильинский выступил в музее с докладом о Раифском заповеднике, что вызвало оживленный обмен мнений: «Выступал между прочим П.М. Дульский. Он установил документально, что Раифский кремль начат постройкой в XVII в., закончен в нач. XVIII. Строил его (или, во всяком случае, башни) зодчий из Истры. Там чудесные его произведения погибли от французских варваров. Тем более основание беречь их здесь» [11]. С искусствоведом Петром Максимилиановичем Дульским (1879-1956), автором книг по истории художественной культуры Татарии, Ильинского связывала общность интересов. Он сообщал в письме: «Дульский предлагает издать снимки с рисунков Шишкина и с редких его гравюр. Евг. Мих. приобрел Шишкина, Фалалева, И. Павлова, Остроумову-Лебедеву и др.» [12].

С 1920-х годов Ильинский коллекционировал рисунки и офорты нашего земляка-живописца, в собрании ученого насчитывалось несколько сотен листов самого мастера и его учеников. Поднимался вопрос о печатном издании, коллеги Алексея Порфирьевича считали, что «монографию об этом иконографе русского леса должен написать ботанико-географ, которому близки как ин-

тересы ботанической географии, так и искусствоведения» [13, с. 123]. Ильинский не успел осуществить этот проект: в апреле 1945 года он был призван на фронт, командирован в Берлин для спасения естественно-научных коллекций, в июне был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в октябре 1945 года ученого не стало.

После войны П.М. Дульский издал книгу о Шишкине [14]. В этом и других изданиях о творчестве художника мнение ученого-биолога, знатока растительного мира А.П. Ильинского не было представлено. Тем не менее, коллекция Алексея Порфирьевича с исчерпывающей полнотой представляла графическое наследие И.И. Шишкина и позволила исследователям заниматься дальнейшим изучением творчества художника. В 1970-1980-х годах рисунки и офорты Ивана Ивановича из коллекции ученого пополнили собрания крупнейших музеев страны.

В 1988 году дочери профессора Ильинского Ирина и Наталья передали в Сарапульский музей пять офортов И.И. Шишкина: «Срубленные ели. Лес» (1873), «Группа деревьев. Затишье» (1885), «В Крыму» (1886), «Дубки» (1886), «Дубы» (1888). Тогда же поступил и офорт с картины Шишкина «Сосна», сделанный ученицей и племянницей художника Александрой Тимофеевной Комаровой. Эта работа, выполненная в мягкой манере, похожей на акварель, была особо любима Ильинским. Помимо того в музей поступили личные вещи Алексея Порфирьевича, его научные труды, письма, семейные фотографии и детские рисунки будущего ученого.

Дочери профессора продолжили дело отца: Ирина Алексеевна (1921-2011) – палеоботаник, научный сотрудник Ботанического института им. В.Л. Комарова, автор более 100 научных трудов; Наталья Алексеевна (1918 г.р.) – художник – архитектор, ландшафтный дизайнер, педагог, эксперт по реконструкции исторических садов и парков Ленинграда и его пригородов. Сестры в течение многих лет поддерживали переписку с Сарапульским музеем, с искренней благодарностью вспоминали отца, его рассказы о детстве и семье, научных открытиях и природных наблюдениях, искусстве и встречах с увлеченными людьми.

Примечания

1. Музей истории и культуры Среднего Прикамья. Коллекция «Письменные источники». Письма А.П. Ильинского. Казань – Сарапул, 1942-1944 гг. КП – 18153/3, 18.9.1942 г.

2. Там же. КП – 18153/49, 24.08.1943 г.
3. Там же. КП – 18153/60, 05.02.1944 г.
4. Там же. КП – 18153/30, 1942 г.
5. Там же. КП – 18153/39, 1943 г.
6. Там же.
7. Там же. КП – 18153/31, 26.12. 1942 г.
8. Там же. КП – 18153/52, 1943 г.
9. Там же. КП – 18153/3, 18.09.1942 г.
10. Там же. КП – 18153/62, 19.02.1944 г.
11. Там же. КП – 18153/69, 15.04.1944 г.
12. Там же. КП – 18153/32, 01.01.1943 г.
13. Государева С.Г. Офорты И.И. Шишкина и его учеников в фондах Удмуртского республиканского музея изобразительных искусств / Сборник статей «Удмуртия: новые исследования». – Ижевск, 1990.
14. Дульский П.М. Иван Иванович Шишкин. 1832-1898. – Казань, 1953.

**Значение коллекции профессора
А.П. Ильинского для формирования собрания
графики И.И. Шишкина
в Государственном музее изобразительных
искусств Республики Татарстан**

Статья посвящена анализу поступившей в ГМИИ РТ в 1985 году коллекции графики И.И. Шишкина и его учеников из собрания ленинградского профессора-геоботаника Алексея Порфирьевича Ильинского. В статье также приводятся биографические сведения о коллекционере, его профессиональной деятельности и связях с Казанью.

Ключевые слова: графика, офорт, цинкография, Иван Иванович Шишкин, Алексей Порфирьевич Ильинский.

S. Novikova, Russia, Kazan

**The importance of the collection of professor
A. Ilyinsky for the formation of a collection
of graphics by I. Shishkin in the State Museum
of Fine Arts of the Republic of Tatarstan**

The article is devoted to the analysis of the collection of graphics by I. Shishkin and his disciples from the collection of the Leningrad professor-geobotanist Alexei Ilyinsky, received by the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan in 1985. The article also provides biographical information about the collector, his professional activities and connections with Kazan.

Key words: graphic art, etching, zincography, Ivan Shishkin, Alexey Ilyinsky.

В нашей стране существует и успешно работает множество художественных музеев и галерей. Подавляющее большинство из них, от самых крупных музеев России, таких как Эрмитаж и Третьяковская галерея, до небольших музеев-квартир, было основано на подаренных или специально приобретенных частных собрани-

ях произведений искусства. Качественный состав этих изначальных коллекций нередко определял вид деятельности всего музея и направление дальнейшего комплектования фондов.

В Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан есть несколько особо значимых собраний. Одна из них – монографическая коллекция живописи и графики Ивана Ивановича Шишкина (1). Графическая коллекция постепенно складывалась из нескольких частных собраний: первые отдельные листы поступили из коллекции казанского собирателя второй половины XIX века А.Ф. Лихачева. Следующее поступление – 132 гравюры из собрания ленинградских коллекционеров М.В. и Я.Д. Гликиных – было в 1973 году; в 1980 году у А.П. Ступина, тоже ленинградца, приобретен альбом «60 офортов И.И. Шишкина. 1870-1892». Последним крупным пополнением музейного фонда графики И.И. Шишкина стала закупленная в 1985 году часть коллекции профессора А.П. Ильинского.

За каждым собранием стоит личность коллекционера, наделенная интересом и любовью к искусству, личность человека, который вкладывал в дело душу, время, деньги, силы. Изучая это наследие, можно понять, в какой-то степени, характер владельцев, их склонность и любовь к определенному виду графики. Так, Андрей Федорович Лихачев, лично знавший Ивана Ивановича Шишкина, собирал преимущественно рисунки. Коллекция Гликиных сформирована на основе коллекций В.И. Трапицына (2) и А.Е. Пальчикова (3) и содержит в себе «большое число офортов в разных состояниях с вариантами и переделками» [5]. Она и стала основой собрания графики И.И. Шишкина в ГМИИ РТ.

Коллекция Алексея Порфирьевича Ильинского была распределена его наследниками по нескольким музеям России. Санкт-Петербург, Казань, Сарапул, Ижевск, Челябинск, Екатеринбург, Магнитогорск, Омск, Красноярск – это, видимо, не полный перечень городов, которые стали обладателями разрозненных частей обширной коллекции. По примерным подсчетам, у наследников Ильинского было не менее 600 листов графики И.И. Шишкина. После закупки 1985 года в ГМИИ РТ находится 95 произведений из этого собрания. Из них работ И.И. Шишкина: 42 цинкографии, 22 офорта, 5 литографий, остальные, по преимуществу, – его учеников. На оборотной стороне гравюр в большинстве случаев стоит прямоугольный штамп синими чернилами: «СОБРАНИЕ / проф. А.П. Ильинского». До передачи коллекции в Казань со-

трудники отдела гравюры XVIII – начала XX веков Русского музея провели экспертизу [10], в которой говорится, что «приобретаемые гравюры (офорты, литографии и цинкографии) существенно дополняют обширное собрание произведений Шишкина, которым обладает Музей ИЗО ТАСССР».

Благодаря этой закупке музейные фонды графики значительно пополнились и количественно, и качественно. Особенно хотелось бы отметить приобретенные у Ильинских цинкографии И.И. Шишкина, так как этот вид печатной графики в фондах ГМИИ РТ практически не был представлен. В настоящее время из 46 оттисков 42 происходят из собрания А.П. Ильинского. В основном это отдельно напечатанные листы, что является редкостью, а также несколько журнальных иллюстраций с текстом на обороте.

Цинкография, или выпуклый офорт – способ тиражирования изображений, широко применявшийся в конце XIX века в издательском деле. На цинковой доске кислотой травятся те части, которые на бумаге должны остаться белыми, при этом печатная форма получается выпуклой. Далее доску вставляют в типографскую форму вместе с набором и печатают обычным способом. В журналах «Пчела», «Свет», «Нива» с 1875 по 1888 годы регулярно издавались выпуклые офорты Шишкина. А цинкография «Сосновый лес» была предложена журналом «Пчела» в качестве премии подписчикам 1876 года.

По цинкографским оттискам различного состояния, хранящимся в музейном фонде, можно проследить очередность работы Ивана Ивановича над доской. В собрании есть листы, фиксирующие этапы доработки изображения («Глушь», 1875), есть оттиски «до подписи» («Три дуба», 1888) или с различными вариантами подписи («Дубовая роща Петра Великого в Сестрорецке», 1893). Некоторые напечатаны на обороте листов из альбома фототипий О.А. Лагоды-Шишкиной. Сюжеты цинкографий в основном заимствовались с живописных оригиналов, натуральных рисунков, иногда с литографий. Художник постоянно экспериментировал и вносил изменения по ходу работы.

Не менее ценным вкладом в музейную коллекцию стали офорты И.И. Шишкина. Это варианты обложек альбомов художника, исполненные как на цветной бумаге, так и на шелке («Офорты Шишкина», 1886); пробные оттиски, «очень редкие» [4, с. 20] по определению, данному А.Е. Пальчиковым в его «Перечне печат-

ных листов И.И. Шишкина» («Облака над рошей», 1878). Подлинными раритетами являются пять листов с владельческим знаком на обороте «Собраніе А.Е. Пальчикова. Оттискъ печатанъ И.И. Шишкинымъ» («Поле», 1886 – три варианта; «Дуб», 1886; «Никитский мыс в Крыму», 1892).

Литография – одно из первых увлечений Шишкина печатной графикой. С 1850-х годов он работал в этой технике, участвовал в выпуске альбомов. В музейном собрании до поступления коллекции А.П. Ильинского была всего одна литография И.И. Шишкина. Сейчас в фондах находится 6 литографий, сделанных для различных изданий («Искусство», 1860; «Художественный автограф», 1869 и 1970 года).

В приобретенной коллекции также были работы учеников И.И. Шишкина: О.А. Кочетовой, А.Т. Комаровой, И.А. Космакова, О.А. Лагоды-Шишкиной, Н.Н. Хохрякова – всего 22 гравюры и 2 рисунка. Первой и единственной офортной медной доской XIX века в нашем музее стала доска А.Т. Комаровой, ученицы и племянницы художника, из этого же собрания.

Помимо работ И.И. Шишкина и его учеников в составе коллекции А.П. Ильинского в музейный фонд поступили два офорта В.А. Боброва (4) – портреты И.И. Шишкина и С.Ф. Щедрина, а также альбом фототипий с рисунков О.А. Лагоды-Шишкиной (5) [6]. Альбом сейчас находится в елабужском Доме-музее И.И. Шишкина.

Во время передачи произведений от дочери коллекционера, Натальи Алексеевны, ГМИИ РТ получил первую краткую информацию об Алексее Порфирьевиче Ильинском (1888-1945). Дальнейшие поиски биографических сведений открыли нам не просто увлеченного собирателя, но интереснейшего человека, прожившего почти всю жизнь в Ленинграде, профессионала, посвятившего себя науке.

Алексей Порфирьевич Ильинский, будущий геоботаник, доктор биологических наук, профессор, родился 20 мая 1888 года в городе Сарапуле Вятской губернии. С детства он много времени проводил на природе, собирал и изучал растения, составлял гербарии. С юности определившись в своих научных интересах, Алексей Порфирьевич всю жизнь посвятил ботанике. В 1905 году он уехал в Санкт-Петербург, после нескольких лет учебы в Политехническом институте поступил в Санкт-Петербургский Императорский университет, который закончил в 1912 году. Со сту-

денческих лет Ильинский был участником множества экспедиций в разных частях России, включавших полевые исследования, организацию в разных регионах страны стационаров для изучения динамики и устойчивости биоценозов (6), составление карт растительности. С 1919 года и до конца жизни работал в Ботаническом институте имени академика В.Л. Комарова Академии наук СССР. За это время опубликовал около 150 научных работ [3, с. 351] по различным вопросам ботаники.

Одной из наиболее значимых работ А.П. Ильинского является монография «Растительность земного шара» (1937), в которой он на основании изучения по первоисточникам обширной мировой литературы дал картину закономерностей распределения растительного покрова на отдельных материках и наиболее интересных островах [3, с. 351]. В 30-40-х годах прошлого века А.П. Ильинский много времени посвятил созданию геоботанических карт. В 1937 году под его руководством были составлены и опубликованы в Большом советском атласе мира обзорные карты растительности территории СССР. Подобные карты стали большим достижением не только российской, но и мировой картографии.

Значительный след оставил Алексей Порфирьевич в истории организации Волжско-Камского государственного природного заповедника, расположенного в 25 километрах от Казани. В годы Великой Отечественной войны Ботанический институт Академии наук СССР, где работал Ильинский, был эвакуирован из Ленинграда в Казань. Ученые продолжили работу на кафедрах Казанского государственного университета (7). Осенью 1942 года Алексей Порфирьевич организовал под Казанью, в Раифе, Лесной стационар, на котором проводил исследования. Из статьи О.В. Бакина (8): «Ознакомившись с Раифой, Ильинский сразу пришел к выводу о необходимости ее срочного заповедования и принялся за работу. Он провел самое полное ее обследование, составил первую геоморфологическую карту Раифы». В ряде статей ученого «помимо научных сведений, разбирались вопросы организации и функционирования заповедника. Ильинский, в частности, предлагал использовать монастырские постройки под научные лаборатории заповедника» [1, с. 37]. К сожалению, попытка организации заповедника в 1943 году осталась безрезультатной.

А.П. Ильинский являлся одним из лучших знатоков ботанических садов, был активным членом многих научных обществ,

как русских, так и зарубежных, занимался преподаванием. Умер он в Ленинграде в 1945 году.

К сожалению, очень мало сведений о том, как А.П. Ильинский собирал свою коллекцию изобразительного искусства, какие виды искусства предпочитал, где приобретал произведения. Евгений Михайлович Лавренко, коллега ученого по Ботаническому институту АН СССР и тоже увлеченный коллекционер, в некрологе о смерти Ильинского отмечает: «Пишущий эти строки не может не упомянуть еще об одной черте общего облика А.П. – о его большой и глубокой любви к искусству. А.П. был знатоком изобразительного искусства вообще и в частности русского искусства, которое он особенно горячо любил. Особый интерес он проявлял к графике, преимущественно гравюре, которую он с большой страстью собирал. В своем собирательстве А.П. оказывал предпочтение нашему крупнейшему пейзажисту И.И. Шишкину, своему земляку. Он, видимо, предполагал посвятить графике И.И. Шишкина, его офортам, литографиям и рисункам, особую работу» [3, с. 353].

Часть графической коллекции Алексея Порфирьевича, ценителя творчества Ивана Ивановича, приобретенная Государственным музеем изобразительных искусств Республики Татарстан в 1985 году, стала весомым вкладом в музейное собрание Шишкина, значительно дополнив и расширив ее состав.

Приложение

1. Собрание работ И.И. Шишкина в ГМИИ РТ достаточно обширно: живописных полотен – 35 единиц [8, с. 198-205], рисунков – 25 [9, с. 17], офортов, литографий и цинкографий – 343. Ценность этой музейной коллекции – в ее целостности, дающей представление обо всех периодах и этапах работы мастера как в живописи, так и в гравюре. Лишь немногие из известных и описанных в справочниках гравюр не вошли в собрание. Из перечисленных Д.А. Ровинским [7, стб. 1190-1198] ста офортов Шишкина в фондах ГМИИ РТ имеется 82, причем большинство из них представлены или несколькими экземплярами, или различными состояниями оттиска.

2. Трапицын Валентин Иванович (1879-1957) – один из крупнейших коллекционеров русской и западной гравюры; после его смерти коллекция перешла к дочери – М.В. Гликиной.

3. Пальчиков Анатолий Евграфович – коллекционер, библиофил, издатель; составил перечень печатных листов И.И. Шишкина [4].

4. Бобров Виктор Алексеевич (1842-1918) – академик живописи, акварелист, график; работал в офорте, создав множество портретов в этой технике [7, стб. 85-96].

5. Лагода-Шишкина Ольга Антоновна (1850-1881) – живописец и рисовальщица; училась в Академии художеств в 1875-1876 годах и у И.И. Шишкина. Вторая жена Ивана Ивановича.

6. Биоценоз – совокупность растений, животных, микроорганизмов, населяющих участок суши или водоема и характеризующихся определенными отношениями как между собой, так и с абиотическими факторами среды [2, с. 37, стб. 1106].

7. В экспозиции Музея истории Казанского университета можно увидеть фотографии сотрудников БИН АН СССР, сделанные в 1944 году на ступенях одного из корпусов КГУ.

8. Бакин Олег Владимирович (1961 г.р.) – заместитель директора по науке федерального государственного бюджетного учреждения «Волжско-Камский государственный природный биосферный заповедник».

Примечания

1. Бакин О.В. Путь к заповеднику / Журнал «Казань». – №2-3, 2000. – С. 39-40.

2. Биоциноз. Большая советская энциклопедия; т. 3. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 1106-1107.

3. Лавренко Е.М. Памяти А.П. Ильинского / Журнал общей биологии. – М.: Изд. АН СССР, 1945. – Т. 6, №6. – С. 349-353.

4. Пальчиков А.Е. Перечень печатных листов И.И. Шишкина. – СПб., 1885. – 45 с.

5. Письмо М.А. Алексеевой, и.о. зав. Отдела гравюры Государственного Русского музея, от 26.03.1973 Юрию Ивановичу Петрову, директору Музея изобразительных искусств Татарской АССР. – Архив отдела учета ГМИИ РТ. Акты ПЗК от 1973 г.

6. Рисунки карандашом О.А. Лагоды-Шишкиной. 1879-1880. – СПб., Изд. И.И. Шишкина, 1887. – 52 с.

7. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв. – Т. 1-2. – СПб., 1895.

8. Русское искусство XVII – начала XX века. Живопись. Каталог. Государственный музей изобразительных искусств Респуб-

лики Татарстан / Автор-сост. и автор вступ. статей Г.А. Могильникова. – Казань. Изд-во «Kazan-Kazanь», 2005. – 288 с.

9. Улемнова О.Л. История формирования шишкинской графической коллекции музея и ее особенности / Каталог выставки «Иван Иванович Шишкин». – ГМИИ РТ, 1998. – С. 17-21.

10. Экспертное заключение от 13.06.1985 г. Отдела гравюры XVIII – начала XX века Государственного Русского музея, подписано М.А. Алексеевой, зав. отделом гравюры Государственного Русского музея, и С.С. Шерман, старшим научным сотрудником отдела гравюры. Архив отдела учета ГМИИ РТ. Акты ПЗК от 1985 г.

М.Ю. Чертогова, Россия, Кемерово

**Картина «К своим» (1978-1986) Г.М. Коржева.
Из истории комплектования
художественной коллекции
Кемеровского областного музея
изобразительных искусств**

Статья посвящена судьбе художника Гелия Михайловича Коржева и его работе над одним из главных своих полотен, посвященных Гражданской войне. Здесь также рассказывается о том, каким образом эта картина оказалась в фондах КОМИИ.

Ключевые слова: художник Г.М. Коржев, картина «К своим», музей.

M. Chertogova, Russia, Kemerovo

**Picture «To their own people» (1978-1986)
by G. Korzhev. From the history of the acquisition
of the art collection
of Kemerovo Regional Museum of Fine Arts**

The article is devoted to the fate of the artist Geliy Korzhev and his work on one of his main paintings dedicated to the Civil War. It also tells how this picture turned out to be found in the funds of KRMFA.

Key words: artist G. Korzhev, picture «To their own people», museum.

В 2016 году по инициативе Государственной Третьяковской галереи в здании на Крымском Валу состоялась монографическая выставка Гелия Михайловича Коржева (1925-2012). Пресса назвала ее самым острым и парадоксальным проектом года, а самого мастера – последним великим русским реалистом XX века. Так случилось, что в творчестве мастера выставка стала первой такой – полной, масштабной, ретроспективной и... посмертной. В пресс-релизе читаем: «На выставке Коржев предстанет перед зрителем как художник эпического дарования, который обращался к “вечным” темам и общечеловеческим историям, всегда

оставаясь сильным, но одиноким героем, отшельником и пророком, который нес людям свое послание и, возможно, единственный мог говорить этому миру правду».

«Художник русской беды» – сказал о Коржеве искусствовед Александр Боровский. А искусствовед Екатерина Деготь заметила: «Он мне кажется выдающейся фигурой советского искусства, не оцененной... ни либеральным искусствознанием, ни официозными кругами. Он мыслил картину не как картину в раме для музея, а как проекцию мысли в массы – и в этом продолжал традицию авангарда».

Экспозиция выставки показала 150 произведений из собраний зарубежных и отечественных (столичных и региональных) музеев, фондов и частных коллекций. Среди них и полотно из собрания Кемеровского областного музея изобразительных искусств (КОМИИ) «К своим» (1978-1986).

На сегодняшний день это одно из лучших, если не лучшее, произведение из собрания КОМИИ. Оно принадлежит кисти великого мастера, создано им в зените творческих сил и, отличаясь своей завершенностью – содержательной и формальной, характерно для него в абсолютной степени. Несомненно, такая картина как «К своим» (1978-1986) [1] московского живописца Гелия Михайловича Коржева [2], могла войти в коллекции крупнейших музеев страны: Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея.

Перед нами масштабное полотно, посвященное Гражданской войне – одной из самых трагичных страниц российской истории, к которой Коржев, мыслитель и патриот, болевший судьбами страны и народа, обращался на протяжении всей творческой жизни. Типичное для героико-революционной линии в искусстве художника, оно вполне сопоставимо с таким произведением, например, как триптих «Коммунисты» (1957-1960, ГРМ), вошедший в золотой фонд художественного наследия нашей страны. В «кемеровской» картине художник также берет за основу частный сюжет и поднимает его до эпического звучания, наделяя образ высоким гражданским чувством, пафосом непреклонного мужества, суровой романтикой [3].

Действительно, картина «К своим» демонстрирует явное сходство с более ранними картинами мастера, созданными в конце 1950-1960-е годов, в русле «сурового стиля» [4] – направления в

советском искусстве, которое, отражая настроения «оттепели», было исполнено бескомпромиссного поиска правды жизни, героизации повседневного. Та же верность его идеалам, те же социальная заостренность и широкая типизация, емкость и лаконизм, тот же монументализм пластической формы. Налицо и сугубо авторские черты, свойственные исключительно Коржеву и заметно отличавшие его от других представителей «сурового стиля», а именно: выраженность драматической составляющей темы, глубокий психологизм и особая, по-коржевски могучая манера письма – лапидарная, предметно-осязаемая, основанная на рисовании кистью.

При внимательном анализе картины в ней обнаруживаются иные смыслы, обратные «суровому стилю», даже противоречащие ему. Это и выбранный мотив – после боя; и сами персонажи, которые – не то победители, не то побежденные – медленно, под бременем неодолимой усталости, удаляются вглубь бескрайней пустыни, бредут в никуда [5]; и то, что они показаны чуть вдаль, не на первом плане, да еще со спины – безлично, что не свойственно не только «суровому стилю» с его предпочтением прямой речи (изображением в фас), но и творчеству самого художника, который, исследуя судьбу человека, всегда представлял его крупным планом, нередко в упор. Чувствуется, что в священном акте взаимопомощи, объединившем в сюжете двух участников боя – русского и узбека, угадывается и... беспомощность, тот предел человеческих сил, который неизбежен в борьбе со стихией, природной или военной.

Для наглядности еще раз сравним картину «К своим» (1978-1986) с «Интернационалом», правой частью триптиха «Коммунисты» (1958) – вслед за искусствоведом В.П. Сысоевым, справедливо заметившим между ними известное сходство: в выборе темы, формате холста и композиционном решении, представляющем двух героев – одиноких, в рост. Однако в «Интернационале» герои, обреченные на смерть, стоят твердо, спина к спине, бесстрашно и одержимо – за дело Революции, отчаянно трубя пролетарский гимн, с силой сжимая древко красного знамени. И, наоборот, в картине «К своим» они тихо покидают поле сражения, обессиленные и потерянные, один поддерживая другого, раненного в бою, чтобы дойти до своих – выжить. Обе работы, отражая раздумья о жизни и смерти, демонстрируют величие солдатского подвига – каждая по-своему. То есть налицо разночтение в пони-

мании подвига: в первой из них, написанной раньше, – это гибель во имя идеи, во второй, созданной почти тридцатилетие спустя, – это братство во имя жизни.

Очевидно, что в картине «К своим» героизация обыденного, как постулат «сурового стиля», выражена неявно, даже спорно, поскольку трудно с уверенностью сказать, кто на картине представлен: герои или нет. Здесь понимание героики усложняется, теряя былую прямолинейность: с классовой борьбы, что кипит не на жизнь, а на смерть, оно переносится в область этическую и заключается в людском единении и сострадании к ближнему как проявлении «высочайшей формы человеческого существования» (Ф.М. Достоевский).

Безусловно, это лишает образ активной тональности, утверждающего начала, волевой напряженности, какие отличали хрестоматийные произведения «сурового стиля», в том числе и произведения Гелия Михайловича, несмотря на присущий им драматизм, всегда ярко выраженный, глубокий. Страстная категоричность и полемическая острота, обнажавшие со всей откровенностью личную позицию автора, никогда не оставляли в его полотнах место полутону, сомнениям и двусмысленности. Поэтому ошибиться относительно даты создания полотна «К своим», пожалуй, все-таки невозможно [6].

Примечательно, что датой создания этой картины значатся восемь лет: 1978-1986. Такая продолжительность в поиске образа типична для Коржева. Однако самые затяжные периоды, вплоть до десятка лет, приходится на позднее творчество, начиная с середины 1980-х, – на перестроечные и постсоветские годы. Тогда, в тягостном осмыслении общественных перемен, преобразивших страну с точностью до наоборот, мироощущение автора менялось трагически, и это потрясение, перевернувшее жизнь, не сразу обрело ясность позиции – личностной, гражданской, художнической. Поэтому в поиске образной выразительности Гелий Михайлович все чаще то отставлял, то возвращался к своим работам, не ощущая их завершенности. Об этом свидетельствуют сами картины, которые, отражая непрерывный диалог художника со своей эпохой и самим собой, писались мучительно долго, из года в год: «Наезд» (1980-1990), «Тюрлики» (1980-1990-е), «Дезертир» (1985-1994), «Иуда» (1987-1993)...

Преддверием позднего творчества в искусстве Г.М. Коржева, полагаю, и стало полотно «К своим» (1978-1986), созданное в пе-

реходный период – на исходе позднего советского и начавшейся перестройки. Это многое объясняет: и дегероизацию образа, посвященного Гражданской войне – одной из самых героических тем в советском искусстве, и его гуманистическое прочтение, раскрывающее не одержимую волю к победе, как прежде, а глубокое сочувствие к человеческой жизни и то, что в канун национальных конфликтов, разгоравшихся в 1986 году, по-прежнему воспевалась сплоченность советских народов.

В этих противоречиях, неочевидных на первый взгляд, угадывается состояние автора, который, еще не расставшись с прошлым, уже предвидел грядущее. Так, обращаясь к советской тематике, он интерпретировал ее подчеркнуто философски, акцентируя нравственное начало, уже не связанное с идеологией, оказавшейся ни при чем, то есть интерпретировал непривычно, по-новому. Вопреки яро нараставшему сепаратизму, вскоре приведшему к распаду СССР, Гелий Михайлович отстаивал интернациональную дружбу, словно предчувствуя, что она, прививаясь семьдесят лет, будет попорана почти в одночасье, – отстаивал убежденно, как непреходящую ценность, противостоя современным веяниям. Это было ответом на вызов времени – ответом художника-гуманиста, который, поверяя социальными катаклизмами сложившееся воззрение, остался верен себе самому, человеколюбцу.

Не совпадая с эпохой – ни с уходящей, ни с наступающей, картина «К своим» оказалась неактуальной и поэтому невостребованной (нигде не экспонировалась [7]). Неудивительно, что при всей значительности она уступает в известности многим другим произведениям мастера, прочно вошедшим в историю отечественного искусства.

Вместе с тем в творчестве Гелия Михайловича эта картина, бесспорно, принадлежит к первому ряду и по-своему уникальна: созданная на изломе истории и судьбы, она делит его творчество на два этапа – советский и постсоветский. Это последнее произведение, посвященное Гражданской войне как источнику высоких духовных образов, – произведение, исполненное в духе «сурового стиля», с гражданским звучанием и реалистической прямотой. Думается, оно писалось художником в память о прошлом, которому, уходящему навсегда, он мужественно отдавал посильную дань, с которым прощался – под давлением новой эпохи, глубоко изменившей (или сломавшей?) его самого, потерявшего веру в будущее. Последующие произведения Коржева, составив-

шие позднее творчество, были уже иными – чаще иносказательными, с плотным повествованием и усложненной символикой, полными трагической безысходности и непросветленных страданий.

То, что картина «К своим» Г.М. Коржева оказалась в собрании Кемеровского областного музея изобразительных искусств [8] – сравнительно молодого, находящегося в индустриальном Кузбассе, поистине удивительно, даже невероятно. Это уникальная страница музейной истории, поэтому о ней следует рассказать подробно, тем более что она непосредственно связана с самим Гелием Михайловичем, ушедшим из жизни совсем недавно, в 2012 году. Есть повод вспомнить о мастере, без которого современное отечественное искусство представить немислимо.

История началась с внезапного озарения, которое, честно признаться, могло снизойти на меня много раньше, а не тогда, в декабре 2005 года, когда мастеру минуло восемьдесят. Подумать только, занимаясь собиранием коллекции без малого двадцать лет, я вдруг с пронзительной ясностью осознала простые истины: что Гелий Михайлович Коржев – живой классик, что поколение шестидесятников, к которому он принадлежит, уходит из жизни, что не иметь его произведений в музейном собрании, представляющем отечественное искусство XX-XXI веков, – профессиональное упущение. Незамедлительно был скорректирован план текущего комплектования музейной коллекции, и фамилия Коржева, вписанная в него, значилась первой.

Помнится, тут же, набравшись смелости, я позвонила Гелию Михайловичу в надежде напроситься к нему в мастерскую и приобрести для музея одну или две из его работ. Представившись, прямо изложила свое желание, обескуражив мэтра, судя по интонации его голоса и длительным паузам. Однако, узнав, что звоню из Кемерова, он твердо сказал: «Приезжайте».

Опасаясь упустить данный мне шанс, мешкать не стала – приехала тотчас. Был январь 2006 года, в Москве стояла лютая стужа: неподвижный и плотный холодный воздух, безлюдные улицы, остановившийся транспорт – словом, жизнь замерла. Впоследствии оказалось, что морозы сыграли в пользу музейного дела – как испытание, которое мне зачлось: оценив одержимость музейщика, Гелий Михайлович проникся не только нашей внезапной встречей, в общем, не сулившей ему особого интереса, но

и поводом, настолько дерзким, что, казалось, не рассчитанным на успех, тем более абсолютный. Однако своим участием мастер оправдал самые смелые мои надежды.

Мастерская Гелия Михайловича находилась в знаменитом Доме на Масловке, где художник также и жил, в том же подъезде. Ему шел девятый десяток, и я приготовилась было увидеть старца, а увидела мужа – статного и крепкого, еще полного физических сил, даже величественного. Сразу подумалось, что его, наделенного столь выразительной внешностью, только ваять.

Потом узнала, что это были последние годы здоровья Гелия Михайловича. Об этом мне рассказал его ученик, художник Виктор Калинин, который, имея мастерскую в том же Доме на Масловке, стал свидетелем угасания великого мастера. Слушая печальный рассказ, я вспоминала тот мой визит к нему – возникший непреднамеренно, вдруг, и думала о своем: мне повезло, что вовремя все успела – и познакомиться с классиком, и получить для музейной коллекции одну из лучших его работ, а еще о том, что случайностей не бывает.

Но эти мысли пришли потом. А тогда, в январе 2006 года, мы вошли с Коржевым в его мастерскую, скромную и вместительную, где царили суровый быт и абсолютный порядок: каждая вещь – на своем месте. У дальней от входа стены, один за другим, стояли огромные полотна, подпиравшие высокий потолок, – это были завершённые вещи, уже предназначенные конкретным музеям, как позже пояснил сам автор. Ближе, на стеллажах, каждая в своей ячейке, аккуратно размещались работы средних размеров – подготовительный материал к тематическим картинам и натюрморты. Еще ближе, на мольберте, стоял недописанный холст, предусмотрительно прикрытый тканью – от посторонних глаз.

Встреча с мэтром, похожая на чудесный сон, началась, однако, не очень радушно, как мне показалось. Прежде всего Гелий Михайлович предупредил о лимите времени, которого у нас с ним часа полтора, не больше. Это слегка омрачило мое душевное ликование, но ненадолго: вопреки намеченному регламенту наша встреча затянулась примерно на пять часов, допоздна. Помнится, из мастерской до метро «Динамо» через Петровский парк я бежала, не останавливаясь, едва успевая на последнюю электричку.

Первое, о чем спросил Гелий Михайлович: произведения каких мастеров его поколения представлены в нашей коллекции.

Лучшего вопроса и желать было нельзя, поскольку он касался наших общих знакомых: Николая Андропова, Павла Никонова, Вик-тора Иванова, Дмитрия Жилинского – в их мастерских, по роду службы, я бывала не раз. Воспоминания об этих художниках, живые и яркие, по-настоящему сблизили нас с Гелием Михайловичем и сделали общение теплым, доверительным, даже откровенным.

Так, на исходе четвертого часа, что длилось наше общение, Коржев неожиданно откинул ткань, прикрывавшую холст на мольберте (как знак расположения ко мне, смею надеяться), и спросил мое мнение о написанном. Я не нашлась, что ответить сразу, а точнее, не посмела признаться мастеру в том, что данная картина с моей точки зрения уступает его классическим произведениям – во всем, даже в исполнительском мастерстве. К счастью, не дожидаясь ответа, художник продолжал говорить сам, причем возбужденно, словно высказываясь о наболевшем: «Пишу и понимаю, что силы уходят и прошлого не вернуть. Вижу недостатки этой работы и даже знаю, как их исправить, а сделать этого не могу. Возраст!»

Однако, как бы ни увлекала беседа с мэтром, я непрестанно думала о самом главном – о той картине, которую должна привезти в музей. Постепенно, усиливая тревожное беспокойство, эта мысль, вытесняя другие, становилась назойливой: время шло, а Гелий Михайлович словно забыл об истинной цели моего посещения; я же не смела заговорить о ней первой. Кроме того, в нашем разговоре он откровенно признался, что музеем принципиально продает только завершённые вещи, которые пишет нечестно, и если продает, то, разумеется, по предварительной договоренности, и что в последние годы сотрудничает не с отечественными музеями, а исключительно с американским коллекционером из Миннеаполиса. Иными словами, свободных вещей у него не бывает. Урок!

Когда же я окончательно пала духом, Гелий Михайлович, словно почувствовав это, вернул мне надежду. Оказывается, еще до нашей с ним встречи у него созрело решение, которое он изложил мне в последнюю очередь, незадолго до нашего расставания. Сообщил, что в запасниках Министерства культуры Российской Федерации находится созданная им картина «К своим» (1978-1986), что из всех его работ, приобретенных МК РСФСР, в запас-

никах она осталась одна и что именно ее он предлагает для коллекции нашего музея.

Пояснил, что прежде всего следует написать письмо на имя начальника Управления культурного наследия, художественного образования и науки Федерального агентства по культуре и кинематографии А.С. Колупаевой с просьбой передать эту картину Кемеровскому областному музею изобразительных искусств, и при этом обязательно сослаться на его согласие – личное, авторское. Договорились, если возникнут трудности, то я обязательно позволю ему, и он постарается мне помочь. Так и случилось.

Переписка, начавшаяся между Кемеровским областным музеем изобразительных искусств и Федеральным агентством по культуре и кинематографии, затянулась на долгих полгода, причем в одностороннем порядке. От нас уходило письмо за письмом: сначала за подписью директора КОМИИ, потом – начальника департамента культуры и национальной политики Кемеровской области; сначала на имя А.С. Колупаевой, затем – первого заместителя генерального директора ФГУК ГМВЦ «РОСИЗО» А.Н. Сысоенко, потом – самого руководителя Федерального агентства по культуре и кинематографии М.Е. Швыдкого. Ответом было молчание.

Вот тогда, памятуя о договоренности с Гелием Михайловичем, я позвонила ему, и... проблема решилась сразу: по приказу Федерального агентства по культуре и кинематографии №277 от 22.06.2006 г. картина Г.М. Коржева «К своим» была передана собранию Кемеровского областного музея изобразительных искусств. Еще через полгода, в декабре 2007 года, ее доставили из Москвы в Кемерово.

Примечания

1. «К своим» (1978-1986) Г.М. Коржева. Холст, масло. 250x200 (Ж-1495. КП-5468). Протокол ФЗК КОМИИ №3-2007 от 09.06.2007. Акт ПХ №2-2007 от 09.03.2007. Поступление из ФГУК «Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО»» (Ж-21271). Приказ №277 Федерального агентства по культуре и кинематографии Российской Федерации от 22.06.2006.

2. Гелий Михайлович Коржев (Чувелев) (07.07.1925 г., Москва – 27.08.2012 г., Москва) – действительный член Академии художеств СССР (1970), народный художник СССР (1979); учился в средней московской художественной школе (1939-1944),

Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова (1944-1950) у С.В. Герасимова и В.В. Почиталова; председатель правления Союза художников РСФСР (1968-1975), руководитель творческой мастерской живописи Академии художеств СССР (1968-1976).

3. «В картине “К своим” (1988-1990) простой сюжет, вплотную сближенный с фронтовой повседневностью Гражданской войны, выявляет содержание большого внутреннего масштаба. В нем дальнейшее развитие получает идея, заложенная в образном строе правой части триптиха “Коммунисты” с названием “Интернационал”. В обоих случаях действие происходит на земле Туркестана в годы борьбы с басмачеством. Возможно, перед нами участники того жестокого боя, один из которых, русский, поддерживает раненого узбека. Изображенные со спины, они уходят от нас вглубь вечных песков к своим. Образное состояние героев указывает на живой источник подлинного единства народов огромной страны. Он, по мысли автора, заключен в совместных шагах и действиях людей, воодушевленных высоким идеалом, верящих в реальную справедливость, отдающих все силы для ее практического водворения в центр земного повседневного существования» [Сысоев В.П. Общественная драма Гелия Коржева. – URL: <http://www.artist-mag.ru/index.php/2009-02-19-16-25-25/35-1-2006/259-2012-11-23-10-36-48>].

4. «Ранний – героический – “суровый стиль” принципиально противопоставлен созданному сталинским искусством миру счастливой беззаботности, силы и красоты как системе осознанной и целенаправленной лжи. Поэтому первым возникает именно культ “суровой”, то есть лишенной всяких иллюзий, бескомпромиссной и беспощадной правды о человеке, истории и даже природе. Никаких чудес – только работа» [Бобриков А.А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция. – URL: <http://www.xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo>].

5. В творческом наследии Г.М. Коржева, хранящемся у его родственников, немало эскизов, созданных к картине «К своим». Некоторые из них демонстрируют принципиально иное, нежели в картине, композиционное решение: на дальнем плане виден край песчаной пустыни, за которым открывается в разных вариантах то море, то небо, намеченные ярким пятном (то синим, то белым), явно выделяющимся из общего колорита – подчеркнуто сдержанного, приглушенного, словно выцветшего. В тех эскизах есть

перспектива – в прямом и переносном смысле этого слова, перспектива жизни. Однако в самой картине, исключая линию горизонта, автор не оставляет героям этого выхода (*здесь и далее примечания автора – М.Ч.*).

6. Тем не менее, ошибаются. Некоторые столичные искусствоведы, например, В.П. Сысоев, датируют картину «К своим» 1988-1990 гг. Между тем на лицевой стороне картины, слева вверху есть авторская подпись: *Коржев 1978-86 гг.*; на обратной стороне: *Г.М Коржев 1978-86 «К своим» 250x200 х., м.*

7. Так утверждает внук художника Иван Владимирович Коржев (1973 г.р.) – скульптор, архитектор, заслуженный художник Российской Федерации.

8. Кемеровский областной музей изобразительных искусств (первоначально – картинная галерея) был открыт в 1969 году. Открыт в буквальном смысле голыми стенами, то есть комплектование художественной коллекции начиналось с «нуля». Сегодня она насчитывает более шести тысяч произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства XX-XXI веков.

М.В. Воронова, В.Э. Первак; Россия, Санкт-Петербург

**Историко-мемориальная выставка
в этнографическом музее
как результат междисциплинарных исследований
(по материалам выставки «Он построил наш Дом»
к 150-летию архитектора Высочайшего двора
В.Ф. Свиньина)**

В статье рассказывается об опыте создания историко-мемориальной выставки в стенах Этнографического музея на основе междисциплинарных исследований, проведенных специалистами разного профиля, на примере выставки «Он построил наш Дом» (к 150-летию архитектора Высочайшего двора В.Ф. Свиньина), которая состоялась в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге; анализируются итоги экспонирования.

Ключевые слова: выставка, архитектор, В.Ф. Свиньин, Российский этнографический музей.

V. Pervak, M. Voronava; Russia, St. Petersburg

**Historic-memorial exhibition in the Ethnographic Museum –
as the result of interdisciplinary research
(on the materials of the exhibition «He built our House»
devoted to the 150th anniversary of the architect
of the Imperial Court V. Svinynin)**

The article tells about the experience of creating a historic-memorial exhibition in the Ethnographic Museum on the basis of interdisciplinary studies conducted by specialists in various fields and on the example of the exhibition «He Built Our House» (devoted to the 150th anniversary of V. Svinynin, the architect of the Imperial Court). The exhibition took place in the Russian Ethnographic Museum in St. Petersburg and the results of this exposition are analyzed in the article.

Key words: exhibition, architect, V. Svinynin, the Russian Museum of Ethnography

В программу мероприятий конференции «В их именах величие России» в Елабуге включена выставка, посвященная жизни и

творчеству архитектора Василия Федоровича Свиньина. Это выставочный проект Российского этнографического музея, расположенного в центре Санкт-Петербурга в здании, построенном В.Ф. Свиньиным. Для нашего музея создание историко-мемориальной выставки было первым, необычным и вместе с тем интересным опытом.

Российский этнографический музей (РЭМ) – один из крупнейших музеев этого типа в мире. Сегодня его собрание, насчитывающее около 700 тыс. единиц хранения, включает этнографические предметы, архивные материалы, документальные фотографии и книги, отражающие особенности традиционной культуры более чем 150 народов, населяющих территорию России. В залах музея развернуто 11 постоянных экспозиций, в которых представлено почти 10 тыс. экспонатов, что составляет менее 2% от общего количества музейных предметов. Развитие экспозиционной деятельности музея сдерживается недостатком площадей, однако это обстоятельство компенсируется интенсивной выставочной деятельностью. Временные выставки дают возможность дополнить и расширить тематику постоянных экспозиций. Так, в 2016 г. коллектив музея организовал 34 временных выставки, на которых демонстрировались 6700 экспонатов. Специалисты музея используют возможности временных выставок не только как способ показа коллекций широкой публике, но и как площадку для реализации новых экспозиционных подходов. В связи с этим выставка «Он построил наш Дом», открытая в марте 2015 г. к 150-летию со дня рождения архитектора В.Ф. Свиньина, стала проектом, отличающимся от всех предыдущих характером представленного материала и дизайнерским решением.

РЭМ – непосредственный преемник Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. Датой его создания принято считать 10 (23) января 1902 г., когда было утверждено его штатное расписание и начато финансирование. Здание музея было построено по проекту и при непосредственном участии архитектора Василия Федоровича Свиньина. В настоящее время оно является общепризнанным архитектурным шедевром, образцом неоклассицизма, а также одной из доминант площади Искусств в самом сердце Санкт-Петербурга. Однако в начале XX в. строительство здания сопровождалось серией скандалов и сыграло драматическую роль в судьбе архитектора, замысел которого не был реализован полностью: комплекс зданий для музея остал-

ся недостроенным и до настоящего времени это является фактором, сдерживающим функционирование и развитие учреждения. Именно поэтому сегодня проект, созданный Свинымым в конце XIX – начале XX вв., служит основой для творческих идей реорганизации территории Российского этнографического музея.

Выставка, посвященная жизни и творчеству архитектора императорского двора, явилась результатом междисциплинарных исследований специалистов музея. Несколько сотрудников проводили исследовательскую работу, направленную на решение различных научных и практических задач: изучение истории учреждения, конструктивных особенностей здания и его инженерных систем, биографии архитектора, а также подготовку к оформлению охранного статуса здания как объекта культурного наследия федерального значения. Только на заключительном этапе работ стало очевидным, что собранные материалы могут быть положены в основу выставки, приуроченной к юбилею со дня рождения архитектора. Эта идея вызвала дискуссию в коллективе, так как предложенный авторами [1] выставочный проект не вписывался в традиционную экспозиционно-выставочную тематику музея и не соответствовал его этнографическому профилю. Некоторые сотрудники считали, что подобная выставка не будет интересна посетителям, и настаивали на том, что посетители приходят в этнографический музей исключительно с целью ознакомления с материалами, отражающими культуру и быт народов России. Однако авторам удалось отстоять идею создания исторической выставки в стенах этнографического музея.

При создании выставки использовались исторические документы, фотографии, графические материалы, эскизы, хранящиеся в архивах РЭМ и семьи архитектора, Русского музея, большинство из которых ранее не экспонировалось и не публиковалось. Выставка проходила в марте-апреле 2015 г., экспозиционной площадкой стал Аванзал главного корпуса музея.

Материалы были представлены в семи тематических разделах: «В.Ф. Свиный. Личность, творчество, судьба», «Реконструкция В.Ф. Свинымым Михайловского дворца», «Строительство этнографического отдела Русского музея императора Александра III», «Памятный зал: история проектирования и строительства», «Инженерные системы в музее в начале XX века», «Все те же планы, все те же надежды» (планы застройки территории), «Современные проекты завершения здания Российского этнографического

музея». Кроме того, в мультимедийный контент выставки вошли фильм об архитекторе и списки жильцов флигелей Михайловского дворца и служебного корпуса музея, проживавших там в разные годы (в электронном виде).

Реализация проекта дала интересные результаты. Выставка вызвала живой интерес у посетителей музея и, в частности, у представителей различных профессиональных сообществ. По общему мнению, это первая выставка, представившая широкой публике наиболее полные материалы о жизни и творчестве В.Ф. Свинына, малоизвестного архитектора, имя которого было незаслуженно забыто и практически не упоминалось в истории архитектуры. Вот несколько цитат из книги отзывов:

«Огромная благодарность создателям выставки за то, что они и мы через эту выставку отдаем дань уважения и памяти выдающемуся таланту нашей земли русской – архитектору В.Ф. Свиныну».

Ольга Клавдиевна; 7.04.2015, СПб.

«Спасибо за интересную выставку об истории создания и жизни одного из интересных зданий Петербурга. Надеюсь, что этот пример подтолкнет и другие учреждения, занимающие исторические здания, обратить внимание свое и горожан на свои дома».

А. Масацурия; 14.04.2015

Выставку посетили наши коллеги из Эрмитажа, Государственного музея-заповедника «Царское село», Государственного Русского музея, сотрудники Российского института истории искусств, специалисты заводских музеев, ныне закрытых, но сохранивших свои архивы и коллекции [2], сотрудники других учреждений культуры. Побывали здесь представители Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры, Северо-Западного территориального управления Министерства культуры Российской Федерации, Северо-Западной дирекции по реставрации Минкультуры РФ, сотрудники информационно-аналитического журнала «Вестник. Зодчий. XXI век».

Материалы выставки помогли ускорить процесс регистрации зданий музея как объектов культурного наследия и развить тему

о расширении описания объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга» и привлечь внимание других учреждений культуры к этому вопросу. На выставке были представлены и проекты-победители известных архитектурных мастерских Санкт-Петербурга, принимавших участие в смотрах-конкурсах по завершению архитектурного ансамбля Этнографического музея, это привлекло дополнительное внимание и вызвало интерес у представителей Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга и Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга, а также архитекторов и историков архитектуры. Особенно ценным оказалось то, что выставкой заинтересовались на родине архитектора, в с. Большая Кибья (бывшем с. Троицкое) под Елабугой, где он родился, и в с. Данилово, где он был крещен.

Помимо положительных отзывов о тематике выставки посетители и коллеги отмечали органичность размещения экспозиции в Аванзале музея и перспективность его использования для этих целей; многократно высказывалось и пожелание устраивать в музее аналогичные выставки, посвященные другим архитекторам, о которых петербуржцам хотелось бы узнать больше. Еще одним результатом выставки стало то, что авторский коллектив подготовил 7 статей для специального выпуска журнала «Музей. Традиции. Этничность», посвященного 150-летию юбилею архитектора В.Ф. Свиньина, а в архиве музея начали формировать фонд документов об истории строительства здания музея.

Итоги реализации проекта позволяют утверждать, что расширение тематического спектра временных выставок привлекает в музей посетителей и отвечает меняющейся социокультурной ситуации в обществе, дает импульс к развитию новых направлений в исследовательской работе.

Примечания

1. Авторы идеи и кураторы выставки: М.В. Воронова, В.Э. Первак, Г.Н. Романова.

2. В музеи заводов «Красный выборжец», «Невский машиностроительный», «Металлический» авторы выставки обращались с целью выяснить судьбу памятника Александру III. Возможно, он был расплавлен на заводе «Красный выборжец», где бронзолитейной мастерской в 1920-е гг. руководил автор мону-

мента – скульптор М. Харламов, создавший в это же время два памятника В.И. Ленину, которые, в отличие от памятника царю, сохранились и стоят на Арсенальной набережной и на проспекте Обуховской обороны. Закрытые в постсоветский период музеи заводов «Красный выборжец» и «Невский машиностроительный» ощутили востребованность сохраненных ими материалов по истории своих предприятий.

Духовные традиции в воспитании детей в семьях уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX вв.

В статье на материалах Вятской губернии исследуются основы духовного воспитания купеческих детей в XIX – начале XX вв. На их духовное развитие влияли традиции семейного быта, патриархальные взгляды и религиозные обычаи российской провинции. Основными характеристиками нравственного идеала купечества были глубокая религиозность, стремление к преобладанию духовно-нравственных интересов над материальными, что стало одной из причин развитой благотворительности.

Ключевые слова: купечество, Вятская губерния, религиозно-нравственное воспитание, духовное развитие.

I. Maslova, Russia, Yelabuga

Spiritual traditions in the education of children in the families of the district merchants of Vyatka province in the XIX – early XX centuries

In the article, the foundations of the spiritual education of merchant children in the XIX – early XX centuries are studied on the materials of Vyatka province. Their spiritual development was influenced by the traditions of family life, patriarchal views and religious customs of the Russian province. The main characteristics of the moral ideal of the merchant class were deep religiosity, their striving for the predominance of spiritual and moral interests over material interests, which became one of the reasons for the developed charity.

Key words: merchant class, Vyatka province, the religious and moral education, spiritual development

Проблема духовности в воспитании подрастающего поколения в Российской империи являлась центральной идеей, можно сказать, сущностной основой отечественного образования XIX столетия. Буржуазные реформы 1860-х гг., повлекшие за собой серьезную модернизацию в различных сферах общества, в том числе

педагогической мысли, как это ни парадоксально, не коснулись главной цели педагогики: воспитания человека-христианина.

В первой половине XIX столетия в России происходило почти полное отождествление понятий духовного и религиозно-нравственного воспитания. Во второй половине XIX в. в среде прогрессивной педагогической общественности в интерпретации нравственного идеала человека звучали идеи необходимости учитывать природные и духовные способности личности, но при безусловном сохранении в главной цели: воспитания человека-христианина. Основными характеристиками нравственного идеала россиянина была глубокая религиозность, преобладание духовно-нравственных интересов над материальными.

В первой половине XIX в. в российской провинции почти безраздельно господствовало домашнее образование и воспитание детей, в котором на первом месте стояла идея религиозной морали. Это объяснялось с одной стороны патриархальными традициями семейного воспитания, а с другой тем фактом, что правительство не жалело сил на религиозное образование подрастающего поколения.

Особенной религиозностью отличалось воспитание детей именно в купеческих семьях. Для купцов – людей, у которых жизнь была постоянно связана с предпринимательским риском и напряжением во взаимоотношениях с властями, – Господь был главным защитником и утешителем. Лучших представителей купечества отличало искреннее и глубокое благочестие, горячая вера и стремление жить в соответствии с божественными установлениями.

Дети и подростки наряду со взрослыми должны были принимать участие в приходской жизни. Обязательным элементом воспитания являлось посещение церкви: каждое воскресенье семья в полном составе ходила в храм к заутрене или к обедне. В церкви богатые купцы стояли впереди, при этом сначала женщины и дети, а за ними мужчины. Татьяна Карсон (в девичестве Стахеева) вспоминала, что семья ее бабушки по материнской линии (Татьяны Семеновны Докучаевой, в девичестве Аржановой), жившая в Самаре, придерживалась строгих религиозных правил: «Бабушка Таня, когда была маленькой девочкой, должна был в течение двух часов стоять во время службы в церкви и выполнять многочисленные коленопреклонения» [1, с. 18]. У богатого купечества и именитых горожан были в церкви постоянные места, куда их с

почтением приводили служители. Священник сам давал этим людям просфоры, в то время как остальные прихожане покупали их на прилавке у дверей. Детям такое внимание особенно нравилось, оно придавало им значительности.

Купеческие дети вместе с родителями принимали участие и в крестных ходах. У Стахеевых на даче «Святой Ключ» была церковь, построенная Ольгой Адриановной Стахеевой (супругой Ивана Григорьевича). Ежегодно в июле, в день иконы-покровительницы местной церкви – Казанской Божией Матери – устраивался крестный ход: «К этому дню икону Казанской Девы Марии, накрытую балдахином и украшенную цветами, в сопровождении духовенства и монахинь привозили на барже из Елабуги... Икону встречало наше духовенство, начиналось шествие. Все домочадцы встречали процессии у ворот и низко кланялись иконе...» [1, с. 37]. Проявлением религиозного благочестия были также паломничества к святым местам, к чему приобщали и старших детей в семье. Например, в паломничестве в Саровский монастырь вместе с Верой Ивановной Стахеевой принимала участие и ее старшая дочь Вера.

Еще одной формой участия детей и подростков в религиозной жизни было пение в церковном хоре. В уездных городах Вятской губернии церковные хоры нередко состояли из воспитанников гимназий, училищ, детских приютов. Причем такое пение было средством приобщения детей не только к церковной службе, но и к музыкальной культуре.

Родители в купеческих семьях являли собой пример благочестия для своих отпрысков. Своеобразным индикатором духовного воспитания купечества служила практика приема причта в дни важнейших религиозных торжеств. Так, желая ознаменовать сорокалетнюю годовщину священника городской Никольской церкви, елабужское купечество по инициативе Глафиры Фёдоровны Стахеевой объявило о начале благотворительной подписки в пользу названного события. На собранные средства был приобретен и преподнесен в дар священнику золотой наперсный крест, украшенный рубинами и бриллиантами. В честь юбиляра также был устроен торжественный обед в доме В.Г. Стахеева.

Часто купцы брали на себя обязанности восприемников (крестных) детей из родственных семей. В этом случае крестный принимал ответственность перед Богом за духовное воспитание и благочестие крестника (крестницы). У некоторых представителей

торгового сословия число крестников могло достигать более десятка человек [2, с. 123].

Вообще приобщение к вере начиналось в купеческих семьях с раннего детства. Основную роль при этом играла сама среда, в которой жили дети, и полученные ими впечатления. Основная задача родителей и домашних учителей была упорядочить все эти элементы духовно-религиозного воспитания и выстроить их в целостную систему. Дети рано, задолго до того, как научались осознавать содержание основных молитв, заучивали «Отче наш» и «Богородицу».

К почитанию икон купеческих детей также приучали с малолетства. В каждой жилой комнате дома обязательно была икона, часто с неугасающей лампадой. Старшему из детей обычно поручали присматривать за поддержанием огня в ней. В детской часто вешали икону «Семь спящих отроков», у которой вечером под присмотром матери или няни просили спокойного сна. «В нашей огромной детской комнате в углу по вечерам горел маленький светильник (лампада) напротив икон. Мы с Верой спали в наших детских кроватях, а няня Афанасия читала молитвы», – вспоминает Татьяна Карсон [1, с. 19].

Когда наступала пора обедать за общим столом, купеческие дети приобщались и к традиции застольных молитв, совершая их наравне со взрослыми. Таковую молитву читал вслух глава семьи, он же строго следил, чтобы дети молились серьезно, а не переминались с ноги на ногу, ожидая времени, когда им, наконец, разрешат обедать.

Постоянные посещения церкви, обилие икон в доме, частые молитвы глубоко проникали в детское сознание – об этом свидетельствуют игры, в которых часто присутствовали сюжеты и персонажи из Священной истории. Купеческие ребяташки любили, а главное умели играть в церковь. В воспоминаниях Е.А. Андреевой-Бальмонт, происходившей из купеческой семьи, описана типичная игра: «Мы устраивали алтарь за стульями, покрытыми пледом... Миша, брат, всегда изображал архиерея... Мы хорошо знали архиерейскую службу... Алеша (другой брат) был священником и стоял за престолом, я – дьяком, произносила ектенью басом, входила в алтарь и выходила, одергивая занавес» [3, с. 43-44].

Из воспоминаний Ивана Васильевича Шишкина мы узнаем, что он отдан был на обучение дьякону Покровской церкви Ивану

Яковлевичу, который обучал около 30 детей. Процесс включал в основном чтение и заучивание религиозных текстов, ребятам эти занятия не нравились, и они шалили, устраивали игры прямо во время уроков. Увидев, что толку от такого учения мало, родители отдали Ивана на попечение деда Афанасия Ивановича Зотикова, который занимал некогда должность повытчика (делопроизводителя) духовного правления и поэтому был человеком грамотным. У него Иван научился письму.

Чтобы привить сыну интерес к наукам, родители покупали ему книги и географические карты. Среди книг преобладали жития святых, судьбы которых должны были наставлять купеческую молодежь на выбор праведного жизненного пути. Следует отметить, что старания деда и родителей были не напрасными и Иван с удовольствием читал книги: «К тому же дед Зотиков подарил мне старинную книжку даже без корочек и без названия, но я впоследствии узнал, что эта книга имела название “Наука быть счастливым”, которая мне прилась, что называется, по сердцу. В ней очень много нравственного и патриотического. Я ее несколько раз читал, много из нее выписывал и могу сказать, что я из нее много хорошего занял, и всю жизнь свою был за этот подарок моему деду благодарен» [4, с. 10].

Религиозно-нравственное воспитание имело целью внушить детям уважение к родителям, братьям и сестрам. Обращения детей к родителям были подчеркнута уважительные (на «вы») и добрые: «маменька», «тятенька». К примеру, на обратной стороне фотографии, подаренной отцом Г.И. Стахеевым своему сыну, не по-мужски трогательная надпись: «Милому сыну Борису» [5]. В связи с тем, что братья и сестры в купеческих семьях росли и воспитывались вместе, получая начальное образование дома от приглашенных учителей, между ними устанавливались теплые и дружеские взаимоотношения, которые они пронесли через всю жизнь. Заботой и добротой пронизаны строки писем брата и сестер Шишкиных: «Любезный братец!», «Катенька, маленькая, Катенька!» [6, с. 8, 41].

Дети должны были добросовестно выполнять все данные им родителями поручения. Покорность старшим освящалась выработанной веками традицией сыновней почтительности, стойкостью патриархальных отношений. Кроме того, в купеческих семьях дети не шли вопреки воле родителей, опасаясь впасть в немилость и потерять свою долю наследства или приданого.

В процессе воспитания детей, торговые люди, как впрочем, и другие слои горожан и крестьян, нередко прибегали к запретам и наказаниям. Владимир Петрович Гирбасов, гостивший в 1913 г. у деда, елабужского купца 1-й гильдии Гавриила Федоровича, вспоминает: «За обедом полагалось сидеть чинно и спокойно. А если начиналось глухое хихиканье, то можно было получить тычка перстами по голове от дедушки, а то и вылететь из-за стола» [7, с. 145]. Александра Владимировна Стахеева часто вспоминала, что за плохое поведение детям грозило получение от родителей «березовой каши», т.е. порка березовым прутом. Иван Васильевич Шишкин в своих воспоминаниях писал, что за недобросовестное изучение молитв его «порядочно бранили». «А если бы другого, то должны бить розгами; а я был внук Афанасия Ивановича Зотикова, а учитель был деду знаком... и поэтому было для меня снисхождение» [4, с. 9].

Воспитанные в традициях глубокой религиозности, купеческие дети, встав на дорогу предпринимательства, становились крупными благотворителями в пользу церквей, монастырей и отдельных представителей духовенства. Четко усвоенные с детства правила поведения в храме, при проведении крестного хода, во время молитв, являли собой своеобразные нормы этикета. Духовно-нравственная установка почитания старших и уважительного отношения к родителям трансформировалась в традицию уважительного отношения к властям и партнерам по бизнесу. Приобщение к религиозной литературе, церковному пению, иконописи, имело важное значение для культурного роста представителей третьего сословия.

Наконец, религиозно-нравственное воспитание выводило на более высокую идею служения общественному благу, в первую очередь благу Отечества. Отсюда вытекала традиционная характеристика русского менталитета: глубокое уважение к государственной власти, идея служения Отчеству.

Примечания

1. Карсон Т. Воспоминания о русской семье. – Краснодар, 2009. – С. 18.

2. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность православного оренбургского купечества по материалам метрических книг Покровской церкви г. Оренбурга (1870-1884 гг.) / Вест-

ник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2016, №1. – С. 117-127.

3. Андреева-Бальмонт Е.А.. Воспоминания / Цит. по Бокова В. Честное слово дороже денег. – М.: Ломоносов, 2013. – С. 43-44.

4. Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году. – Елабуга, 2007. – С. 10.

5. См. ил. в кн.: Валеев Н.М., Валеева Н.Г. Елабуга – Харбин – Сидней. – Казань: Идель-Пресс, 2007.

6. Трехсотлетнее древо рода Шишкиных / Сост. Н.И. Курылева. – Елабуга. 2007.

7. Маслова И.В. Традиции семейного быта уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX вв. / Наука и школа. – 2010, №6. – С. 143-145.

Новые сведения в родословии Шишкиных

Доклад посвящен работе над генеалогическим древом одной из известнейших елабужских династий и новым находкам, сделанным сотрудниками Дома-музея великого художника.

Ключевые слова: Шишкины, родословие, купцы, художники.

N. Kuryleva, Russia, Yelabuga

New data in genealogy of the Shishkins

The report is devoted to the new findings made by the workers of the House-Museum of the great artist and their work on the genealogical tree of one of the most famous dynasties in Yelabuga.

Key words: the Shishkins, genealogy, merchants, artists.

Одно из направлений деятельности Дома-музея И.И. Шишкина – изучение родословия Шишкиных, династию которых прославил выдающийся художник-пейзажист Иван Иванович Шишкин (1832-1898).. Благодаря целенаправленной работе сотрудников музея в архивах, с потомками рода Шишкиных и краеведами за последние 20 лет было воссоздано большое ветвистое древо. Ныне оно насчитывает 506 имен, включает 12 предков художника и 57 его прямых потомков, состоит из 15 поколений, содержит 118 имен современных представителей рода, 32 из которых – прямые потомки И.И. Шишкина. История династии прослежена на протяжении 350 лет, определено, что первые ее представители упоминаются в переписной книге села Трехсвятского (что «Елабуга тож» [1]) за 1646 год.

Я выражаю слова огромной благодарности всем, кто принимает участие в этом деле, и в первую очередь – потомкам. Они воссоздали целые ветки на древе, помогли в поиске новых направлений. В 2008 году проект «Исследование родословия великого русского живописца Ивана Ивановича Шишкина» получил грант, который подписал Президент России Д.А. Медведев. «Благодаря имени великого художника впервые в истории России родословное исследование было поддержано в рамках государственной политики в области литературы и искусства», – отметил почет-

ный член Уральского историко-родословного общества В.А. Могильников. Он предоставил материалы документов РГАДА, которые позволили углубить род на два поколения и расширить сведения по ранней истории Шишкиных [1]. В 2007 году Государственная Третьяковская галерея, отмечая 175-летний юбилей Ивана Ивановича, включила в свой проект его родословие. Благодаря помощи доктора исторических наук А.И. Аксенова и сотрудничеству с коллегами из Третьяковской галереи была отредактирована книга «Трехсотлетнее древо рода Шишкиных». Отметим, все проекты по родословию получили свое развитие при поддержке и активной помощи генерального директора Елабужского государственного музея-заповедника Г.Р. Руденко и директора Дома-музея И.И. Шишкина Л.Л. Башкировой.

Освоение президентского гранта, а это работа в архивах России и Финляндии, встречи с потомками художника в г. Хельсинки и Белграде в 2009 году, позволило полностью восстановить крону в древе художника по линии его старшей дочери Лидии (у Ивана Ивановича были две дочери – Лидия и Ксения). Богатая крона оказалась у сестер художника – старшей Александры и младших Анны и Ольги.

Однако на данный момент остается много темных пятен. Нет сведений о потомках Ксении Шишкиной, ничего неизвестно о современных представителях ветви старшего брата художника Николая и младшей сестры Екатерины. Поэтому в последнее время по данным направления велась целенаправленная работа в архивах Москвы и Петербурга. Благодаря тесному сотрудничеству с заведующей отделом истории края Национального музея Республики Башкортостан Верой Николаевной Макаровой удалось поработать с документами архивов РБ. Найденные сведения о Николае Ивановиче, Екатерине Ивановне, их семьях и детях представлены в этом докладе.

Николай Иванович Шишкин (27.07.1826-1880). Занимался хлебной торговлей, помогал отцу в коммерческих делах. Сохранилось «Заявление Шишкиных Ивана Васильевича и его сына Николая в Лекаревское (*Лекарево – село в 15 км от Елабуги – авт.*) волостное правление о передаче мельницы, находящейся у них в аренде...» [2], свидетельствующее о том, что отец и старший сын вели дела совместно. Но у Николая были также своя мельница и дом в Набережных Челнах (адрес неизвестен). В Российской национальной библиотеке (РНБ) хранятся письма его сы-

на Ивана к И.И. Шишкину из Елабуги. В одном из них (от 3 сентября 1882 г.) он пишет, что отец умер, а «от отца досталась мельница, и при ней живет мать» [3]. В другом – упоминает дом, который Николай Иванович построил в Челнах, хотя в нем можно было «жить только в маленьких комнатах» [4]. Отметим, село Набережные Челны, находящееся в 20 км от Елабуги, в конце XIX века являлось торговым, здесь в основном занимались заготовкой, транспортировкой и переработкой хлеба.

Николай Иванович умер раньше матери Дарьи Романовны (1801/1802 – не ранее 1887). Известно также, что в родительском доме жила семья сестры художника Анны Ивановны (в замужестве Репиной). В 1882 году Репины выплатили наследникам (двум братьям Анны – Николаю и Ивану) деньги и стали полноправными хозяевами дома [5]. У Николая Шишкина было двое детей – Иван и Александра. Дочь некоторое время жила в семье Репиных. Сын – потом в Мензелинске, куда переехала мать.

Иван Николаевич Шишкин (13.04.1863 – после 1896) окончил в Елабуге реальное училище, увлекался живописью, мечтал поступить в Академию художеств. Особенно молодой человек любил изображать окрестности Елабуги. В письме к И.И. Шишкину от 3 сент. 1882 г. он пишет: «Я очень люблю природу, которую мне подобно Вам всегда хочется перевести на полотно <...> с радостью бы поступил в Академию...» [6]. Он рассказывает дяде, что выполнил с натуры «несколько видов с Чертовой горы во время разлива... рисовал утром из окна» [7]. «Все родные и знакомые находят, что я рисую хорошо» [8], – отмечает юноша. Даже один из представителей рода Ушковых сделал ему заказ: «В настоящее время, – сообщает он Ивану Ивановичу в одном из писем за 1882 год, – я пишу картину Никите Ивановичу Ушкову, который непременно пожелал иметь мою работу...» [9].

Н.И. Ушков – елабужский купец, золотопромышленник. В Елабуге усадьбы его и И.В. Шишкина находились рядом. В 1882 году Иван Николаевич обратился к Ивану Ивановичу с просьбой помочь подготовиться к поступлению в Академию художеств. Тот взял его к себе в 1884 году, о чем свидетельствует автобиография художника, составленная его племянницей А.Т. Комаровой. Она пишет: «Весной 1884 года Шишкин собрался проехать по Волге в имение Ушковых, около Самары, оттуда проехал в Елабугу. Там он увидел племянника Ивана, сына умершего брата Николая, и, узнав, что тот намерился сделаться также художни-

ком-пейзажистом, взял его в Петербург. Но тот, проработав очень хорошо зиму, <...> уехал в Елабугу, где и погиб от чахотки... Иван Иванович очень жалел его, <...> как погибший талант» [10]. И.И. Шишкин по просьбе племянника присылал журнал «Нива», в котором печатались его работы, поддерживал материально.

Екатерина Ивановна Шишкина (1.01.1842 – ?) была моложе Ивана Ивановича на 10 лет. Её муж Т.С. Комаров, по семейному преданию, был служащим. Следует заметить, что другие сестры художника, купеческие дочери Александра, Анна и Ольга, вышли замуж также за купцов. Но позже выяснилось, что и муж Екатерины занимался торговой деятельностью. В одном из документов архива Республики Башкортостан есть такая запись: «На 1.01.1870 года. Комаров Тимофей Степанович – Сарапульский купец 2-й гильдии», его занятие – «Хлеб» [11]. Купцы часто занимались попечительством, и в 70-е годы XIX века Т.С. Комаров был попечителем земской больницы в Сарапуле [12]. Следует заметить, что в это время в Сарапуле жила с семьей другая сестра художника – Ольга Ивановна (1836-1913), которая в 1860 году вышла замуж за местного купца 1-й гильдии Д.Г. Ижболдина.

В рукописном отделе РНБ хранятся письма Екатерины Комаровой. Из них следует, что уже в 1880-е годы Комаровы жили в Уфе. В одном из писем конца 1880-х гг., направленных к брату, Екатерина Ивановна пишет: «...мужа дома нет, он на пристани...» [13]. Известно, что в XIX в. – начале XX в. недалеко от Уфы на берегу реки Белой за вокзалом находились участки земель так называемых «Лесных пристаней». Их В.Н. Макарова характеризует так: «Очень бойкое место. Там было много причалов... Судя по всему, Комаровы жили там же, где был их завод – на Лесной пристани, м/у вокзалом и Вавиловской переправой, прямо у реки». Справочные книги Уфы за 1904, 1908 и 1911 годы [14] содержат сведения о том, что купец Т.С. Комаров владел в этой местности лесной пристанью и лесопильным заводом. В Раскладочной ведомости налогов за 1897 год есть сведения, что кроме завода ему еще принадлежали два деревянных дома [15]. Известно также, что на 1911 год существовало Комаровское общество лесных заводов [16].

Письмо Екатерины Ивановны и документы подтверждают, что в Уфе пристань была местом деятельности ее мужа, а впоследствии и сына Владимира. В одном из писем В.Н. Макарова пишет: «Мне кажется, что Комаровы сотрудничали с Ушковыми. При-

стани были рядом. Ушков – елабужский купец, занимался минеральными ресурсами и лесом». Шишкины состояли в родстве с Ушковыми, и доверенным лицом Петра Капитоновича Ушкова в Уфе был троюродный брат художника Николай Александрович Шишкин, именно он ходатайствовал об арендном содержании ушковской пристани в 1899 году [17]. Шишкины состояли в родстве и со Стахеевыми: в этой же местности, по документам 1899 года, были сданы участки пристаней Стахеевым [18].

У Комаровых было двое детей – Александра и Владимир.

Владимир Тимофеевич Комаров продолжил дело отца, являлся совладельцем лесопильного завода и лесной пристани Комаровского товарищества. В окладных книгах за 1913-1915 гг. имеются сведения о лесных пристанях на берегу реки Белой выше вокзала, где владельцами указаны «Комаров Тимофей Степанович и Н^{кн} ныне Владимир Тимофеевич Комаров (согл. дог. от 30 нояб. 1911 г.)» [19]. На 1918 год существовало еще и Общество Комаровских железно-рудных месторождений и Южно-Уральских горных торгов, также В.Т. Комарову принадлежало 3630 сажень земли, из них 1089 (2 участка) – по контракту [20].

Комаров-младший был гласным Уфимской городской Думы, членом ее строительной комиссии и попечительского совета Александровской богадельни [21]. Помимо этого, он был коллекционером и принимал участие в художественной выставке, которая прошла в Уфе в 1916 году [22]. Возможно, в его собрании находились работы дяди И.И. Шишкина и родной сестры А.Т. Комаровой, уже состоявшейся к тому времени художницы.

Александра Тимофеевна Комарова родилась 17 ноября 1867 года по одним источникам в Уфе [23], а по другим – в Сарапуле [24]. С детства проявила интерес к искусству. Её мать Екатерина Ивановна посылала работы дочери к своему знаменитому брату, советовалась с ним о художественном образовании дочери [25]. С конца 1880-х годов Александра жила в семье художника в Петербурге, была ученицей И.И. Шишкина, его автобиографом; с 1896 по 1898 г. – вольнослушательницей Академии художеств. Получив звание художника по гравюре, впоследствии давала уроки рисования и живописи, участвовала в выставках.

На 10 выставке (1899 г.) ТЮРХ (Товарищество южнорусских художников – профессиональное художественное объединение, Одесса) показала четыре офорта, в т.ч. с пейзажами Ф.А. Васильева и И.И. Шишкина [26]. В начале XX века офорты А.Т. Комаро-

вой экспонировались на выставке НОХ (Новое общество художников) [27], где были также работы К.И. Шишкиной и Г.И. Гуркина, ученика Ивана Ивановича, который в 1905 г. уехал на Алтай.

До кончины Шишкина (1898 г.) Александра Тимофеевна жила в квартире дяди на Васильевском острове Петербурга. В российских библиотеках есть книги из серии «Весь Петербург, Петроград, Ленинград: Адресная и справочная книга», которые содержат список жителей города с адресами. Из них следует, что Комарова проживала в Петербурге в 1913 г. и 1915 г. по адресу: 2-я Рождественская, д. 14.; в 1914 г. – Строгановская набережная, д. 17. Здесь же указан род ее занятий – художница. Александра Тимофеевна жила и под Петербургом, в Пушкино (Царское село), по адресу: Московское шоссе, д. 66, кв. 1. Эти сведения были получены от внучатой племянницы художника Ольги Павловны Гвоздевой.

Имеется Реестр профессиональных художников дореволюционной России, СССР, Российской Федерации, с ХУШ по ХХI вв., он содержит 49 989 имен, среди которых Александра Тимофеевна Комарова (17.11.1867 – не ранее 1941). Выпущена многотомная книга «Блокада» со списками жителей блокадного Ленинграда. В томе 14 есть запись «Комарова Александра Тимофеевна, 1868 г.р. Место проживания: Социалистическая ул. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно» [28]. По свидетельству О.П. Гвоздевой, одна из Шишкиных, жительница Ленинграда, погибла во время блокады.

Все новые сведения можно считать приложением к книге «Трехсотлетнее древо рода Шишкиных», и временем они дополнят ее.

Примечания

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва;

РНБ – Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург;

РНА РБ – Республиканский национальный Республики Башкортостан, г. Уфа.

1. Могильников В. Родословная русского художника И.И. Шишкина в XVII-XVIII вв. по документам РГАДА / Журнал «Генеалогический вестник». – СПб, 2009, №36. – С. 70-76.
2. РГАЛИ. Фонд 917, оп. 1, ед. хр. 94, л. 1.
3. Рукописный отдел РНБ. Фонд 861, №152, л. 1.
4. Рукописный отдел РНБ. Фонд 861, №152, л. 17 об.
5. РГАЛИ. Фонд 917, оп. 1, ед. хр. 10, л. 15.
6. Рукописный отдел РНБ. Фонд 861, №152, л. 1. И.Н. Шишкин – И.И. Шишкину. Елабуга. Сентябрь 3. 1882.
7. РНБ. Фонд 861, №152, л. 2. И.Н. Шишкин – И.И. Шишкину. Елабуга. Декабрь 16, 1882.
8. РНБ, рукописный отдел. Фонд 861, №152, л. 1.
9. Там же.
10. Шувалова И.Н. Иван Иванович Шишкин: Переписка, дневник, современники о художнике. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1978. – С. 316.
11. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. – Вятка, 1870.
12. Вохмина Екатерина. Из истории сарапульского купечества [электронный документ]. Режим доступа – URL: qorod-nakame.narod.ru.
13. Рукописный отдел РНБ. Фонд 861, №154, л. 2 об.
14. Справочные книги Уфы за 1904, 1908 и 1911 год. – С. 92.
15. Раскладочная ведомость налогов за 1897 год.
16. РНА РБ. Фонд И-340, оп. 1, д. 101. – С. 334, 335.
17. ЦГА РБ. Фонд И-11, оп. 1, ед. хр. 8, л. 7. – С. 655.
18. Там же.
19. РНА РБ. Фонд Уфимской управы И-340. оп. 1, ед. хр. 101. – С. 334-337.
20. Там же.
21. Справочная книжка города Уфы, 1911 г., 2 изд.
22. Роднов М.И. Начало Уфимской живописи / Река времени. – Уфа, 2015.
23. Шувалова И.Н. Иван Иванович Шишкин: Переписка, дневник, современники о художнике. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1978. – С. 423.
24. Комарова А.Т. Сарапул [электронный документ]. – Режим доступа: art-torg.com/ru.
25. РНБ, рукописный отдел. Фонд 861, №154, л. 1. Письмо Е.И. Комаровой к И.И. Шишкину. 12 декабря 1886 г.

26. Электронный документ: artchive.ru/artists/31629.
27. Архив ГРМ. Фонд 25, ед. хр. 232. Каталог выставки НОХ (Новое общество художников).
28. Блокада; т. 14. Ленинград. 1941-1944 [электронный документ]. Режим доступа – URL: enep.ru.

И.О. Солнцева (Стахеева), Россия, Москва

Связь поколений. Стахеевы, Шишкины, Ушковы. Новые факты

В докладе рассматриваются новые факты о родственных, дружеских и деловых связях наиболее знаменитых купеческих династий Елабуги и судьбах отдельных их представителей.

Ключевые слова: Шишкины. Стахеевы, Ушковы.

I. Solntseva (Stakheeva), Russia, Moscow

Connection of generations. Stakheev, Shishkin, Ushkov. New facts

The report examines new facts about the family, friendly and business ties of the most famous merchant dynasties of Yelabuga and the fates of their individual representatives.

Key words: the Shishkins, the Stakheevs, the Ushkovs.

Уважаемые гости и жители старинной Елабуги! Я от всей души благодарна организаторам этой встречи за то, что сегодня мне в очередной раз представилась возможность увидеться с теми, кому дорога и близка тема духовного наследия Елабуги – города, с которым неразрывно связана история моей семьи, моих родных и близких. А это – Стахеевы, Шишкины, Ушковы – фамилии, в свое время прославившие Елабугу не только на всю Россию, но и далеко за ее пределами.

И поскольку сегодня мы говорим об исторической роли Ивана Ивановича Шишкина, мне кажется, что особый интерес могут представлять факты его жизни, взаимоотношения с родными. И я бы хотела напомнить, что фамилия Шишкиных появилась в ветке моей родословной благодаря его старшей сестре Александре, которая в возрасте 18 лет обвенчалась с моим прапрадедом – 23-летним Дмитрием Ивановичем Стахеевым, представителем знаменитой елабужской династии, одним из первых миллионеров, предпринимателем, благотворителем, меценатом.

Венчание происходило под сводами местной Никольской церкви в 1841 году, когда Ивану Шишкину было всего 9 лет. В то

время никто еще не мог предположить, что этот мальчик – младший брат невесты – станет всемирно известным живописцем. Должно было пройти немало лет, прежде чем его домашнее увлечение рисованием воплотилось в ту тягу к живописи, которая впоследствии дала ему мировое имя.

В 1991 г. вышла книга писателя Л.М. Анисова «Жизнь замечательных людей. Шишкин И.И.». Автору удалось найти и использовать множество ранее неизвестных биографических материалов и архивных сведений о художнике, проследить маршруты его путешествий по стране. Вот что пишет Лев Михайлович о первых шагах становления Шишкина как художника:

«...Отец, замечая тягу сына к рисованию (все стены комнаты Ванечки завешаны были рисунками), принялся выписывать книги по искусству и биографии знаменитых художников... В ту пору складывался у Ванечки взгляд на служение искусству. Переписывая в тетрадь из книг описания природы, биографии живописцев, он все больше размышлял о назначении художника.

Мысли требовали оформления, но главное, главное он осознал: “Посвятить себя живописи – значит отказаться от всяких легкомысленных занятий жизни”. Как быть в дальнейшем, не ведал покуда, мучился. Но его тянуло к искреннему, к истине...

В 1851 году появились в городе московские художники, вызванные расписывать иконостас в соборной церкви. С одним из них – Осокиным – Иван вскоре познакомился. Москвичу по душе пришлась тяга молодого человека к живописи и его рисунки, и в меру своих сил он принялся помогать новому знакомому, давая краски, кисти, делясь знаниями, приобретенными в Строгановской рисовальной школе в Москве. Надо думать, рассказами о Белокаменной, знакомых художниках Осокин способствовал утверждению молодого человека в мысли о возможности поездки в Москву и поступления в Училище живописи и ваяния...

В доме, узнав о желании сына стать художником, по-разному восприняли признание его. Мать, которую младший сын не однажды приводил в отчаяние своей непригодностью к практическим делам, едва услышав об этом, воскликнула: “Никогда еще в роду Шишкиных не было художника!” Все родные принялись уговаривать отказаться от задуманного, но Иван стоял на своем. Слово отца было решающим. Он, видя страстное желание сына посвятить себя искусству, благословил его и согласился отпустить».

Огромную роль в этом сыграло участие Дмитрия Ивановича Стахеева: у него с семьей Шишкиных кроме официальных родственных сложились и более теплые дружеские отношения. Особенно к его мнению прислушивалась теща – Дарья Романовна. Да и как могло быть иначе? Ведь Стахеевы в Елабуге – это непререкаемый авторитет и повсеместное уважение. Поэтому после долгих семейных разговоров совместными усилиями отца Ивана Васильевича и зятя Дмитрия Ивановича удалось, наконец, убедить Дарью Романовну, что ее сын должен серьезно учиться живописи.

В начале 1852 года двадцатилетний Иван Шишкин вместе с Д.И. Стахеевым выехал в Москву. Из того же источника:

«...Семья Дмитрия Ивановича Стахеева имела прочные деловые связи с Москвой... Знали и уважали за деловые качества в Москве и Дмитрия Ивановича Стахеева – купца умного, дальновидного, которому и угодить не грех. Привечали Стахеева в московских домах. Используя семейные связи, в один из дней Дмитрий Иванович обратился за помощью и советом к купцу Пахомову, тот состоял членом совета Училища живописи и ваяния.

Пахомов в разговоре порекомендовал Шишкину побывать на проходившей в Училище выставке картин И.К. Айвазовского и Л.Ф. Лагорио. Иван воспользовался советом.

Первое посещение Училища живописи и ваяния произвело на Шишкина впечатление неизгладимое. Само здание с колоннами, с мраморными лестницами, античными фигурами в нишах стен являлось в глазах его настоящим храмом искусства. И замирало сердце от одной только мысли: “Неужели и я буду учеником училища?” Все здесь настраивало на высокий лад. В залах увидел пейзажи мариниста Айвазовского и горные виды, писанные Лагорио. Айвазовский был любимцем государя-императора, Шишкин слышал об этом. Да ведь, верно, есть за что любить этого художника. Сколько времени провел Иван возле картины “Девятый вал”, сказать трудно. Может, в те минуты мелькнула, как, впрочем, и раньше, мысль о том, что и пейзаж родной Вятской губернии имеет право на жизнь. Природа – это молчаливый глубокий мастер, формирующий национальные черты русского человека. Природа – Бог. Оставаясь наедине с нею, сколь глубоко, сколь чисты становятся мысли! Изображение ее художником – это выражение прежде всего отношения своего к Богу, беседы с ним. В

этом Шишкин был твердо убежден. “Все, что создано от Бога, создано совершенным”, – сказано в Библии.

...В августе 1852 года Иван Шишкин поступил в Училище живописи и ваяния. Языкастые и меткие на прозвища товарищи за внешний вид и молчаливость быстро прозвали его Монахом...»

Так вдали от родной Елабуги началась у Ивана Шишкина новая жизнь. На протяжении последующих четырех лет он жил и учился в Москве. Дмитрий Иванович снял своему талантливому родственнику квартиру, обеспечивал деньгами и оказывал всяческую поддержку для продолжения образования. В результате этой заботы и участия со стороны моего прапрадеда мир получил потрясающего живописца – истинного художника, «богатыря русского леса». Впоследствии Иван Шишкин был очень благодарен своему «любезному братцу» – так он называл Дмитрия Ивановича, когда писал письма в свой родной город.

За 12 лет брака у Дмитрия Ивановича и Александры Ивановны Стахеевых родилось шестеро детей – три сына и три дочери. Но, к сожалению, Александра Ивановна умерла в очень молодом возрасте. Вот что об этом написано в метрической книге Никольской церкви г. Елабуги: «За 1853 г. под №15 значится умершею 15, а погребенною 17 Мая г. Елабуги, купца Димитрия Стахеева жена Александра Ивановна, 28 лет от горячки, погребение совершил священник Константин Спасского собора».

Оставшись с маленькими детьми, Дмитрий Иванович женился во второй раз. Его жену тоже звали Александрой. Но это не повлияло на отношения с Иваном Шишкиным. И на протяжении многих лет они по-прежнему продолжали оставаться теплыми, искренними и близкими. А жену Дмитрия Ивановича Александру Дмитриевну Шишкин ласково называл «сестрицей».

Приведу полный текст одного из писем, написанного в Санкт-Петербурге, где И.И. Шишкин продолжил обучение после Московского училища живописи и ваяния. Электронные копии писем Ивана Ивановича к родным мне были предоставлены в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи как прямой родственнице семьи Шишкиных.

*«С.-Петербург. 22 апреля 1957
Христос Воскресе!»*

Любезный братец Дмитрий Иванович, сестрица Александра Дмитриевна.

Этим письмом я поздравляю Вас с праздником уже прошедшим, раньше я как будто не мог???

<....> Я от тятиньки получил письмо, из коего вижу, что вы все, слава богу, здоровы. Я им послал медаль, и Вы Братец, вероятно, с участием посмотрите, в ней часть и Ваша, да и большая. Конечно, говоря в строгом смысле, она еще небольшая рекомендация и заслуга! Но главное, первая награда за труд и успех в труде. Получил я ее за картину, писанную с натуры, вид из окрестностей Петербурга – “Полдень теплого дня” в ней нужно было выразить теплоту воздуха и прозрачность его, влияние солнца на предметы, верность, сходство, портретность изображаемой природы и передать жизнь жарко дышащей натуры. Исполнил по мере сил и воле Бога недурно, да и молитва маменьки помогла этому, день экзамена был день ее Ангела – славно!!! Правду сказал один известный мыслитель, что живопись есть немая, но вместе теплая живая беседа души с природою и Богом. Совершенная правда. Сверстников со мной было довольно много, но получили кроме меня еще двое. Трудно дается эта медаль, на ней много выдерживают, да еще трудно получить первую золотую, т.е. последнюю академическую награду. А там уже художнику, счастливцу, наградой будет служить слава и вполне художественная, а не ученическая деятельность. Награды Академии художеств состоят из 4-х медалей.

Желая Вам здоровья и благополучия, остаюсь с истинным почтением и преданностью ваш покорный слуга и брат Иван Шишкин.

Деток ваших целую и желаю им здоровья».

А сейчас, отступив от хронологической последовательности, я предлагаю вашему вниманию еще одно письмо, написанное дочерью Ивана Шишкина Лидией Ридингер спустя 10 лет после смерти отца. Оно адресовано художнику Илье Семеновичу Остроухову, который в разное время до 1913 года был фактическим руководителем попечительского совета Третьяковской галереи. В письме речь идет об одном из портретов И.И. Шишкина, написанном И.Н. Крамским. Официально установлено, что всего Иван Николаевич создал два портрета своего друга. Первый, написанный в 1873 году и всем известный, находится в Москве в Третья-

ковской галерее. Второй, 1880 года, – в Русском музее Санкт-Петербурга. Но из письма дочери следует, что должен существовать еще один портрет.

*Л.И. Шишкина (Ридингер) – И.С. Остроухову
«С.-Петербург. Академия Художеств. 31 октября 1908
Многоуважаемый Илья Семенович!*

Отправляя Вам это письмо, я действую по совету Ивана Евментевича Цветкова. У меня есть портрет отца моего Ив. Ив. Шишкина, рисованный Крамским в 1869 году. Портрет этот Вы, должно быть, знаете, но для точности скажу: он в натуральную величину <...> под стеклом в ореховой раме. Мне было бы крайне приятно сознание, что он находится в галерее, так как продавать портрет отца приходится, конечно, только по необходимости. О цене такой вещи говорить трудно – для меня ее не существует, но, говорят, что 1000 рублей я могу за него смело просить. Будьте добры ответить мне, как только можно скорее, – мне нужны деньги до крайности.

Я писала уже в нашу галерею, но не получила никакого ответа. Будьте добры, в память отца, ответить мне немедленно.

*В надежде получить благоприятный ответ остаюсь
Лидия Шишкина-Ридингер»*

Мне кажется, что это письмо может заинтересовать историков и биографов Ивана Ивановича Шишкина, так как могу с полной достоверностью сказать, что того портрета, о котором идет речь, в экспозиции Третьяковской галереи нет. Тогда где же он и какова его судьба? Вопрос к исследователям!

Но я сегодня рассказываю о сплетении судеб и соединении знаменитых елабужских фамилий. И здесь нельзя не упомянуть о сыновьях Дмитрия Ивановича и Александры Ивановны Стахеевых – родных племянниках Ивана Ивановича Шишкина, к которым он был привязан и относился очень тепло, почти по-отечески. Старший был мой прадед Павел Дмитриевич, младший – Николай Дмитриевич, который в дальнейшем стал одним из самых известных и богатых представителей семьи Стахеевых.

Стоит сказать о том, что следуя традициям того времени, браки заключались между представителями одного круга и сословия. Так произошло и в знаменитых елабужских семьях. Стахеевы и Ушковы – эти две империи объединили свои капиталы. Единст-

венная дочь промышленника Капитона Яковлевича Ушкова – основателя химических заводов в Бондюге и Кокшане Елабужского уезда Вятской губернии, купца 1-й гильдии, мецената и благотворителя – Варвара Капитоновна и Павел Дмитриевич Стахеев в начале 1870-х годов связали свои судьбы в той же фамильной Никольской церкви города Елабуги, в которой венчались их родители. Так в моей родословной появилась фамилия Ушковых.

И если сыновья Капитона Яковлевича Петр и Константин увеличивали капиталы, продолжая дело отца в химической отрасли, то моя прабабушка Варвара Капитоновна в приданое получила золотые прииски Западной Сибири, доставшиеся ей в наследство. Ведь кроме химических заводов Капитону Яковлевичу Ушкову большую статью дохода давала разработка месторождений золота: «...Так, по донесениям в Уральское горное правление по 1-му департаменту (1860 г.) золотопромышленник, потомственный почетный гражданин, елабужский купец 1-й гильдии Капитон Яковлевич Ушков является владельцем вновь открытого золотого прииска в Западной Сибири – в Верхотурском уезде по р. Туре и трем логам, в двух верстах от дер. Нехорошевой, с 4-мя золото-содержащими шурфами».

В метрических книгах Никольской церкви г. Елабуги имеются сведения о том, что у Павла Дмитриевича и его жены Варвары Капитоновны Стахеевых в период с 1874 по 1884 годы родилось семеро детей. Однако счастье семьи длилось недолго: в 1884 году Павел Дмитриевич скоропостижно скончался в возрасте 35 лет от воспаления легких. Овдовевшая Варвара Капитоновна осталась одна с детьми, старшей дочери Дарье в то время было 10 лет, а младший только родился. Среди них был и мой родной дед Павел, которому в то время было всего 3 года. Позже Варвара Капитоновна вместе с детьми переехала в Москву, где родной брат ее мужа Николай Дмитриевич Стахеев, следуя условиям завещания своего отца, принял племянников и заботился о них, как о своих родных детях. В 1891 году было удовлетворено его ходатайство о принятии всех членов его разросшейся семьи в сословие потомственных почетных граждан.

И еще одно важное уточнение: в соответствии с манифестом 1832 г., подписанным императором Николаем I, все привилегии и льготы распространялись на последующие поколения только по мужской линии, причем от отца – к родным детям. В то время купец 1-й гильдии, коммерции советник, член Московского торго-

вого банка Николай Дмитриевич Стахеев обосновался в Москве и стал обладателем огромного состояния, доставшегося ему в наследство от отца и семьи умершего старшего брата Павла. Занимаясь коммерческой деятельностью и строительством доходных домов, он в несколько раз увеличил полученное состояние и прослыл одним из самых успешных и богатых представителей династии Стахеевых. В роскошном новом особняке, который Николай Дмитриевич построил для своей семьи в центре Москвы, хватило места всем. Здесь же разместилась богатейшая картинная галерея, благодаря чему дети воспитывались на любви к искусству.

Поистине уникальным документом является «Каталог картинной галереи», составленный в 1913 году. В него включены все картины, находившиеся в особняке Н.Д. Стахеева. И, конечно же, имеется подробный список работ Ивана Шишкина. Хочется надеяться, что все эти картины существуют до сих пор. Некоторые всплывают на мировых аукционах, но имена новых владельцев остаются в тайне. Так произошло с картиной «На опушке соснового бора», которая была продана в июне 2016 года в Лондоне на аукционе Sotheby's. Версия такова, что Николай Дмитриевич эту картину до октябрьского переворота успел вывезти за границу.

До наших дней дошло еще одно письмо, в котором говорится о покупке Н.Д. Стахеевым картины И.И. Шишкина «Болото». Привожу его текст в сокращении.

Е.М. Хруслов (уполномоченный Товарищества Передвижных Художественных Выставок)

«Москва. 2 апреля 1890

Многоуважаемый Николай Александрович!

...Выставку открыли 31 марта. Объявления о выставке сданы в редакции 31-го же марта. Афиши заказать не успели. С завтрашнего дня будут печататься объявления в газетах.

а. Результаты выставки за 3 дня:

б. Продано картин:

31 марта П.М. Третьякову – Хруслов за 250 р.

1 апреля Н.Д. Стахееву – И.И. Шишкина «Болото» за 2000 р. и Бронникова «Улица в Сполетто» за 200 р. За обе задатку получено 100 р.

2 апреля С.Н. Голяшкину – Н.Н. Дубовского «Осень» за 600 р. Задатку получено 100 р.

Все деньги находятся у меня. <...> Покорнейше прошу Вас – пришлите печать, если она у Вас, или сделайте распоряжение о присылке печати. Могут ли быть отданы покупателю картины, назначенные «кругом» – в путешествие? Сегодня отказались купить картину Ярцева, вследствие того, что получить ее можно только через год. Можно ли попробовать заказать афиши на две расклейки – воскресенье 8 и 15 апреля?

Поздравляю Вас с праздником.

Желаю вам весело провести его и приехать скорее в Москву».

Дети Варвары Капитоновны обладали великолепной памятью, прекрасно рисовали, в совершенстве владели иностранными языками. По традиции, девочки получали домашнее образование, а сыновья продолжали обучение в высших учебных заведениях. Мой дед был отправлен в Императорскую Казанскую первую гимназию (аттестат об образовании за №792 от июня 1 дня 1901 года хранится в домашнем архиве семьи Стахеевых). Старший Дмитрий в 1897 году окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, а затем в течение двух лет учился за границей в Горной академии Саксонии. Павел (мой дед), окончив гимназию, поступил на юридический факультет Императорского Казанского университета, получив в 1910 году диплом о его окончании.

В 1937 году Дмитрий и Павел были арестованы и расстреляны как руководители белогвардейского движения в Башкирии. Эти сведения стали известны из уникального документа – дела от 1937 г. В частности, в нем указано, что Павел Павлович и его брат Дмитрий Павлович обвинялись в том, что возглавили контрреволюционную повстанческую белогвардейско-офицерскую организацию в Башкирии, деятельность которой была направлена на борьбу с Советской властью. Материалы эти находятся в архиве Федеральной службы безопасности по Республике Башкортостан. В моей семье хранится копия.

В завершение хочу сказать о последнем представителе рода, соединившего три фамилии – Стахеевых, Ушковых, Шишкиных, который видел и помнил уездный город Вятской губернии Елабугу, – о потомственном почетном гражданине, моем отце Оресте Павловиче Стахееве.

Он родился 20 декабря 1912 года в семье крупного землевладельца, коммерсанта Павла Павловича Стахеева в фамильном

имении – селе Седяшево Уфимской губернии, располагавшемся в живописном месте (сейчас это район Павловского водохранилища). Но вскоре Первая мировая война, а затем октябрьский переворот разрушили жизнь счастливой семьи. Когда моему отцу было всего 15 лет, трагически погибла его мать Екатерина Власовна. Поэтому юношу воспитывала родная тетушка – сестра Павла Павловича Дарья, которая никогда не была замужем.

Дальнейшая судьба Ореста Павловича сложилась непросто. Но воспитание и семья наложили свой отпечаток. Он в совершенстве владел немецким языком, так как в детстве у него была гувернантка – немка по национальности (это спасло ему жизни в плену в Германии). Сдержанный, всегда корректный и тактичный в общении с людьми, он обладал потрясающими врожденными способностями, тонким вкусом и чувством цвета, не расставался с кистью, этюдником, карандашом. Наверное, ему передались гены его знаменитого прадеда Ивана Шишкина.

Задолго до начала Великой отечественной войны Орест Павлович начал работать художником-оформителем в Уфимской художественной мастерской, которую впоследствии реорганизовали в «Башкирский комбинат торговой рекламы и оборудования» (Башторгреклама). После войны это была единственная подобного рода организация в стране, которая специализировалась на оформлении всех значимых городских объектов – магазинов, ресторанов, кафе, кинотеатров, гостиниц, вокзалов и многих других. В процессе работы Орест Павлович освоил шелкографию, гипсовое литье, резьбу по дереву, изготовление форм из пенопласта, чеканку, постепенно оттачивая и отшлифовывая свое мастерство.

Все эти годы моего отца не покидала мысль посетить город его детства. И однажды ему представилась такая возможность. Летом 1979 года во время путешествия на теплоходе из Уфы в Астрахань он проплыл по Каме мимо Елабуги и вдруг увидел вдалеке двухэтажный каменный дом, расположенный по ул. Набережной, который когда-то принадлежал его родным – Ушковым, и где прошли его ранние детские годы.

Остается только догадываться, что творилось в душе моего отца, когда он увидел отчий дом, который так же, как и в далекие годы его детства, был выкрашен в голубой цвет и сливался с камскими просторами и небом. Ведь в раннем возрасте, уехав с родителями из Елабуги, Орест Павлович больше никогда туда не возвращался. Казалось, что все стерлось из памяти и ушло на-

всегда. И он вдруг увидел себя совсем маленьким, будто бы и не было этих долгих, полных лишений лет, которые потрясли и перевернули жизнь не только одной семьи, но и всей России.

Так прошла жизнь Ореста Павловича – правнука Шишкиных, Ушковых и Стахеевых. Но та малая часть сохранившихся работ, выполненных его рукой, которая находится сейчас в моей семье, всегда будет напоминать о замечательном представителе этих трех династий.

Примечания

1. ГАКО (Государственный архив Кировской области).
2. Государственная Третьяковская галерея (отдел рукописей).
3. Анисов Л.М. Жизнь замечательных людей. Шишкин И.И. – М., 1991.
4. Лигенко Н.П. Этапы формирования предпринимательской «империи» елабужских купцов Ушковых. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.
5. ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы).
6. РГБ (Российская государственная библиотека).
7. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).
8. Центральный архив Республики Татарстан.
9. Архив ФСБ по Республике Башкортостан.
10. Фотографии и воспоминания из личного архива семьи Стахеевых.

Ксения Шишкина – дочь, ученица, художница

Статья посвящена судьбе младшей дочери знаменитого художника, унаследовавшей его художественные таланты, и сестре Ольги Лагоды Виктории, которая заботилась о племяннице и ее отце до конца жизни.

Ключевые слова: Иван Шишкин, Ксения Шишкина, Виктория Лагода, художники.

L. Bashkirova, Russia, Yelabuga

Ksenia Shishkina – a daughter, a student and an artist

The article is devoted to the fate of the youngest daughter of the famous artist who inherited his artistic talent, and to Olga's sister Victoria Lagoda, who cared for the niece and her father for the rest of her life.

Key words: Ivan Shishkin, Ksenia Shishkina, Victoria Lagoda, artists.

У Ивана Ивановича Шишкина было две дочери – Лидия и Ксения. Старшая родилась в браке с Евгенией Александровной Васильевой, судьба ее известна, а прямые потомки ныне проживают в Америке, Сербии, Финляндии, России (Калининград, Санкт-Петербург, Москва). Младшая дочь появилась на свет в 1881 г. в браке с Ольгой Антоновной Лагодой, ее судьба тоже остается до конца не известной.

После смерти второй супруги Иван Иванович больше не женился, но рядом оказалась женщина, ставшая ему другом, – Виктория Антоновна Лагода, сестра умершей жены. Она жила в семье Шишкина до конца его дней, заботясь не только о племяннице, но также о самом художнике и его дочери от первого брака.

Ничего не известно о личных отношениях Ивана Ивановича и Виктории, но можно отметить, что до последних дней она считала себя Лагодой-Шишкиной и такую подпись ставила на всех документах. Именно у нее после смерти Ивана Ивановича в 1898 году оставалась большая коллекция произведений как самого художника, так и других отечественных и западноевропейских мас-

теров – эскизы, этюды, картины. Все это бережно хранилось в квартире на Васильевском острове, где оставались жить Виктория с племянницей Ксенией. Лидия Шишкина (в замужестве Ридингер) к тому времени обосновалась со своей семьей в Финляндии, в поселке Куоккала, в усадьбе Мери-Хови, принадлежавшей мужу.

Выписка из «Адресной и справочной книги. Весь Петербург, Петроград, Ленинград» гласит: «Шишкина Ксения Ивановна вместе с Викторией Антоновной Лагода проживала в Петербурге до 1909 года по адресу: Васильевский остров, 5-я линия, д. 30. В этом доме ее отец И.И. Шишкин снимал квартиру в последние годы своей жизни, и до кончины (1898 г.) с ним жили Ксения и Виктория Антоновна».

Первая мировая война и революция 1917 года изменили жизнь многих семей. Виктория и Ксения были вынуждены покинуть свою квартиру. С 1910 по 1917 г. они снимали жилье в разных районах города – то на Крестовском, то на Каменном острове.

Из писем К.И. Шишкиной к Евграфу Евграфовичу Рейтерну (1936-1919; коллекционер графики, герольдмейстер, сенатор, член Общества поощрения художников):

- 13 дек. 1908 г. собирается через Рейтерна продать портрет отца работы Крамского в Академию;

- 1910 г. – пишет о своем тяжелом положении;

- 1911 г. – благодаря его хлопотам стала получать от Академии пособие 50 руб. в месяц;

- 1911 г. – благодаря Рейтерну смогла сделать несколько этюдов на Елагинском острове;

- в период с 1911 по 1913 г. предлагала Рейтерну офортные доски и альбом офортов отца.

Из документов Российского государственного исторического архива удалось узнать, что в августе 1912 года Ксения Шишкина подала в канцелярию Министерства Императорского двора на имя великой княгини Марии Павловны прошение о назначении ей пенсии из казны. Она писала: «Кроме пенсии, получаемой мною в АХ в размере 25 руб., я ничего не имею. Между тем, художественная заслуга моего отца профессора живописи ИАХ Ивана Ивановича Шишкина так значительна в истории русского искусства, что придает мне смелости просить Ваше Императорское Высочество в назначении мне пенсии из казны... мой заработок, как художницы, слишком невелик и не постоянен». 18 ян-

варя 1914 года ее ходатайство было удовлетворено, и назначено пособие в 300 руб.

В конце 1920 г. – начале 1921 г. материальное положение сильно ухудшилось, женщины перебивались тем, что продавала Виктория из коллекции Шишкина. Деньги быстро обесценивались, продукты распределялись по карточкам.

В это сложное время Виктория познакомилась с молодым профессором Электротехнического института в Петрограде Сергеем Александровичем Ринкевичем, который еще до революции имел страсть к коллекционированию картин, мебели, предметов прикладного искусства. Он являлся успешным ученым, основателем первой в мире кафедры электрического привода в Электротехническом институте. Его работа была связана с планами электрификации промышленности советской России. К концу 1920 г. Виктория постепенно продала ему большую часть, а может быть, и все из того, что оставалось от коллекции Ивана Ивановича, – значительное количество его графических работ и крайне редкие акварели, работы сестры – Ольги Антоновны Лагоды, картины Ксении, скульптуры, полотна западноевропейских мастеров, книги по искусству.

Сохранилась ведомость расчетов между В.А. Лагодой и С.А. Ринкевичем, начатая 25 апреля 1920 года и законченная 29 января 1921 года, которая отражает, в каком бедственном положении оказалась Виктория Антоновна. Расчеты за произведения искусства происходили в основном продуктами. Возможность выжить для женщины теперь определялась наличием куска хлеба и бутылки козьего молока, ячневой каши и картофельных оладий. И все-таки Лагода не смогла перенести тяжелую зиму.

Последняя запись в ведомости: «Остаток долга сорок четыре тысячи пятьсот рублей получила для похорон Виктории Антоновны 29 января 1921 г. Ксения Ивановна Шишкина-Писарева». Это единственный источник, в котором указана двойная фамилия Ксении, что позволяет сделать вывод о ее замужестве. После этого упоминания о Ксении Шишкиной в архивах Санкт-Петербурга отсутствуют.

Мы продолжили поиски следов второй дочери Ивана Ивановича в Финляндии. Были сведения, что после революции она переехала в эту страну, поскольку там жила ее старшая сестра Лидия со своими детьми и внуками. Известно, что последний период жизни Лидия провела в семье внучки Людмилы (в заму-

жестве Лундстрём). В Национальном архиве Хельсинки был сделан запрос документов на имя Ксении Шишкиной. И действительно, младшая дочь Ивана Ивановича, имея российское подданство, проживала в Выборгской волости в 1922 и 1923 гг. по адресу: Выборг, ул. Дачная, д. 28, кв. 3. Власти также написали, что, возможно, Ксения собирается переехать в Россию. Однако никаких документов о пребывании ее после 1923 г. в нашей стране не обнаружено, поэтому дальнейшая судьба Ксении Ивановны остается неизвестной.

Работая в архивах Санкт-Петербурга, нам удалось собрать материал о Ксении Шишкиной как художнице. Было известно, что она являлась ученицей отца, и все время проводила в его мастерской. Когда Иван Иванович умер, девушке было 16 лет. Первое упоминание о том, что Ксения была художницей, приводится у В. Каплуновского: «Я неоднократно бывал в квартире его (*Шишкина – авт.*) осиротевшей семьи. В прекрасном виде сохранилась коллекция покойного художника. Все это собирала рука человека с огромным художественным вкусом, а теперь, после его смерти, все это также заботливо сохраняется его дочерью, пейзажисткой Ксенией Шишкиной, которой уделил отец искру своего творческого огня». Подобные же сведения мы почерпнули из публикаций о жизни И.Е. Репина на даче в Финляндии и других.

Во всех архивных книгах указывается род занятия Ксении – художница. Так, в архиве Русского музея были найдены сведения из каталога «Новое общество художников (НОХ)» (даты нет, но по адресу – до 1909 года):

«Работы Шишкиной Ксении Ивановны:

Рисунок настелью «Маки» 120 руб.

Рисунок настелью «На балконе» 120 руб.».

Проводя исследование, мы попытались провести поиск через интернет, и нашли подтверждение, что Ксения была художницей и вошла в Реестр художников Российской империи, СССР и России.

Долгое время мы не знали ни одной ее работы, пока в 2007 году, в год 175-летия со дня рождения И.И. Шишкина, в дар музею не была передана акварельная открытка, выполненная Ксенией. Ее передала в фонды Елабужского государственного музея-заповедника внучатая племянница художника Лидия Дмитриевна Сачина. На другой стороне открытки рукой Ксении написан

текст, адресованный тете Ольге Ивановне Ижболдиной. Еще одну работу Ксении Шишкиной нам удалось увидеть во время командировки в Белград (Сербия) у прямых правнучек И.И. Шишкина по линии старшей дочери Лидии.

Нас всегда удивляло: если Ксения была художницей, почему ее работы не значатся ни в одном музейном собрании? И вот чудо: в 2015 году на электронный адрес нашего музея написал петербургский коллекционер Алексей Марков, который прислал изображение двух живописных работ Ксении Шишкиной этюдного характера, имеющих подпись: «*К. Шишкина 1910 г.*».

И вот еще одна находка, уже 2016 года: сотрудники Дальневосточного музея (г. Хабаровск) обратились к нам с просьбой помочь с информацией о Ксении Ивановне. В ходе переписки выяснилось, что в фондах их музея есть ее живописная картина. Приведем описание, сделанное главным хранителем Дальневосточного музея Светланой Юрьевной Жук: «Рассматривая этюд, я виде-ла густую зелень сплошного леса, которая никак не может существовать в городе. Как удачно и мастерски написан этюд! Его можно рассматривать часами! Художница очень тонко передала не только изображение балкона, но и свое ощущение памяти детства (возможно, глаза ребенка навсегда запомнили причудливые щербинки и завитки деревянной резьбы балкона, вышарканные половицы пола, горшки с цветами). Во всяком случае, этюд передает счастливое ощущение отчего дома, большой семьи. Быть может, воспоминание о большой семье, шумных компаниях художников, их жарких спорах об искусстве (именно в это время почти все передвижники пересматривали свое творчество, находились в поиске, организовывали художественные кружки и общества – “Мир искусства”, “Голубая роза”, “Бубновый валет” и т.д.).

Ксения была талантливой, все друзья-художники признавали это. Будучи ученицей отца, она, несомненно, была с ним близка на духовном уровне, уровне художника-творца. Скорее всего, после смерти обожаемого отца-учителя Ксения не могла запереть себя в стенах дома. Она, естественно, жила между Санкт-Петербургом и Куоккала, имея постоянную возможность общаться с художниками, как это было при жизни отца».

Известно, что у И.И. Шишкина в поселке Куоккала Выборгской губернии (ныне Репино Петербургской области) был дом, в котором он жил в свои последние годы с младшей дочерью.

Данный этюд 24-летней Ксении выставлялся на осенней выставке 1905 года в Академии художеств и оттуда сразу поступил в

фонды музея Академии. Такой чести удостоивались не многие художники. Здесь может быть и чисто человеческий фактор: талантливая дочь знаменитого пейзажиста, который уже ушел из жизни. Возможно, в музее РАХ есть еще работы младшей дочери Ивана Ивановича.

С.Ю. Жук подробно описала историю поступления картина Ксении Шишкиной в фонды Дальневосточного музея: «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков в 1902 году основал “Хабаровский художественный музей”. Но коллекцию он начал комплектовать еще в 1901 году с помощью Императорской Академии художеств. Он лично обращался к вице-президенту ИАХ И.И. Толстому с просьбой оказать содействие в комплектовании коллекции для создаваемого художественного музея в Хабаровске и граф ему не отказал. Академики, члены “Комиссии по выбору художественных произведений для провинциальных музеев” И.Е. Репин, М.П. Боткин, В.Е. Маковский, А.П. Соколов и П.П. Чистяков, в 1901 году отобрали для Хабаровского художественного музея из музея ИАХ и осенней выставки ИАХ 42 работы. В 1902 г. Н.И. Гродеков отразил в отчете императору, что в Хабаровске основан художественный музей, коллекция которого уже экспонируется в женской гимназии, но в будущем для музея будет построено соответствующее здание. Из-за своей болезни Гродеков уехал в том же 1902 г. в Санкт-Петербург, и его дело продолжил следующий губернатор П.Ф. Унтербергер. В 1907 г. по просьбе П.Ф. Унтербергера из Академии художеств снова пришла партия картин, среди которых был этюд “Цветы на балконе” Ксении Шишкиной».

Примечания

1. Национальный архив Финляндии (Хельсинки).
2. Адресная и справочная книга: весь Петербург, Петроград, Ленинград.
3. Архив ГРМ (Государственный Русский музей). Фонд 25, ед. хр. 232; фонд 10, ед. хр. 143.
4. Каталог НОХ (Новое общество художников) до 1909 года.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Фонд 789, опись 14, ед. хр. 29.
6. Каплуновский В.В. Коллекция И.И. Шишкина, Столица и усадьба. – 1916, №50. – С. 6-9.
7. Марков А.О. Дама с собачкой. Русское искусство. – 2016, №1. – С. 72-77.

К истории акварели К.Ф. Гуна «Красная горка в Елабуге»

В докладе рассмотрена история акварели И.И. Шишкина «Красная горка в Елабуге» из собрания Государственной Третьяковской галереи и ее анонимной реплики «На Красной горке близ Елабуги» из Государственного Русского музея. Дана подробная атрибуция изображенных на рисунке персонажей.

Ключевые слова: Шишкин, Елабуга, акварель, рисунок, художник, Красная горка.

A. Kuklin, Russia, Yelabuga

The history of K. Gun's watercolour «Krasnaya Gorka in Elabuga»

The report examines the story of I. Shishkin's watercolor picture «Krasnaya Gorka in Yelabuga» from the collection of the State Tretyakov Gallery and its anonymous replica «On Red Hill near Yelabuga» from the State Russian Museum. The detailed attribution of the characters depicted in the figure is given.

Key words: Shishkin, Yelabuga, watercolor, drawing, artist, Red Hill.

С марта 1862 по март 1863 года в Елабуге работали выпускники Императорской Академии художеств Василий Петрович Верещагин (1835-1909) и Карл Федорович Гун (1831-1877), приехавшие сюда по приглашению городского головы купца И.И. Стахеева для росписи иконостаса Покровской церкви.

Помимо работы в храме они выполняли и частные заказы. Один из биографов Гуна писал: «По словам В.П. Верещагина, они делили с Гуном пополам и другие работы в Елабуге, так, например, портреты супругов Юзефович – самого доктора писал Верещагин, а г-жу Юзефович Гун» [1]. К сожалению, прояснить судьбу и местонахождение портрета доктора Иозефовича пока не получилось. Однако в прошлом году удалось найти портрет его жены Антонида Александровны Иозефович, написанный Гуном в Елабуге.

Достоверно известно еще об одном полотне того времени – портрете Ивана Васильевича Шишкина работы Верещагина. Работа сохранилась и в настоящее время украшает экспозицию Дома-музея И.И. Шишкина.

Помимо того, в городе и во время поездок по Вятской, Казанской и Оренбургской губерниям Гун выполнил свыше ста карандашных и акварельных зарисовок преимущественно этнографического характера. Небольшая часть из них изображала местные достопримечательности или носила приватный характер. К последним, этюдам частного содержания, относится акварель с изображением загородного пикника, существующая в двух вариантах: «Красная горка в Елабуге» из собрания Государственной Третьяковской галереи (Инв. 3383) и «На Красной горке близ Елабуги» из собрания Государственного Русского музея (Р-54671).

Как и большинство художников XIX века, Гун делал копии собственных картин и графических листов: обычно это было связано с желанием нескольких покупателей приобрести одну и ту же работу. В наследии мастера сохранилось немало повторов, реплик и дубликатов, поэтому само по себе наличие двух вариантов одной акварели не удивляет. Поражает и вызывает недоумение разница в качестве их исполнения.

Рисунок из собрания Третьяковской галереи представляет собой этюд небольшого размера (8,6x15,5), созданный мастером, блестяще владеющим техникой акварельной живописи. Он написан уверенной рукой, светится и пронизан воздухом. Пейзаж на переднем и заднем плане, фигурки на краю обрыва написаны прозрачно, одним, максимум двумя легкими слоями краски в тенях. Непринужденно, одним только контрастом теплых и холодных тонов и разницей в плотности красочных слоев передана воздушная перспектива закамских далей. Бегло, но при этом со всеми подробностями и деталями выполнен натюрморт в центре рисунка. Узнаваемо, не только по физическим чертам облика, но и по выражениям лиц проработаны персонажи переднего плана: можно определить их возраст, характер, настроение, социальный статус. Несмотря на очевидную быстроту исполнения, рисунок оставляет впечатление продуманности, точности и завершенности.

Реплика этой акварели из собрания Русского музея имеет идентичные размеры (8,8x15,5), но от варианта из коллекции Тре-

тьяковской галереи отличается, прежде всего, отсутствием надписей – на ней не обозначены место, дата и фамилии персонажей. По периметру рисунок обведен аккуратной рамкой, сделанной охрой «под золото», – украшение, характерное для любительских работ, но чуждое профессиональным художникам.

Пейзаж и фигуры людей выполнены схематично, угловатыми линиями. Упрощенность особенно заметна на лицах, напоминающих раскрашенные плоскости, где индивидуальные черты угадываются с трудом, а характеры, выражения и эмоции практически не читаются. Цвета по сравнению с акварелью из Третьяковской галереи стали беднее, пропали богатство оттенков и живая плавность переходов. Трава на переднем плане и в тених за центральной группой выглядит грязной, бумага, особенно справа и понизу листа, замусолена фузой [2] с палитры. Извозчики на краю обрыва и деревья на заднем плане написаны плотно и грубо выпирают вперед. Натюрморт, особенно самовар и заварочный чайник, выглядят как мозаика разноцветных плоскостей и сливаются с фоном. Подзорная труба в руках сидящего мужчины больше походит на палочку непонятого назначения.

Сравнивая оба варианта рисунка, можно констатировать, что акварель «На Красной горке близ Елабуги» из собрания Русского музея не является работой К.Ф. Гуна, блестящего и ко времени его приезда в Елабугу опытного мастера акварели, а представляет собой копию, сделанную с его рисунка неизвестным нам любителем или учеником, слабо и неуверенно владеющим акварельной техникой.

Всего на рисунке «Красная горка в Елабуге» изображены четырнадцать человек. На переднем плане художник представил группу из семи персонажей. Двое из них сидят, один полулежа читает газету. Сразу за ними, стоя вполоборота к зрителям, о чем-то беседуют еще двое мужчин, один взял другого под руку. Чуть правее сидит молодой человек, позади которого стоит юноша в длиннополом армяке. К пятерым персонажам переднего плана относится надпись с именами, расположенными в две строки. В верхней указаны Верещагин и Гун; на нижней – Шишкин, Стрельников, Верещагин. Очевидно, что они соответствуют изображенным людям и располагаются под теми, кого обозначают.

Впервые рисунок с изображением пикника на Красной горке в варианте без авторских подписей попал в публичное пространство в 1916 году. Он был репродуцирован в журнале

«Столица и усадьба» в статье В.В. Уманова-Каплуновского «Коллекция И.И. Шишкина». Со слов Ксении Шишкиной, дочери художника, автор утверждал: «На акварели К. Гуна (“Красная горка в Елабуге”) Шишкин нарисован читающим газету...» [3].

Почти через сорок лет после этого, в 1955 году, историк русского искусства И.И. Пикuleв в монографии «Иван Иванович Шишкин» писал: «Летом 1861 года в Елабуге работали выполнявшие заказ по росписи церкви знакомые И.И. Шишкину художники – К.Ф. Гун, В.П. и М.П. Верещагины; они были частыми гостями в доме Шишкиных и проводили вместе все свободное время. Как память об этих днях у Ивана Ивановича сохранилась акварель Гуна, изображающая все семейство Шишкиных на гулянье на Красной горке за городом. Художник запечатлел в ней Шишкина углубившимся в чтение газет, остальных – занятыми приготовлением к чаю на свежем воздухе или обзоре открывающуюся панораму» [4].

В том же 1955 году подлинник акварели Гуна с авторскими подписями, но с ошибочной пометкой «Собственность ГРМ» был воспроизведен в монографии А. Эглита «Карл Федорович Гун» [5]. В следующий раз рисунок из Третьяковской галереи был репродуцирован в 1960 году под названием «Группа художников» в знаменитой книге А.А. Сидорова «Рисунок русских мастеров (вторая половина XIX в.)» [6].

В 2008 году вариант из Русского музея без подписей был опубликован в цвете в книге «Елабуга в работах Карла Гуна», изданной Елабужским государственным музеем-заповедником [7]. И, наконец, в 2013 году акварель с изображением пикника была напечатана в каталоге собрания Третьяковской галереи [8]. В издании была приведена атрибуция основных персонажей: «Изображены (согласно авторской надписи) художники братья Василий Петрович (1835-1909) и Митрофан Петрович (1841-1892) Верещагины, ученик МУЖВ Николай Николаевич Стрельников и один из членов семьи Шишкиных (И.И. Шишкин с апреля 1862 находился в пенсионерской поездке за границей)» [9].

Шишкин

На переднем плане показан мужчина в картузе, с длинными прямыми волосами до плеч и гладко выбритым лицом, который, полулежа и опираясь спиной на подушку, читает газету. В соответствии с традицией принято считать, что изображенный на пе-

реднем плане мужчина с газетой – Иван Иванович Шишкин. Дело затрудняется только тем, что летом 1862 года, когда была написана эта акварель, его в Елабуге не было. В конце апреля, как пенсионер Академии художеств, художник выехал в Германию [10].

Старший научный сотрудник Дома-музея И.И. Шишкина Н.И. Курьлева предположила, что рисунок был сделан «...как память о лете 1861 года, проведенном вместе с Шишкиным» [11]. Действительно, с мая по октябрь 1861 года Иван Иванович гостил в Елабуге [12]. Но вероятность того, что тогда же Елабугу посещал и Гун, не подтверждается. Как предположили сотрудники ГТГ, на акварели изображен не Иван Иванович, которого в июне 1862 года в Елабуге не было, а кто-то другой – его родственник или однофамилец.

Если смотреть непредвзято, то видно, что у мужчины, читающего газету, облик немолодого человека. А когда мы обратим внимание на его гладко выбритое лицо, на характерную форму носа и строго сжатые губы, на длинные прямые волосы до плеч, мы безошибочно узнаем черты облика Ивана Васильевича Шишкина, отца художника, которого Верещагин запечатлел на портрете, написанном в том же 1862 году. Несмотря на небольшие размеры акварели, Гун минимальными средствами воссоздал то же самое лицо, которое мы видим на холсте в Доме-музее И.И. Шишкина. Дополнительно эту атрибуцию подтверждает фотография Ивана Васильевича из фондов ЕГМЗ, сделанная в Москве, по всей видимости, летом или осенью 1871 года.

На работе Верещагина и на фотографии перед нами те же самые черты лица, что и у мужчины с газетой в руках на рисунке Гуна: прямые волосы, крупный нос, плотно сжатые губы. Правда заметно, что по сравнению с изображениями 1862 года на снимке 1871 года Иван Васильевич значительно похудел и сдал.

Гун

По логике авторской надписи двое мужчин, стоящие позади центральной группы, это – Верещагин и Гун. Последний, согласно той же подписи, стоит справа, повернувшись вполоборота к зрителям, и держит своего товарища под руку.

Опознать худощавое, несколько вытянутое лицо художника, его характерные усы и бородку эспаньолку легко: сохранилось достаточное количество портретов, автопортретов, фотографий Карла Гуна, чтобы получить точное впечатление о его запоми-

нающейся внешности. Дело облегчается еще и тем, что сохранился карандашный рисунок 1861 года «В мастерской. Князь С.П. Черкасский, К.Ф. Гун, П.П. Чистяков, Д.О. Осипов» [13], где Гун изобразил себя в профиль, как и на елабужской акварели. Очевидно, что на обоих рисунках показан один человек.

При всей документальности рисунков Гуна из елабужского альбома в данном случае перед нами домысленный персонаж – плод воображения и творческой фантазии художника: нарисовать самого себя с натуры в групповой композиции он никак не мог. Остается только отметить, что подобные автопортреты были характерной чертой его творчества. Так, кроме акварели «Красная горка», Гун изобразил себя еще в трех композициях елабужского цикла: «Ярмарка в Иванов день в Елабуге», «Святой колодец в Оренбургской губернии» и «Тройка проваливается под лед».

Верещагин

Верещагин на рисунке Гуна показан со спины. Мы видим короткую стрижку, контур щеки и фрагмент небольшой бородки. Портретно персонаж не опознаваем: идентифицировать его можно только по надписи и дружескому жесту Гуна, взявшему товарища под руку. Василий Петрович Верещагин, сокурсник Гуна по Академии художеств, начиная с Елабуги, был его постоянным партнером при исполнении крупных коммерческих заказов, в основном церковных.

Братья Петр, Василий и Митрофан Верещагины происходили из известной семьи пермских иконописцев. Их дед по отцовской линии, дед по материнской линии и отец занимались росписью церквей. Все трое братьев учились в Академии художеств. Василий Верещагин наряду с Гуном является одной из самых интересных и, к сожалению, мало изученных фигур в истории Елабуги. Но если связь Гуна с Прикамьем хронологически ограничивается только одним годом, то контакты Верещагиных с Елабугой имели, судя по всему, более давние и обширные корни. Например, известна небольшая работа В.П. Верещагина «Комната дома в Елабуге», написанная маслом еще в 1854 году.

Стрельников

Стрельниковы – фамилия елабужская. Так, в одном из ноябрьских номеров «Вятских губернских ведомостей» за 1840 год со-

общалось, что в Елабуге избран на должность бургомистра купец третьей гильдии Григорий Стрельников [14].

На рисунке И.И. Шишкина «Развалины башни Чертова городища в Елабуге» 1855 года среди ряда авторских пометок, обозначающих, кому принадлежат отдельные дома на панорамной зарисовке города, значится и «Дом Стрельникова». К сожалению, больше об этой семье ничего неизвестно – елабужские купцы Стрельниковы до сих пор не попадали в поле зрения историков и краеведов. Но если предположить, что в надписи на акварели Гуна в основном проставлены фамилии коллег по цеху, то, возможно, Стрельникова следует искать не среди купцов, а среди художников.

В известном справочнике С.Н. Кондакова «Список русских художников» упоминается «Стрельников, Николай Николаевич. Ученик Московского училища живописи и ваяния. В 1856 г. Академией художеств дано звание некласного художника живописи портретной за этюд “Старик”» [15].

Возможно, что изображенный на акварели Гуна мужчина в черном картузе с длинными густыми волосами и бородой, сидящий несколько правее И.В. Шишкина и смотрящий в подзорную трубу, и есть художник Николай Николаевич Стрельников, о котором мы ничего не знаем, кроме того, что, возможно, это еще один талантливый выходец из среды елабужского купечества, наподобие художника Ивана Шишкина или писателя Дмитрия Стасеева.

Верещагин

Вторая надпись «Верещагин» на акварели Гуна относится к одному из молодых людей, расположившихся с правой стороны центральной группы. По всей видимости, это сидящий молодой человек в светло-коричневом сюртуке. А стоящий позади него юноша, судя по одежде, из прислуги: на нем подпоясанная косоворотка и длиннополый армяк из крашенины, типичные для крестьян и простонародья той эпохи.

Среди ранних биографов Гуна никто не сообщал, что в работах по иконостасу елабужской Покровской церкви, кроме него и Василия Верещагина, были другие участники. Имя Митрофана Верещагина впервые появляется в книге ПикULEВА о Шишкине. Но свое утверждение ученый делает на основании акварели Гуна, о чем и сообщает тут же: «Как память об этих днях у Ивана Ива-

новича сохранилась акварель Гуна...» [16]. Она-то и является единственным документом, на основании которого можно предположить, что летом 1862 года в Елабуге был младший из братьев Верещагиных и что он, скорее всего, также участвовал в работах по росписи иконостаса Покровской церкви.

Сведения о жизни и художественном наследии Митрофана Петровича Верещагина (1842-1892/94) крайне скудны. В 1871 году он окончил Императорскую Академию художеств со званием классного художника исторической живописи II степени. В 1873-86 годах преподавал чистописание и рисование в Ревельской (Таллинской) Александровской гимназии. Скончался в 1892 или 1894 году в Санкт-Петербурге в богадельне.

* * *

В завершение остается отметить, что единственной фигурой в группе персонажей на переднем плане, никак не обозначенной автором и не являющейся прислугой, относительно которой мы также ничего не можем сказать, остается мужчина с густой русой бородой, который сидит позади И.В. Шишкина.

Приложение

1. «Красная горка»
(Третьяковка).

2. «Красная горка»
(Русский музей).

Примечания

1. Новиков И.А. И.Н. Карл Феодорович Гун (Биографический очерк). – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1878. – С. 3.

2. Фуза (в живописи) – грязь с палитры, смесь разных красок на палитре неопределенного цвета.

3. Уманов-Каплуновский В. Коллекция И.И. Шишкина / Столица и усадьба. Журнал красивой жизни. – №50, 15 января 1916 г. – С. 10.

Владимир Васильевич Уманов-Каплуновский (1865–1939) – российский поэт, писатель, переводчик.

4. Пикулев И. Иван Иванович Шишкин. 1832-1898. – М., 1955. – С. 62.

Иван Иванович Пикулев (?-?) – историк русского искусства XIX века.

5 Эглит А. Карл Федорович Гун. – Рига, 1955. – С. VI.

6. Сидоров А.А. Рисунок русских мастеров (вторая половина XIX в.). – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 83.

Алексей Алексеевич Сидоров (1891-1978) – искусствовед, исследователь русской и зарубежной графики.

7. См.: Елабуга в работах Карла Гуна. – Елабуга, 2008. – С. 10 и на задней обложке.

8. Гун Карл Федорович (Карлис Фридрихович) / Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Т. 2, кн. 2, Г-И: Рисунок XIX века. – М., 2013. – С. 161.

9. Там же.

10. См.: Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике. – Л., 1984. – С. 436.

11. Курьлева Н.И. В лучших традициях эпохи Ренессанса. Юбилею Василия Петровича Верещагина посвящается... / Музейный вестник. Декабрь 2010. – С. 7.

12. См.: Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике. – Л., 1984. – С. 436.

13. См.: Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Т. 2, кн. 2, Г-И: Рисунок XIX века. – М., 2013. – С. 161.

14. Распоряжения губернского начальства / Вятские губернские ведомости, №48. – С. 227.

15. Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии художеств составил С.Н. Кондаков. – СПб., 1914. – С. 190.

16. Там же.

**СЕКЦИЯ
«ЛИЧНОСТЬ ВЕЛИКОГО
УЧЕНОГО В ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВА. ВЛАДИМИР
БЕХТЕРЕВ», ПОСВЯЩЕННАЯ
160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОСЛАВЛЕННОГО
ПСИХОНЕВРОЛОГА**

Елена Владимировна Андреева – правнучка В.М. Бехтерева

Автор работы делится воспоминаниями о своей матери, которая является потомком великого ученого, и ее ближайшем окружении, о том, как они преодолевали различные жизненные испытания и вопреки всему сохраняли свои духовные ценности и высокие идеалы.

Ключевые слова: Бехтеревы, наука, мать, отец, семья.

A. Andreev, Russia, Nauchniy

Elena Andreeva – a granddaughter of Vladimir Bekhterev

The author shares his memories of his mother, who is a descendant of the great scientist, and her closest environment, about how they overcame various life experiences and, contrary to everything, preserved their spiritual values and high ideals.

Key words: the Behterevs, science, mother, father, family.

Мама меня очень любила. Она обладала даром любить всецело и самоотверженно. Так она любила не только меня, но и своих родителей, и своего мужа – моего отца, и своих внуков – Иришку и Олежку. Она была верной не только в любви, но и в дружбе. Старалась никогда никого не подводить и очень переживала, когда ее подводили другие, особенно если это были близкие люди. Она очень глубоко переживала измены отца, о которых догадывалась интуитивно, но безошибочно.

1. Елизавета Константиновна
и Владимир Борисович Никоновы
в молодости.

Мамин отец и мой дедушка – Владимир Борисович Никонов – был крупным советским астрофизиком. Примерно в тридцатилетнем возрасте он вместе с молодым грузинским метеорологом Евгением Кирилловичем Харадзе (впоследствии ставшим академиком и возглавившим грузинскую астрономию) нашел место для Абастуманской обсерватории. Это была поросшая сосновым лесом гора Канобили на Малом Кавказе. В предвоенные годы он подолгу бывал там, активно занимаясь апробацией разработанных им фотометров. Обычно с ним приезжала и семья – его жена Елизавета Константиновна и дочь Елена (моя мама), которую в семье звали Лёлей. Так произошло и в начале лета 1941 года. Меньше, чем через месяц, началась Великая Отечественная война.

2. Владимир Борисович, Лёля и Елизавета Константиновна на прогулке в довоенном Ленинграде.

Владимиру Борисовичу, как крупному ученому, дали бронь, и всю войну он с семьей жил в Абастуманской обсерватории. Несколько позже приехала из Ленинграда мама Елизаветы Константиновны – Прасковья Дмитриевна. В том же бараке жили молодые сотрудники Абастуманской обсерватории Константин Константинович Чуваев и Эмма Семёновна Бродская. Дружеские отношения с ними мама сохранила на всю жизнь...

3. Прасковья Дмитриевна Смирнова (бабушка Лёли) с дочкой Лизой (середина 20-х годов XX века).

Лёля глубоко прониклась окружающей природой и на всю жизнь полюбила горы и лес. А еще она очень любила животных и легко находила с ними общий язык. Она могла разжалобить бросающегося на нее огромного пса, жалобно заскулив по-собачьи. Я видел, как пес остановился в недоумении, замолчал, склонил голову на бок и заскулил в ответ. Она прекрасно владела и кошачьим, и языками нескольких других видов животных. А однажды произошло событие, которое может показаться совершенно невероятным. Лёле было тогда лет двенадцать. Она гуляла с соседским мальчиком лет десяти в окрестном лесу. На полянке увидела большую серую собаку. Она стала приближаться к псу, ласково обращаясь к нему в надежде угадать его имя: «Бобик, Бобик!», «Шарик, Шарик!». Пес странно повернулся к ней всем телом, но остался на месте. Лишь когда она подошла к нему почти вплотную и собралась погладить, пес зарычал и ушел в лес. Лёля оглянулась в поисках своего приятеля и с удивлением увидела его сидящим на дереве. «Ты что это залез на дерево?!» – изумленно спросила она. «Дура! – произнес в ответ побледневший мальчик. – Это же волк!»

Время было голодное, и родители купили маленького барашка – на мясо. Барашка назвали Бяшей. Лёля привязалась к нему, и он стал для нее близким другом и почти членом семьи. Однажды в семье состоялся праздничный обед с обилием мясных блюд. На Лёлин вопрос о том, откуда взялось столько мяса, ей ответили, что зарезали Бяшу. Для Лёли это был шок. Ее стошнило. Потом она долго плакала и не могла понять – как могли родители предложить ей есть друга?!

Еще там же, в Абастумани, в семье жила кошка Фуська, об уме и преданности которой Лёля рассказывала множество историй. Вот одна из них. Елизавета Константиновна (мама Лёли), как-то купила к празднику мясо (его могли позволить себе только по праздникам). Чтобы кошка не добралась, мясо подвесили к люстре. Все разошлись по своим делам. И вот Лёля заходит и видит следующую картину: объевшиеся Фуська и ее друг Васька лениво висят под потолком на доедаемом куске...

Были и другие истории о Фуське – как она понимала человеческую речь и как защищала Лёлю... Но я их, к сожалению, не запомнил.

Там же, в Абастуманской обсерватории, у Лёли было странное видение. Во сне незнакомый голос сказал ей: «Тебе многое дано.

Ты сейчас стоишь на распутье: линии твоей судьбы расходятся. Вот – счастливая судьба, вот – несчастная. Какую выбираешь?» И Лёля, сама не зная, почему, ответила: «Несчастную»...

Лёля родилась перед новогодним праздником – 26 декабря 1930 года. А в 1934 г. в семье Никоновых произошло пополнение: родился сын Кирочка. Когда он немного подрос, и Елизавета Константиновна вернулась к работе, для присмотра за мальчиком в дом взяли няню – молодую, цветущую на вид девушку. Никому и в голову не пришло, что она может быть больна страшной болезнью – туберкулезом, да еще в открытой форме. В 1938 г. Кирочка скончался от туберкулезного менингита, который тогда еще не умели лечить. Вся семья была потрясена этой трагедией, но особенно тяжело и долго переживала ее Елизавета Константиновна. Она долго не могла поверить в смерть сыночка: ей казалась, что его похоронили живым, и она неоднократно предпринимала попытки откопать его... Безвременная кончина братишки и связанные с этим переживания мамы произвели сильнейшее впечатление на восьмилетнюю Лёлю. Там более, что она была очень чуткой и впечатлительной.

4. Маленькая Лёля.

Помню, что в Абастумани вроде бы была школа. Но идти туда надо было через лес с волками. К тому же в селе располагался туберкулезный санаторий со множеством больных. В-третьих, много ли можно было получить в сельской грузинской школе во время войны?.. Впрочем, каждого из первых двух факторов было достаточно для того, чтобы не посещать школу. И Лёля училась сама. Она была любознательна, базовые знания ленинградской начальной школы у нее были. Когда началась война, Лёле было десять с половиной лет. И она вполне благополучно осваивала школьные знания самостоятельно. Впрочем, наверное, и родители в чём-то помогали. Когда я стал студентом, я узнал, как просто

и доходчиво мог объяснять сложные вещи мой дед Владимир Борисович Никонов – Лёлин папа. Лёля так преуспела в своём самообразовании, что, вернувшись в Ленинград в 1945 году, заметно опережала большинство своих одноклассниц. В классе ее прозвали «умной Машей» (был тогда популярен такой литературный персонаж...).

В ленинградской школе у Лёли появились подруги. Ближайшими из них были Таня Хилюта и Галя Злотникова. С ними она дружила всю жизнь, – несмотря на то, что с возрастом обнаруживалось все больше различий в интересах и взглядах на жизнь.

Яркими и интересными были для Лёли студенческие годы. Движимая любовью к животным, она поступила на биофак ЛГУ. У Лёли появились новые друзья – Жора Пинаев, Вова Свешников и еще несколько человек. Это была «походная» компания: они отправлялись и в зимние походы на лыжах, и просто в пешие путешествия – когда снега не было. А летом Лёля уезжала к родителям.

Сразу после войны (в мае 45-го) Никоновы вернулись в Ленинград. Владимир Борисович и Елизавета Константиновна уволились из Астрономического института и переехали в Крым по приглашению директора Крымской астрофизической обсерватории Г.А. Шайна. Э.С. Бродская тоже перебралась в Крым. Туда же после демобилизации прибыл К.К. Чуваев.

Вся дальнейшая работа В.Б. и Е.К. Никоновых была связана с Крымской астрофизической обсерваторией, сначала располагавшейся на горе Кошке близ Симеиза. Там было много молодежи, которая жила дружно. Лёля органично влилась в эту компанию молодых сотрудников, стажеров, студентов-практикантов и детей сотрудников. К последним относились Юра (Юрий Георгиевич) Монин и Женя (Евгений Петрович) Добронравин. Был там Иван Михеевич Копылов, приезжал аспирант Гор Семенович Иванов-Холодный и другие. По поводу Иванова шутили: «У Северного – аспирант Холодный».

Молодежь в свободное время бегала купаться в голубой залив, играла в волейбол и ходила в походы – главным образом, на Яйлу, как называют главную гряду Крымских гор. Как раз на склоне Яйлы, круто спускающемся к морю с полуторакилометровой высоты, и находится гора Кошка. А на хребте Кошки располагалась тогда Крымская астрофизическая обсерватория (КраО). Сейчас это – лишь один из отделов КраО. Основная же часть обсервато-

рии расположилась ныне в поселке Научный Бахчисарайского района.

5. Лёля в студенческие годы.

Мама рассказывала мне истории об этих походах. Одна из историй запомнилась мне (да, наверное, и маме) больше всего.

Пошли они вчетвером – три молодых человека и Лёля. Она всегда стремилась не уступать парням – и в скорости плавания, и в нырянии со скал, и в трудных походных маршрутах. Пошли, как обычно, на Яйлу. Но по новому для них маршруту – в сторону Ай-Петри. Шли весело, бодро и ушли далеко. Собирались вернуться засветло, о чем Лёля и сказала перед уходом родителям. Однако не рассчитали время, несмотря на то, что молодым людям ночью нужно было наблюдать.

К обрывистому во многих местах южному склону Яйлы подошли уже в сумерках. Надо спешить, а дорога извилистая, долгая. С другой стороны, идти без дороги напрямик рискованно. Но можно существенно выиграть во времени. Как быть? Решили кинуть жребий «на морского». Выпало идти без дороги.

Чтобы повысить вероятность выбора оптимального пути, стали спускаться в разных местах, поодаль друг от друга. И вдруг ноги Лёли скользнули, и она чудом ухватилась за небольшой и не лишенный некой колючести кустик. Ноги висели над... неизвестно над чем. Рукам было больно. Лёля стала звать на помощь.

Первым подошёл один из друзей. «Ты где?» – спросил он. «Здесь», – ответила Лёля. «Что ты там делаешь?» – спросил друг. «Вишу, – ответила она – Вытаскивай скорее!» После этого друзья вытащили Лёлю, руки которой уже стали неметь от напряжения. Еще немного, и они разжались бы...

Только после этого события было принято единственное верное в такой ситуации решение – спускаться по дороге. Скатились почти бегом на шоссе Ялта – Севастополь. Теперь его называют «верхним», поскольку ниже проложили основную трассу, соеди-

няющую эти крымские города. А тогда верхнее шоссе было единственным. Расстояние до обсерватории было изрядным. Решили идти предельно быстро – семь километров в час с 10-минутными перерывами для отдыха после каждого часа ходьбы. Засекали время по часам, расстояние определяли по километровым столбикам – «научный» подход.

Вернулись уже незадолго до рассвета. Когда Лёля постучалась, открывший дверь Владимир Борисович был бледен, как полотно. Родители очень переживали за единственную дочь и, конечно, не спали всю ночь, теряясь в самых страшных догадках. На самом-то деле Лёля чудом осталась жива... «Дрянь», – с облегчением сказал отец, впуская дочь, представшую перед ним с до крови исцарапанными руками, в разорванной в нескольких местах одежде. Весь следующий день Лёлю в наказание не выпускали из дому, а ее товарищи приходили под окно оказывать моральную поддержку...

В маминой ленинградской студенческой компании выделялся Жора Пинаев. Эмоциональный, яркий, обаятельный, мастер красивых речей, он убедил ее при выборе специализации заняться «наукой будущего» – биологией клетки. Одно время Лёля была даже влюблена в него. Когда же она познакомилась с ним своих родителей, Владимир Борисович, очень тонко чувствовавший людей и известный как человек исключительной деликатности, на Лёлин вопрос: «Папа, как он тебе?» ответил: «Карьерист».

Георгий Петрович обладал замечательными организаторскими способностями. Впоследствии он создал в Институте цитологии АН СССР сначала лабораторию, а затем – и отдел клеточных культур. Он сумел организовать не только отдел, но и балетную труппу из сотрудников лаборатории. Он стремился быть на передовых рубежах науки, но порой выдавал желаемое за действительное... По свидетельству самой Лёли, это не всегда было корректно с научной точки зрения.

В Ленинграде Лёля жила с бабушкой – Ольгой Владимировной Бехтеревой-Никоновой, которую в семье звали «бабин». А ее мужа – Бориса Павловича Никонова, Лёлиного дедушку – по семейной традиции называли «дедин». Борис Павлович был писателем (поэтом и прозаиком), театральным критиком известного журнала «Нива», юристом по образованию и историком-любителем. В дореволюционном Санкт-Петербурге он был известной в светских кругах личностью. Одним из его литературных псевдо-

нимов был «Аркатов». Некоторые произведения Б.Н. Никонова начала XX века (такие, например, как «Школьные годы Аркатова») носили оппозиционный характер по отношению к существовавшему в то время политическому режиму. Однако после революции ему не удалось найти себя. В 1920-х годах он много писал, но эти произведения не пользовались успехом в советском государстве. В конце 20-х он ушел в тень, вел замкнутый образ жизни и понемногу угасал. В 1950 году его не стало...

6. Борис Павлович Никонов.

Ольга Владимировна, напротив, вела очень активный образ жизни. Она работала хирургом в больнице им. Эрисмана при 1-м Ленинградском медицинском институте и всецело отдавала себя своему делу. Ольга Владимировна оставалась в блокадном Ленинграде и ежедневно оперировала раненых. Она славилась не только как хирург, но и как прекрасный диагност. Отдавая всю себя работе, она мало внимания уделяла своим близким, в том числе и Лёле. Дружеской близости, душевных бесед между ними не было. Но когда Лёля попыталась покончить с собой, узнав об измене горячо любимого мужа, Ольга Владимировна сделала все для ее спасения. И Лёля была спасена.

7. Ольга Владимировна Бехтерева-Никонова.

Мамина семья до войны жила в доме на Каменном острове (Набережная Малой Невки, 76, впоследствии – д. 25), построен-

ном В.М. Бехтеревым для своей семьи еще до революции. Во время войны в дом попала авиационная бомба. К счастью, она не взорвалась, но пробила здание насквозь и ушла под подвал. Саперы ее благополучно извлекли. После войны, когда встал вопрос о восстановлении дома, обнаружили, что деревянные стены изъедены жучком. Тогда было принято решение снести здание и на этом месте построить по прежним чертежам такое же каменное. Во время этого «капитального ремонта» семьям потомков В.М. Бехтерева было предоставлено временное жилье в Старой деревне близ Серафимовского кладбища. Новый дом был построен с измененной планировкой. Второй этаж, оставленный за потомками В.М. Бехтерева, был немного сокращен по площади, первый, предоставленный «трудовому народу», несколько расширен. Лестница, соединявшая оба этажа внутри дома, была вынесена на его периферию и стала «черным ходом». Имели место и некоторые другие изменения.

Школьная подруга мамы, упомянутая выше Галька, после школы поступила в ЛЭТИ (Ленинградский электротехнический институт). Как-то она пригласила Лёлю на институтский вечер, где познакомилась со своими друзьями. В этой компании оказался красивый и умный парень, гимнаст Сережа Андреев. Лёля вскоре влюбилась в него и у них завязались романтические отношения. Через некоторое время она вышла за Сергея замуж. А спустя примерно год Лёля родила сына Сашу – меня. Беременность была тяжелой: у Лёли был отрицательный резус-фактор, а у Сергея (и у меня) – положительный. Врачи вообще не рекомендовали Лёле заводить ребенка, но она очень хотела, хоть и боялась. Роды тоже были нелегкими. Однако Лёля ни разу не подала голоса. В семье считалось достойным не показывать свою боль.

В каждой комнате дома на Каменном острове, где поселилась молодая чета, стояли высокие, до потолка, круглые в сечении металлические печи. Топились они углем. Позже провели паровое отопление, но котел по-прежнему топился углем. Однажды мама тяжело заболела гриппом. Сергей уехал к друзьям и задержался. Дело происходило зимой, на улице было морозно, и в квартире становилось холодно. Пришлось ей с температурой под 40 носить из подвала уголь. После этого у мамы случился первый в жизни сердечный приступ.

С тех пор сердце у нее было не в порядке. Впоследствии на почве измен мужа у нее развился невроз, с которым она была гос-

питализирована в знаменитую клинику неврозов в «Бехтеревке». Ей повезло с лечащим врачом. Им оказался А.Я. Страумит. На маму произвели самое сильное впечатление две вещи, связанные с его лечением. Обе – чисто психологические.

Во-первых, Александр Яковлевич показал ей других больных. Это произошло через несколько дней после госпитализации. К тому времени Лёля уже пообщалась с соседками по палате. И заметила, что каждой кажется, что у нее-то – настоящая, серьезная проблема, не то, что у остальных – ерунда какая-то... Она осознала, что и она сама – не исключение. А тут приходит как-то в очередной раз лечащий врач и предлагает пройтись вместе – он как раз делал обход своих больных. Больные производили довольно жалкое впечатление. После обхода врач спросил: «Хочешь быть такой, как они?» Нет, такой она быть не хотела! И твердо решила взять себя в руки и выздороветь.

Но как отличить невроз сердца от его реального заболевания? Ведь по ощущениям действительно становится худо!.. Даже от капли алкоголя. И мудрый врач галантно предложил симпатичной пациентке поужинать с ним в ресторане. Приятная пища. Немного вина? – можно ведь только пригубить, чуть-чуть попробовать... Вкусно? Какой букет вкуса и аромата! Еще чуть-чуть? Они изрядно выпили, но плохо ей так и не стало. Лечение можно было считать оконченным – невротический страх прошел. До меня дошел слух, что Александр Яковлевич упоминал потом об этом случае, читая лекции студентам.

Была и другая причина для последующих проблем со здоровьем у молодой и физически тренированной женщины. По иронии судьбы Лёлю, специализировавшуюся в области цитологии и очень любившую животных, распределили в лабораторию Военно-медицинской академии, занимавшуюся исследованием воздействия радиоактивного облучения. В качестве подопытных животных использовались бездомные собаки. В обязанности Лёли входило приводить, привязывать, отвязывать и уводить собак. О начале и конце сеанса облучения предупреждал специальный световой сигнал. И однажды случилось так, что предупреждающего сигнала во время облучения не было. То ли оператор забыл его включить, то ли лампочка перегорела... В результате Лёля зашла в камеру для облучения до окончания сеанса и «хватанула» серьезную дозу. Это потом всегда проявлялось в составе крови и сопротивляемости организма инфекциям.

Вместе с тем, в критических ситуациях Лёле было свойственно сохранять присутствие духа, проявлять смелость и находчивость. А ситуаций таких в ее жизни хватало. Вот один пример.

Владимир Борисович, отец Лёли, в 1958 году купил «Волгу» – одну из первых. А свой «горбатый» «Москвич» решил подарить Лёле. Правда, отец оформил его на себя и стал постоянно им пользоваться. Однако Лёля тоже училась водить и неплохо этому справлялась, хотя права так и не получила. Как-то родители ехали за город по пустынному тогда Приморскому шоссе в сторону Зеленогорска. Лёля села за руль, чтобы потренироваться. И вдруг впереди – на некотором расстоянии – гаишники. Лёля тут же свернула на уходящий в лес проселок. Гаишники, видя такое дело, бросились в погоню. Однако Лёля успела оторваться от них настолько, чтобы успеть поменяться с мужем местами. Когда сотрудники ГАИ подъехали, они застали в машине целующуюся пару. Спросили документы – отец показал, всё в порядке. «Почему удирали?» – «Ну что вы, – ответила Лёля, – нам просто захотелось уединиться...» Блюстителям порядка ничего не оставалось, как извиниться и отправиться восвояси.

В супружеской жизни моих родителей было немало хорошего. Не сомневаюсь, что им довелось пережить счастье совместной жизни. Они ходили в гости и в театр, ездили за город – в основном, в сторону Карельского перешейка, в направлении Рощино. Зеленогорск, Комарово, озеро Красавица – это были их излюбленные места под Ленинградом. В Крыму, кроме обсерватории в Научном, они любили ездить на Южный берег. В последние годы совместной жизни им особенно полюбился Форос. Отца привлекали там теннисные корты – он стал страстным теннисистом, а маму – красота флоросского парка, живописные уютные бухточки и красивые окрестности. Она любила подниматься к флоросской церкви и ходить пешком в Ласпи. Тогда еще была возможность идти вдоль береговой линии, периодически купаясь по пути...

Там же, в Форосе, отец познакомился со своей будущей второй женой – Татьяной, с которой они жили впоследствии душа в душу. Родители разошлись, когда я был на пятом, выпускном курсе своего первого вуза. И они ничего не говорили мне до тех пор, пока я не защитил диплом – «чтобы нормально закончил». При этом они делали вид, что ничего не произошло. Отец очень помогал мне в работе над дипломом. Пожалуй, как никогда прежде. После моей защиты он уехал. Сначала снимал комнату (или

квартиру – точно не помню) в другом районе, потом – когда нашел себе работу в Москве, где жила Татьяна, – переехал туда. Мама не злилась на отца, но очень переживала его уход, стараясь взять вину за случившееся на себя. Дескать, была недостаточно хорошей женой... А отца продолжала любить и искренне желала ему счастья во втором браке. Похоже, что это пожелание осуществилось...

У мамы были хорошие литературные способности и то, что иногда называют «врождённой грамотностью». Она писала стихи, на мой взгляд, хорошие. Она также редактировала отцу обе диссертации – кандидатскую и докторскую. Отец был весьма талантливым ученым-физиком, уникальным специалистом в области физики плазмы и сильноточного электрического пробоя. Его уникальность состояла в сочетании глубоких знаний физика-теоретика и таланта экспериментатора, инженера и практика. Это позволяло ему делать уникальные изобретения. Но литературного дара у него не было, и его язык нуждался в редакции. После ухода отца мама написала стихотворение, по стилю являющееся подражанием Р. Бернсу, поэзию которого она очень любила, особенно в переводе С.Я. Маршака. Вот оно:

Когда кого-то любит кто-то
До гробовой доски,
То кто-то любит не за что-то,
Он любит вопреки.

У меня всегда были удивительно доверительные отношения с мамой. О чем бы ни шла речь, я знал, что Лёля меня поймёт. Причем поймет именно так, как надо. Это было и в дошкольном детстве, и в школьные годы, и в студенческие, и позже – когда я стал уже взрослым. Конечно, я не все ей рассказывал – есть вещи, о которых маме не говорят. Но возможность душевного понимания всегда была для меня очень важна. Каждый год мама приезжала в Научный. Мы с ней много (насколько позволяли мне работа и семья) общались. До моей женитьбы мы нередко ездили с ней на море или просто по Крыму на подаренной мне дедом «Волге». Еще больше гуляли пешком по окрестностям Обсерватории, проходя иногда по 20-25 километров. Мы оба очень любили эти прогулки, позволявшие наслаждаться красотой природы и общением друг с другом. Говорили на самые разные темы – от философских проблем до дел насущных.

После ухода отца мама в периоды жизни в Ленинграде (т.е. все время кроме летнего отпуска) полностью уходила в работу. Этому способствовало появление в их лаборатории молодого и талантливого сотрудника – Юрия Павловича Петрова – которого «прикрепили» к маме. Мама и Юра быстро нашли общий язык – и в работе, и в человеческом общении. Работали они в ЦИНе (Институт цитологии) в созданном Г.П. Пинаевым отделе клеточных культур. Мама перебралась туда задолго до этого, через некоторое время после облучения. Веселая, остроумная, общительная, она быстро стала «душой лаборатории». Общаться с ней было удивительно легко. Возможно, поэтому ее до самого ухода на пенсию сотрудники отдела называли Лёлей. Только с Пинаевым время от времени возникали стычки из-за разногласий по рабочим вопросам. Но и с ним она обычно скоро мирилась. С Юрой у них была договоренность: сначала вместе делают диссертацию ему, потом – ей. Юре сделали, он защитился. И стали набирать материал для мамы, она начала сдавать кандидатские экзамены. Но тут старый друг и руководитель отдела Г.П. Пинаев отправил ее на пенсию: «Пришлось сократить»...

8. Е.В. Андреева и Ю.П. Петров;
2004 г.

Мама очень любила моих детей от первого брака – своих внуков Иришку и Олежку – и всегда очень заботилась о них, уделяла им много времени. Приезжая в Научный, она практически полностью брала на себя домашнюю работу – стирку, уборку, приготовление еды. Мама стала для моих детей практически идеалом любви и заботы. Примечательно, что они тоже называли её Лёлей, совершенно игнорируя положенное в таких случаях «бабушка» или «баба»...

В Научном у нее сохранились старые друзья и появились новые. Здесь она общалась и с Ю.Г. Мониным, и с семьей Чуваевых, и с Е.П. Добронравиным (пока здоровье позволяло ему при-

езжать в Крым; однако с ним и его второй супругой – Ольгой Семёновной – она виделась и в Санкт-Петербурге). На Кошке встречалась с Э.С. Бродской. В Научном она много лет назад подружилась с В.Н. Гопасюки Л.П. Метик, несколько позже – с Б.А. Бурнашёвой. Но этим круг ее общения в Обсерватории далеко не исчерпывался: она была знакома со многими, люди всегда тянулись к ней.

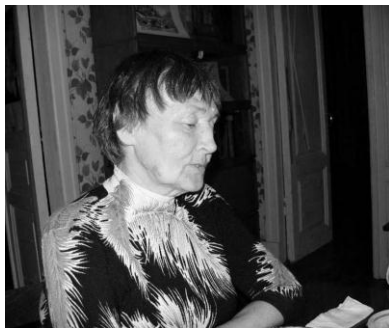
Родители Лёли уходили из жизни непросто. В 1985 году Владимир Борисович сломал себе шейку бедра. Некоторое время он лежал, потом начал упорно упражняться, в результате чего спустя несколько месяцев стал ходить по квартире с палочкой. Весной 1987 году Владимир Борисович снова слег, на этот раз из-за инсульта. Больше он уже не поднялся, и 9 июня его не стало. Елизавета Константиновна сломала шейку бедра в 1992 году, в день Пасхи. В апреле 1994 года она скончалась. Все это время мама работала и жила в Ленинграде, приезжая в Крым лишь на время летнего отпуска. Она очень переживала из-за того, что не довелось проститься с родителями, и что она мало за ними ухаживала. Мама много корила себя за это.

9. Владимир Борисович
и Елизавета Константиновна
Никоновы; 1980 г.

В последние годы жизни мама стала меняться: она много и сильно переживала по самым разным поводам: из-за отношений на работе, из-за политики, из-за отношений в моей семье, из-за внуков и многого другого.

И еще мама очень страдала из-за плохого самочувствия. У нее развивался остеопороз правого бедра, и ей стало больно ходить. Мама стала опираться на палочку, и ни о каких походах уже не могло быть и речи. Кроме того, маму беспокоила усиливавшаяся аритмия. Иногда я возил ее на нашей «Волге» в любимые ею и просто в красивые места. В самых красивых я останавливал машину, мы выходили и вместе любовались открывшимися видами.

10. Е.В. Андреева; конец 2007 г.

У мамы участились сердечные приступы с остановкой сердца: при аритмии «выпадал» уже не один удар, а по три-четыре, иногда – больше... Осенью она, как обычно, уехала в Санкт-Петербург. В январе пошла в сберкассу за пенсией и там у нее случился приступ, от которого мама потеряла сознание. Очнулась мама в больнице, куда ее доставили на скорой. Мне она об этом не сказала, строго-настрого запретив говорить нашим общим знакомым. И объяснила, что это якобы профилактическая госпитализация, удачно подвернувшаяся возможность обследоваться.

Через две недели маму выписали, а еще через пару недель положили на обследование в кардиоцентр. Там ей вшили кардиостимулятор. Я все собирался приехать, но мы с семьей грипповали, и я, боясь заразить маму, все откладывал поездку. Однажды вечером мне очень захотелось поговорить с мамой. Время было еще не позднее, и я позвонил ей по мобильному телефону. Мама не спала, и у нас произошел неожиданно душевный разговор. Мы говорили о важных для нас обоих вещах и ощущали полное взаимопонимание. Мне захотелось попросить у мамы прощения за свои провинности и благословить меня. Она простила и благословила. Мы попрощались, на душе было хорошо от пережитой душевной близости. И в то же время оставалась некоторая тревога о мамином здоровье...

На следующий день (это было 20 февраля 2008 г.) я пошел на родник за водой, и тут зазвонил телефон. Это был мой школьный товарищ Боря Антипин. Он сообщил о маминой смерти (она умерла ночью)... Позже я узнал, что работа мобильного телефона может нарушить работу кардиостимулятора. И с тех пор мне не дает покоя мысль: «А не стал ли мой звонок причиной маминой смерти?»

Боря очень помог мне в делах, связанных с оформлением смерти. Мамино тело лежало в морге в холодильнике. Когда я его

увидел, мелькнула мысль: «Это – не мама. Мамы здесь давно уже нет».

Тело сожгли в крематории, потом выдали урну с прахом и соответствующими документами. Оля – моя первая жена – очень поддерживала меня тем, что сопереживала и была рядом. Она много сделала и для поминок. Очень поддержал и Юра Петров, с которым мама столько вместе работала и так по-настоящему подружилась. Помогали многие – друзья, сотрудники, соседи...

Поминки получились удивительно светлыми. Старые друзья вспоминали различные смешные истории из маминой жизни – студенческой, походной и всякой прочей. У меня даже создалось ощущение, что душа ее, такая светлая и хорошая, витает тут, рядом с нами...

Потом были еще всякие формальности, дорога в Крым... Я помнил, что года за два-три до смерти мама сказала, что хотела бы, чтобы ее сожгли, а прах развеяли над любимыми местами. А в другой раз она говорила, что хочет быть похороненной рядом со своими родителями. Я решил совместить оба ее пожелания. Я отсыпал часть маминого праха и стал обходить самые любимые мамины места вокруг Обсерватории, некоторые – в нескольких километрах от нее. Со мной были мои дети – Иришка и Олежка. В каждом месте мы рассеивали немного пепла. Это заняло не один день.

А остальной прах мы похоронили в урне рядом с ее родителями и бабушкой (бабином). Поминки в Научном были еще более многочисленными. И основную нагрузку по их организации взяла на себя Оля, за что я ей очень признателен. Здесь маму тоже вспоминали хорошо и светло. Такой она и осталась в человеческой памяти...

В.М. Бехтерев как педагог и педолог

Статья посвящена деятельности великого ученого В.М. Бехтерева, внесшего ценный вклад в развитие отечественной педагогики и зарождавшейся в это время новой науки – педологии. В статье анализируются взгляды ученого на развитие ребенка, знание его особенностей, развитие личности и на комплексный подход к изучению ребенка, к значимому периоду первого детства. Отмечается значение Бехтерева как одного из выдающихся последователей в развитии передовых идей Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского и других представителей российской педагогической и педологической науки.

Ключевые слова: развитие личности ребенка, комплексный подход, значение возраста первого детства, системное изучение детей.

F. Ratner, Russia, Kazan

V. Bekhterev as an educator and a pedologist

The article is devoted to the work of the great scientist V. Bekhterev, who made a valuable contribution to the development of national pedagogy and the new science that was emerging at that time – pedology. The article analyzes the views of the scientist on the development of the child, the knowledge of his features, the development of the personality and the comprehensive approach to the study of the child, to a significant period of the first childhood. The importance of Bekhterev as one of the outstanding followers in the development of advanced ideas of N. Pirogov, K. Ushinsky and other representatives of Russian pedagogical and pedological science is noted.

Key words: the development of the child's personality, comprehensive approach, the importance of the first childhood, systematic study of children.

Широкая и многообразная научная деятельность В.М. Бехтерева оставила яркий след во многих областях отечественной науки, в том числе в педагогике и педологии. Как выдающийся представитель антрополого-гуманистического и в то же время

синтетического направления в педагогической теории и практике, фундамент которого был заложен великими Н.И. Пироговым, И.М. Сеченовым, К.Д. Ушинским, а еще ранее И.И. Бецким, Н.И. Новиковым и другими, Бехтерев во многих своих работах последовательно развивал мысль о важности и значимости системного подхода к комплексному изучению детей, став тем самым одним из основоположников и пионеров педологического движения в России. Проблему изучения и развития ребенка он рассматривал целостно, связывая воедино психофизиологическое, нервно-психическое развитие и различные стороны воспитания (нравственного, духовного, физического, социального и др.).

Вслед за Пироговым Владимир Михайлович ратовал за всестороннее развитие личности, личности, отличающейся самостоятельностью и критичностью мышления. Как его современники и последователи (П.Ф. Лесгафт, И.А. Сикорский, В.П. Кашенко, Г.Я. Трошин, Л.С. Выготский и др.), ученый защищал идею уважения личности ребенка со дня его рождения, идею индивидуального подхода к ребенку с учетом его особенностей и интересов, поскольку позитивное развитие личности связывается с включением ребенка в общественные процессы обучения и воспитания. Детство при этом должно осознаваться обществом как период приобретения знаний, подготовки к дальнейшей взрослой жизни [1, с. 16]. Суть позиции вышеназванных ученых состояла в том, что только гуманный педагогический процесс способствует максимальному развитию личности ребенка и реализации его природного потенциала. Как и впоследствии Г.Я. Трошин, В.М. Бехтерев указывал на необходимость взаимосвязи медико-психологических и педагогических аспектов.

Как оригинальный теоретик воспитания В.М. Бехтерев разделял взгляды П.Ф. Лесгафта, утверждавшего, что целью воспитания является развитие самостоятельности человека, сознательно относящегося к окружающей среде [2]. Как и Лесгафт, Владимир Михайлович отводил основную роль в формировании личности ребенка воспитанию. Именно система всестороннего воспитания, по Бехтереву, способствует становлению человека гармонически развитого, физически здорового, духовно чистого и нравственно цельного. В работе (и в докладе на I Международном педологическом конгрессе в Брюсселе в 1911 г.) «Внушение и воспитание» ученый подробно и обстоятельно изложил свои взгляды на различные стороны воспитания [3, с. 151-168].

Под нравственным воспитанием он понимал развитие чувства социальной любви и сострадания, чувства правды и уважения ко всему общественно ценному, хорошему, чувства долга и обязанности. Именно в этом и заключается, по мнению Владимира Михайловича, основа взаимоотношений между людьми. Что же касается умственного воспитания, то Бехтерев полагал, что развитие ума вовсе не представляется тождественным приобретению познаний, тем более, что можно быть человеком достаточно образованным и в то же время умственно малоразвитым. Большое внимание ученый уделял и физическому воспитанию, которое играет решающую роль в развитии энергичности, находчивости, решительности, способности к инициативе и стойкости, т.е. тех качеств, которые объединяются общим понятием воли и самостоятельности – этого ценного дара человеческой личности.

Значительное место в работах В.М. Бехтерева уделено возрасту первого детства. Он явился новатором в этом вопросе, поскольку утверждал, что воспитание должно начинаться с первых дней жизни ребенка, а внушение рассматривал как один из воспитательных приемов, который играет особенно важную роль как раз в возрасте первого детства. Исследования Владимира Михайловича о развитии языка, детского рисунка, внимания, нервно-психической деятельности, о воспитании в первом детстве и многие другие представляют собой весьма ценный вклад в педологическую литературу [4, с. XXXVII].

Нельзя обойти вниманием работы Бехтерева «О социально-трудовом воспитании» и «Личность и условия ее развития и здоровья», где были обоснованы факторы и условия развития здоровой личности. Прежде всего, имеет смысл обратить внимание на взаимоотношения детей, которые играют существенную роль в развитии личности, и отношения эти должны строиться, по убеждению знаменитого психоневролога, на демократических началах сотрудничества, уважения к личности другого, усвоения общественных обязанностей и гражданского долга [3, с. 229]. Эти высказывания В.М. Бехтерева как нельзя более актуальны и в настоящее время. Что касается развития личности, то ученый считал, что первым и основным условием правильного воспитания является природа организма, наследие родителей и те антропологические особенности, которые составляют почву для развития личности. Другим фактором он называл биологический, связанный с условиями зачатия и развития человеческого организма. Только

гармоническое развитие тела и духа, подчеркивал Владимир Михайлович, обеспечат правильное совершенствование личности [3, с. 239-241].

Таким образом, по Бехтереву, нужно прежде всего заботиться «о развитии критики и самостоятельного мышления, которое и составляет истинный залог самостоятельности будущей личности <...> Воспитание и обучение должны преследовать своей целью выработать личность как самостоятельную социальную единицу» [5].

Как уже упоминалось, значительное место в работах В.М. Бехтерева занимает проблема возраста первого детства. «Возраст первого детства, – писал ученый в 1908 году в статье “Задачи Психоневрологического института”, – есть именно тот возраст, в котором впервые формируются первоначальные устои будущей личности и впервые начинают обрисовываться особенности ее нервно-психической организации» [6, с. 56]. Более того, знаменитый психоневролог подчеркивал особо, что основы будущей личности коренятся еще в дошкольном возрасте и, следовательно, правильное и рациональное воспитание должно начинаться с первых дней жизни ребенка, поэтому для цельного развития личности следует постепенно приучать к систематическому труду, развивать самостоятельность мышления, широкое мирозерцание, критический взгляд и стойкость характера [3, с. 249].

Обращая пристальное внимание на общие и основные условия, на которые должно опираться рациональное образование, В.М. Бехтерев писал, что оно должно быть всеобщим и бесплатным, сообразовываться как с возрастом, так и с физическим состоянием и развитием организма, иметь в виду особенности психического состояния и в этом отношении должно быть индивидуализировано; школа при этом должна заботиться о развитии самостоятельной личности с критическим умом и самостоятельным отношением к окружающей действительности, об устранении того порабощения духа, которое так легко прививается человеку с молоком матери. Окончательное завершение развития личности создается социальными условиями окружающей среды. Вот почему, утверждал В.М. Бехтерев, борьба за свободу личности является в то же время и борьбой за правильное и здоровое ее развитие, а права личности есть показатель ее развития как социальной единицы [3, с. 250-255]. Вслед за ученым те же идеи развивали крупные российские педагоги и педологи, а Л.С. Выготский так-

же отмечал, что социальная полноценность есть конечная цель воспитания.

Бехтереву удалось воплотить свою идею комплексности в форме создания Психоневрологического института. Являясь мозговым центром, учреждение было связано с другими, входящими в Психоневрологическую академию и возглавляемыми Владимиром Михайловичем, в том числе Детским обследовательским институтом по изучению трудных и одаренных детей, Центральной вспомогательной школой для дефективных детей, Институтом морального воспитания для изучения форм моральной дефективности и антисоциальных проявлений в детском возрасте, Педологическим институтом. Этот опыт еще требует своего самого серьезного изучения, анализа и осмысления, справедливо отмечают крупные российские ученые XX века Б. Ломов, В. Кольцова и Е. Степанова [7, с. 443].

В данной статье нам удалось осветить лишь небольшой аспект деятельности выдающегося ученого, организатора и основоположника новых научных направлений, психолога, педагога, педолога, крупного общественного деятеля, число работ которого превышает 600. Это был неутомимый труженик с кипучей энергией, многогранный ученый, восемь лет деятельности которого прошли в стенах Казанского университета, что является предметом особой гордости автора, работающего в нем более 53 лет.

Примечания

1. Психология развития, возрастная психология / Под общ. ред. Л.И. Щербакова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. – 220 с.

2. Лесгафт П.Ф. Избр. пед. сочинения / Сост. И.Н. Решетень. – М., 1990.

3. Бехтерев В.М. Избр. труды по психологии личности в двух томах. Т. II. Объективное изучение личности. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1999. – 281 с.

4. Поварнин К.И. Бехтерев как педолог / Сборник, посвященный В.М. Бехтереву к 40-летию профессорской деятельности (1885-1925). – Л.: Издание госуд. психоневр. академии и Госуд. рефлексолог. института по изучению мозга, 1926. – 710 с.

5. Бехтерев В.М. Охрана детского здоровья: к вопросу о воспитании детей дошкольного возраста. – СПб., 1911. – 23 с.

6. Просецкий В.А. В.М. Бехтерев как психолог и педагог / Ученые записки. Вып. III. – Липецк: Ленинское знамя, 1957. – 73 с.

7. Ломов Б.Ф., Кольцова В.А., Степанова Е.И. Очерк жизни и научной деятельности В.М. Бехтерева / Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 476 с.

**О научно-творческом наследии
великого В.М. Бехтерева
(к 160-летию со дня его рождения)**

Работа посвящена казанскому и петербургскому периодам биографии прославленного ученого, ознаменованным большим количеством достижений в самых разнообразных сферах медицины.

Ключевые слова: Бехтерев, Петербург, Казань, наука, медицина.

A. Sozinov, M. Ismagilov, E. Yakupov; Russia, Kazan

**On the scientific and creative heritage
of the great V. Bekhterev
(for the 160th anniversary of his birth)**

The work is devoted to the Kazan and Petersburg periods of the biography of the famous scientist, marked by a large number of achievements in the most diverse fields of medicine.

Key words: V. Bekhterev, St. Petersburg, Kazan, science, medicine.

В творческой и научной деятельности Владимира Михайловича Бехтерева условно можно выделить казанский и петербургский периоды. Первый из них сформировал Бехтерева как исследователя-энциклопедиста, стремящегося интегрировать в своей работе достижения многих наук. Во время второго периода взгляды ученого получили свое блестящее всестороннее воплощение и позволили ему стать величиной мирового масштаба.

В Казанском университете В.М. Бехтерев провел 8 плодотворных лет жизни (1885-1893) и именно здесь развернул широкую экспериментальную и клиническую практику. По началу, однако, Бехтерев пытался избежать переезда в Казань, выдвинув министру народного просвещения, как казалось ученому, «неприемлемые условия». К своему удивлению Владимир Михайлович, будучи в заграничной командировке, узнал, что все его требования

министр обещал выполнить. Ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Еще до приезда знаменитого психоневролога в Казани были созданы видные школы анатомов (Е.Ф. Аристов, Д.С. Ермаков, А.М. Фортунатов), физиологов (Н.О. Ковалевский, Н.А. Миславский), гистологов (К.А. Арштейн), фармакологов (И.М. Догель), патологоанатомов (А.В. Петров, Н.М. Любимов), гигиенистов (А.И. Якобий, И.П. Скворцов), терапевтов (Н.А. Виноградов, С.В. Левашов, М.А. Хомяков, Н.А. Засецкий), работали здесь и другие известные ученые.

Бехтерев органично вписался в научный коллектив Казанского университета, активно участвовал в общих исследованиях и увлекал своими новаторскими идеями представителей различных медицинских дисциплин. Очень скоро, несмотря на свою молодость, он стал центром генерации идей в области нейроморфологии и их активным исполнителем. Удивительная работоспособность, умение видеть общие закономерности даже в конкретных фактах, иногда в единичных случаях, сплотили вокруг В.М. Бехтерева и талантливую молодежь, и маститых ученых.

В Казани он основал свою первую научно-клиническую школу (П.О. Останков, Б.И. Воротынский, Н.Н. Реформатский и др.), идеологически тесно связанную с уже существовавшими там морфологической и физиологической школами (К.А. Арнштейн, А.С. Догель, Н.А. Миславский и др.). Владимир Михайлович также способствовал привлечению на кафедру нервных болезней видного невропатолога Л.О. Даркшевича.

В период работы в Казанском университете Бехтерев исследовал роль двигательной коры головного мозга в психических функциях человека, осуществил многочисленные нейроморфологические исследования строения проводящих путей мозга, открыл ряд нервных образований, некоторым впоследствии было присвоено его имя.

Так, В.М. Бехтерев:

- впервые выявил и описал скопление клеток дорсальнее ядра Дейтерса, имеющее отношение к корешку (вестибулярному) слухового нерва (ядро Бехтерева);

- изучил и охарактеризовал распределение в сером и белом веществе центральной нервной системы задних корешков спинного мозга;

- впервые описал наружный ассоциативный слой коры мозга (Бехтеревская полоска) и три ранее неизвестных пучка в спинном мозге;

- подробно изучил ретикулярную формацию и описал ряд нервных пучков и ядер в мозговом стволе;

- установил происхождение переднего корешка слухового нерва из преддверной части (г. vestibularis), а заднего корешка – из улитковой части (г. cochlearis) слухового нерва.

Опираясь на результаты своих исследований, Владимир Михайлович подготовил первое издание «Проводящих путей мозга» и в 1892 г. опубликовал этот труд в «Ученых записках Казанского университета». Вышедшее в 1893 г. отредактированное и дополненное второе издание «Проводящих путей спинного и головного мозга» было удостоено премии Бэра Российской академии наук. В этой работе Бехтерев впервые дал полное и систематизированное описание связей, существующих в различных отделах спинного мозга, и хода нервных путей в разных отделах ЦНС, представил систему строения головного и спинного мозга. Эта книга была переведена на иностранные языки и принесла ее автору всемирную известность.

В Казани В.М. Бехтерев создал первую в России психофизиологическую лабораторию. В области клинической психиатрии он предложил новую оригинальную классификацию душевных расстройств, описал ряд новых психопатологических симптомов, организовал госпитальную психиатрическую клинику на базе Окружной психиатрической лечебницы.

С неврологическими больными В.М. Бехтерев работал вне клинической базы университета – в Казанском военном госпитале и Губернской земской больнице, где при его участии были созданы неврологические отделения. Результаты работы в этих учреждениях нашли отражение во многих его научных трудах. В частности, в газете «Врач» в 1892 г. впервые в мировой литературе был опубликован материал «Одеревенелость позвоночника с искривлением его как особая форма заболевания». Это расстройство по справедливости должно носить название болезни Бехтерева.

Одним из первых Владимир Михайлович стал изучать мозг количественно, сконструировав множество оригинальных приборов: пневмограф, рефлексометр, пружинный молоток для измерения коленных рефлексов, прибор для исследования звукопрони-

цаемости черепных костей, приспособления для исследования волосковой чувствительности и др. Он создал модель проводящих путей и центров головного мозга, открыл ряд нормальных и патологических рефлексов, названных его именем.

Методом раздражения, или экстирпации отдельных участков мозга, Бехтерев в творческом союзе с Н.А. Миславским открыл корковые центры, в том числе теплорегуляции сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, печени, почек, мочевого пузыря и половых органов. Совместно с И.К. Мейером ученый установил роль коры головного мозга в развитии эпилептических припадков. Кроме «Проводящих путей головного и спинного мозга» В.М. Бехтерев также написал в Казани двухтомный труд «Нервные болезни в отдельных наблюдениях». Обе монографии стали настольными книгами неврологов России и Европы.

Глубоко осмыслив с высоты познанного значение дифференциации неврологических знаний, а также необходимость объединения наук о мозге и психике, Владимир Михайлович ввел понятие «неврология», выступив горячим сторонником объединения невропатологии и психиатрии под этим термином. Он явился предтечей нейронаук, которые получили ныне гражданство во всем мире и объединяют нейрофизиологию, нейроморфологию, клиническую неврологию, нейрохиргию, психиатрию, психологию и другие медицинские направления. Великий ученый предвидел их грядущую интеграцию.

В области психофармакологии Бехтерев создал микстуру с седативным и антиконвульсивным действием для лечения эпилепсии и других нервных расстройств. Также разработал и широко внедрил в практику методику коллективной психотерапии алкоголизма и оригинальную психотерапевтическую методику для лечения пограничных состояний. Ученый создал третье в России общество невропатологов и психиатров, объединявшее не только врачей узких специальностей, но и психологов, педагогов, юристов. Владимир Михайлович начал издавать журнал «Неврологический вестник» и неоднократно поднимал вопрос о постройке отдельной психиатрической клиники Казанского университета, что и было в дальнейшем осуществлено.

В 1893 г. В.М. Бехтерев занял кафедру психиатрии и нервных болезней в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, заменив своего учителя И.П. Мерзеевского, ушедшего на пен-

сию. Знаменитый ученый не хотел уезжать из Казани. Как он отметил в «Автобиографии» в 1927 г.: «...так был удовлетворен научной работой..., так сжился с лучшими научными представителями славного своими традициями медицинского факультета», что «внутренне запротестовал... и вообще обнаружил немало колебаний».

Приехав в Казань молодым и энергичным доктором медицины, В.М. Бехтерев уезжал всемирно известным ученым и организатором. При этом всю свою последующую жизнь он не прерывал связей с казанскими учеными и неоднократно указывал на ту важную роль, которую сыграл казанский период деятельности в его становлении как ученого и организатора науки и практики.

В alma mater – Военно-медицинской академии (ВМА), куда его пригласили в 1893 г. заведовать кафедрой душевных и нервных болезней, – Владимир Михайлович за 20 лет, вплоть до своей отставки в 1913 г., провел огромную работу, создавшую славу и высочайший авторитет своей знаменитой фамилии. Он развернул научную и клиническую деятельность в новой психиатрической клинике ВМА, выстроил образцовую клинику нервных болезней с нейрохирургическим блоком.

В эти годы вышли классические труды ученого «Проводящие пути спинного и головного мозга» (в 2-х томах), «Основы учения о функциях мозга» (в 7-ми выпусках), «Объективная психология» (3 выпуска), «Неврологические и психиатрические наблюдения» (2 тома), «Внушение и его роль в общественной жизни» (3 издания), «Психика и жизнь» (2 издания), «Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение», «Общая диагностика болезней нервной системы». Начали печататься журналы «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии», продолжилось издание журнала «Неврологический вестник» в Казани...

На торжествах, посвященных 40-летию профессорской деятельности В.М. Бехтерева (1925 г.), многочисленные коллеги и другие выступавшие говорили, что к тому времени он имел около 5000 учеников. Не будем судить о полной объективности этих сведений, тем не менее, следует отметить, что из тысяч учеников и последователей Владимира Михайловича многие стали нейрофизиологами, невропатологами, нейрохирургами, психиатрами, педологами и педагогами, профессорами, академиками, научны-

ми деятелями, организаторами российских научных школ, институтов и вузов и в дальнейшем продолжали свою деятельность в клиниках и лабораториях, создав собственные научные направления и школы и продолжая развивать дело своего наставника в различных направлениях науки о мозге.

Сформировалась бехтеревская школа, в составе которой были представители Санкт-Петербурга (М.И. Аставацуров, Е.А. Вендерович, Б.С. Дойников, М.Н. Жуковский, С.В. Молотков, М.П. Никитин, Л.Я. Пиннес, Лазурский, Пуусепп); Москвы (П.К. Анохин, А.С. Грибоедов, М.В. Ланг, В.Н. Мясищев, К.И. Маркелов, В.П. Протопопов, Л.И. Школьников, Иванов-Смоленский); Казани (М.К. Валицкая, В.И. Васильев, Е.А. Геника, М.Е. Гран, А.И. Диомидов, С.Д. Колотинский, А.Ф. Мальцев, И.К. Мейер, В.П. Осипов, Н.Н. Реформатский, Н.Я. Смелов, А.Д. Сперанский, А.Е. Тодоровский, Г.Я. Трошин, Н.И. Федоров, Т.И. Юдин, А.Е. Янишевский); а также И.А. Бродский (Санкт-Петербург, Москва), Б.И. Воротынский и П.А. Останков (Санкт-Петербург, Казань), А.Р. Лурия и Я.А. Ратнер (Москва, Казань), Л.И. Омороков (Казань, Томск), Н.Е. Осокин (Казань, Саратов), С.Е. Топорков (Казань, Иркутск), В.А. Ершов (Волгоград), Н.М. Иценко (Екатеринбург), А.С. Хмелевский (Хабаровск) и многие другие.

Владимир Михайлович не ограничивал свою деятельность рамками ВМА, у него был громадный социально направленный потенциал, который постоянно искал выражения. Это проявилось в организации кафедры неврологии в Женском медицинском институте (1897), создании негосударственного Психоневрологического института (1907) и Экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма (1912). Публичные выступления ученого становились общественным событием. Достаточно упомянуть о его известной речи «Личность и условия ее развития и здоровья» на 2-м съезде психиатров в 1905 году в Киеве, когда ему устроили овацию и вынесли на руках на улицу после того, как он заключил свое выступление стихотворением М.Ю. Лермонтова «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня...».

После Октябрьской революции ученый получил всемерную поддержку властей. В 1918 г. его назначили директором Института по изучению мозга и психической деятельности (впоследствии – Институт мозга). В том же году вышла в свет его обобщающая книга «Общие основы рефлексологии» (1-е издание). В 1921

г. была создана Психоневрологическая академия, и В.М. Бехтерев стал ее президентом. Выражением большого общественного признания ученого явилось его избрание депутатом Петроградского совета (1920). В 1925 г. было торжественно отмечено 40-летие профессорской деятельности Владимира Михайловича, а в 1927 г. ему присвоили звание заслуженного деятеля науки.

Физически и духовно ученый был крепок, несмотря на 70-летний возраст. Ничто не предвещало скорого конца, когда в декабре 1927 г. он отправился из Ленинграда в Москву на первый Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров. Там он выступил с докладом 22 декабря, а поздно вечером 24 декабря скончался от отравления консервами (по официальной версии). Внезапная смерть столь выдающегося человека породила немало легенд и домыслов, возникших в 1920-е годы, сохранившихся до сих пор и зачастую заслоняющих адекватное восприятие личности и деятельности ученого.

О Владимире Михайловиче можно говорить много и долго. Являясь родоначальником целостного подхода к изучению мозга, синтезируя клинико-морфологическое и клинико-физиологическое направления, Бехтерев в конце XIX века выступил как один из ведущих исследователей мозга. Возглавляя кафедру душевных болезней медицинского факультета Казанского Императорского университета и глубоко осмыслив значение дифференциации знаний о мозге, уже на начальном этапе своей деятельности ученый настойчиво пропагандировал необходимость и своевременность объединения наук о мозге и психике, обосновывая емкий термин «неврология».

Он явился предтечей нейронаук, получивших ныне право гражданства во всем мире и объединяющих нейрофизиологию, нейроморфологию, невропатологию, психиатрию, психологию и другие отрасли медицины. Не осталось уголка в неврологии, куда бы не заглянул пытливый ум Владимира Михайловича. Бехтерев опубликовал более 700 научных трудов и руководств для врачей.

Все аспекты и направления многогранной деятельности титана неврологической науки очень сложно охватить в рамках приблизительного обобщения. Тем не менее, позвольте перечислить лишь основные открытия ученого, признанные при его жизни и вошедшие в различные руководства.

1. В нейроанатомии и морфологии мозга:
 - верхнее вестибулярное ядро (ядро Бехтерева);

- полоска нервных волокон между I и II слоями коры больших полушарий (полоска Бехтерева);

- сетчатое ядро покрышки моста головного мозга;

- центральный пучок покрышки, связывающий нисходящими волокнами базальные ганглии с нижними оливами;

- впервые описан ряд проводящих путей и других ядер ЦНС.

2. В нейрофизиологии:

- установлена локализация в двигательных областях коры больших полушарий центра обособленных и заученных движений у дрессированных собак;

- определено расположение вкусового центра у человека в коре больших полушарий в области operculum;

- выяснена роль таламуса как передаточного звена кортикофугальных и кортикопетальных связей;

- совместно с Н.А. Миславским описано наличие центров внутренних органов в коре больших полушарий.

3. В невропатологии:

- впервые выделена болезненная одеревенелость позвоночника (болезнь Бехтерева, или болезнь Бехтерева-Штрюмпеля-Мари);

- постапплексическая гемитония (гемитония Бехтерева);

- хореическая падухая как особый вид миоклонус-эпилепсии (синдрома Унферрихта-Лунлборга);

- сифилитический множественный (рассеянный) склероз;

- острая мозжечковая атаксия (чаще всего при алкоголизме);

- особая форма лицевого тика;

- акроэритроз.

4. В психиатрии:

- впервые описаны новые формы фобий и навязчивых состояний (боязнь покраснеть, подавиться, боязнь великого входа у священников, чужого взгляда, боязнь опоздать, одержимость гадами – рептилофрения, навязчивая улыбка, потение рук и др.);

- выделена особая форма бреда под гипнозом («бред гипнотического очарования»);

- своеобразное расстройство акта глотания под названием *Dysphagia psychica*.

5. В психологии создана теория объективной психологии, или рефлексологии.

6. Именем В.М. Бехтерева названы:

- физиологические рефлексы (лопаточно-плечевой, акромиальный, орбикулярный, выдыхательный рефлекс большого вертела);

- патологические рефлексy (тыльно-стопный, запястно-пальцевой);

- симптомы (болезненность икроножных мышц как ранний признак спинной сухотки, болезненность при постукивании по скуловой дуге как симптом поражения основания мозга; симптом ошущения движения в парализованных конечностях; пароксизмальная походка мелкими шажками при постэнцефалитическом паркинсонизме).

Перечисленное дает возможность убедиться в масштабах творческого размаха ученого, равновеликого в столь сложных областях, объединенных под наименованием «нейронауки».

Об интеллектуальных возможностях В.М. Бехтерева ходили легенды. Приведу лишь один пример. Ф. Копш, немецкий анатом и современник Владимира Михайловича, в одном из своих публичных выступлений сказал: «Знают прекрасно устройство мозга только двое: Бог и Бехтерев». К этому комментарии излишни – такими словами никого и никогда не оценивали.

В заключение позвольте напомнить о мероприятиях по увековечению памяти ученого. Так, в год 125-летия со дня рождения Бехтерева урну с его прахом предали земле на Волковом кладбище Санкт-Петербурга неподалеку от его оппонента И.П. Павлова и установили надгробный памятник. По этому случаю была выпущена почтовая марка. В РАМН была учреждена премия им. В.М. Бехтерева за работы по неврологии и психиатрии, присуждаемая 1 раз в 5 лет. Родное село Владимира Михайловича Сарали переименовали в Бехтерево. В Санкт-Петербурге появилась улица имени ученого, в 1960 г. на ней поставили его прекрасный памятник-бюст. Имеются улицы В.М. Бехтерева в Москве, Уфе и других городах, а в Кишиневе есть даже медицинский колледж его имени.

В 2005 г. Владимиру Михайловичу соорудили памятник-бюст в Казани в сквере на улице Волкова, открыли мемориальную доску на здании клиники, где работал ученый. В Вахитовском районе города память о великом ученом увековечили в названии улицы, его имя носит и Казанская городская психоневрологическая больница.

Основанный Бехтеревым в 1893 г. журнал «Неврологический вестник» не издавался с 1918 г. (в течение 75 лет). В 1993 г. он был возрожден нами с присвоением ему имени создателя в 1995 г. В том же году имя В.М. Бехтерева было присвоено нами и другому его де-

тищу – Научно-медицинскому обществу неврологов Республики Татарстан.

Всколыхнул общественность 150-летний юбилей В.М. Бехтерева. В связи с этим проводились многочисленные конференции, памятные чтения в Москве, Санкт-Петербурге, Казани. Жители Елабуги приурочили к этой дате открытие Музея уездной медицины имени Владимира Михайловича, а в январе 2007 г. здесь состоялось открытие памятника ученому. С этого же года Казанская республиканская психиатрическая больница (бывшая окружная психиатрическая больница, открытая в 1869 г., в которой практиковал молодой профессор) носит имя В.М. Бехтерева; выпущена еще одна почтовая марка.

Гений опережает время. В.М. Бехтерев опередил его на целое столетие. Последнее десятилетие XX века Организация Объединенных Наций определила как Десятилетие мозга. На Всеевропейском конгрессе неврологов, который состоялся в декабре 1991 года в Вене, центральной проблемой были нейронауки. В настоящее время издаются журналы по нейронаукам, существуют Европейский клуб мозга, специализированные научные общества. В мае 1991 года в Ростове Великом было организовано Российско-Германское общество нейронаук. При Российском медицинском университете учрежден Международный центр нейронаук – «Ин-тернейросайнс».

Творческое наследие великого Бехтерева будоражит научную мысль, напоминает о трудных и еще нерешенных проблемах психиатрии и неврологии, призывает развивать психоневрологию в русле важнейших традиций науки о мозге. Завершая повествование о великом неврологе, мы позволили себе воспользоваться словами из стихотворения основателя русской поэзии, учителя А.С. Пушкина, замечательного нашего земляка Гавриила Романовича Державина (потомка известного татарского рода мурзы Ба-грима):

Река времен в своем течение
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Однако с нашим В.М. Бехтеревым этого не произошло: его помнят, и мы помним, его любят, и мы любим, его чтят вот уже третье столетие, и мы с вами чтим его и будем чтить! Таким образом, Владимир Михайлович Бехтерев мог бы воочию убедиться, что его социальное бессмертие, о котором он так много и страстно говорил и писал, обеспечено благодарной памятью соотечественников.

*А.М. Карпов, Ф.Г. Зиганшин, Д.Г. Семенихин, Р.Р. Набиуллина,
М.А. Шмакова, М.В. Кирюхина, Т.А. Малыгина, О.В. Башмакова,
Е.Б. Михайлова, И.В. Миндубаев, В.В. Герасимова,
О.В. Захарова, И.М. Тазетдинов; Россия, Казань*

Развитие биопсихосоциального направления в трудах казанских психиатров в современную эпоху

Статья информирует о развитии разработанного В.М. Бехтеревым биопсихосоциального направления изучения человека и его поведения. Раскрывается принцип нормативной иерархии возрастания масштабов и приоритетов потребностей человека от биологических через социальные к духовным. Этот принцип переносится на изучение расстройств психики и поведения, их лечение, на организацию здравоохранения, образовательную деятельность, меры противодействия информационной войне,

Ключевые слова: биопсихосоциальная концепция человека, медицина, социум, управление.

*A. Karpov, F. Ziganshin, D. Semenihin, R. Nabiullina,
M. Shmakova, M. Kiryuhina, T. Malygina, O. Bashmakova,
E. Mihaylova, I. Mindubaev, V. Gerasimova,
O. Zaharova, I. Tazetdinov; Russia, Kazan*

Development of biopsychosocial direction in the learned writings of Kazan psychiatrists in the modern era

The article informs about the development of the biopsychosocial direction in the study of a person and his behavior developed by V. Bekhterev. The principle of the normative hierarchy of increasing scope and priorities of human needs from biological through social to spiritual ones is revealed. This principle is transferred to the study of mental disorders and behavior, their treatment, the organization of health care, educational activities, measures to counter information war.

Key words: human biopsychosocial concept, medicine, society, management.

Великий вклад В.М. Бехтерева в мировую науку состоит в том, что он разработал современные представления о содержательно-смысловой и структурно-функциональной организации человека, стратегию и методологию его исследования. Владимир Михайлович интегрировал и систематизировал знания о человеке, разделенные между медициной, психологией, социологией, педагогикой в единое научное направление, в котором, по определению Н.Г. Незнанова и М.А. Акименко [1, 2], «человек рассматривался как многоуровневая иерархически организованная система с переходом в понимании ее целостности от одного уровня к другому, более высокому и сложному». По сути, ученый разработал конструктивное представление о человеке как существе биопсихосоциальном, хотя термин «биопсихосоциальный» ввел G. Engel только в 1980 г. [3].

Интегративный, мультидисциплинарный «бехтеревский» подход организует пространство профессиональной деятельности психиатров, наркологов, психотерапевтов, психологов, педагогов. Он обеспечивает гармоничность соотношения в мышлении специалистов дифференциации генетических, наследственных, натальных (родовых), этиологических, патогенетических, психопатологических, психологических, поведенческих, социальных, духовных, фармакотерапевтических, саногенетических и других составляющих психики и поведения с их интеграцией в нозологические формы, определенные в рубриках Международной классификации болезней (МКБ). Если современная научная парадигма определена как биопсихосоциальная, то следует признать, что В.М. Бехтерев на целый век предопределил развитие наук о человеке. Свидетельством тому является современная формулировка Всемирной организации здравоохранения понятия «здоровье»: «...это не только отсутствие болезни, но и состояние полного физического, социального и духовного благополучия». То есть, здоровье человека складывается из конструктивных элементов, указанных В.М. Бехтеревым.

В Казани Владимир Михайлович жил и трудился с 1885 по 1893 год. Казанские психиатры продолжили развитие созданного им интегративного направления и в большинстве своем выполняли исследования на стыке наук. Доцент И.С. Болотовский работал на стыке психиатрии и истории медицины [4], основал музей истории Республиканской психиатрической больницы МЗ РТ. В 80-е годы XX века Болотовский вместе с Д.Г. Ениткеевым разра-

батывал патографию как научное направление и метод всестороннего изучения личностных и патологических особенностей выдающихся людей, достигших компенсации своей биологической недостаточности благодаря более полной реализации духовных и социальных ресурсов [5]. В результате получилось своеобразное объединение медицины (психотерапии, реабилитации), психологии и педагогики.

Казань стала центром изучения церебральных механизмов психических заболеваний. Так, профессор В.С. Чудновский прекрасно знал психиатрию и смежные науки – неврологию, физиологию, электроэнцефалографию, рентгенологию, психологию, фармакологию. Профессор Д.М. Менделевич изучал вербальный галлюциноз с глубоким знанием электроэнцефалографических и рентгенологических методов. Ученики В.С. Чудновского, Д.М. Менделевича, а далее и их ученики, будучи великолепными клиницистами, проводили исследования в смежных областях: генетики – М.А. Шмакова; физиологии – Т.Г. Медведкова и Н.Н. Идрисов; патофизиологии – А.К. Сайфуллина и А.А. Ослопова, фармакологии – Н.А. Блюхерова, А.М. Фролова, А.М. Карпов, С.А. Акберова, Д.Г. Семенихин, Н.С. Макаровичков и А.Г. Жилев; гигиены труда – Т.Н. Орлова, К.К. Яхин и Г.В. Орлов; гинекологии – В.Д. Менделевич и О.О. Чистякова; медицинской психологии – Ю.А. Калмыков, Т.М. Князева, М.В. Кирюхина, О.В. Башмакова, И.М. Тазетдинов; наркологии – И.А. Классен, А.М. Валеева, Л.К. Шайдукова, Г.В. Сулимков; кардиологи – Р.Р. Набиуллина; эндокринологии – Е.Б. Михайлова; организации здравоохранения – Ф.Ф. Гатин и Б.Д. Менделевич. Профессор Д.Г. Еникеев изучал патоморфоз психических расстройств, обусловленный терапией. Было показано, что масштаб последствий терапии шире и сложнее, чем собственно фармакологическое действие препаратов. В результатах терапии реализуются ресурсы мозга, личности и общества.

В 1983 г. в Казанском ГИДУВе на базе РКПБ им. акад. В.М. Бехтерева профессор И.Е. Зимакова организовала кафедру клинической фармакологии и фармакотерапии. Создались условия для интеграции психиатрии и фармакологии. А.М. Карпов выполнил докторскую диссертацию по исследованию влияния психотропных препаратов на психопатологические проявления и трудовую деятельность психически больных.

Доцент Д.Г. Семенихин, заведующий этой кафедрой в настоящее время, провел фундаментальное исследование интеграции психосоциальных факторов (включая архетипы, отраженные в русских народных сказках; представления о психически больных в средствах массовой информации, учебных программах профессиональной подготовки врачей, социуме) в механизмы формирования побочных эффектов антипсихотической терапии у больных параноидной шизофренией.

Казанские психиатры смело выходили за рамки своей специальности, охотно объединялись со специалистами смежных наук. Развитие мультидисциплинарного направления происходило в разработке новых методик лечения психических заболеваний. Были проведены исследования результатов комплексного лечения с использованием психофармакотерапии: с рефлексотерапией – Г.В. Сулимковым; с электросудорожной терапией – А.К. Комиссаровым; с самооздоровительной деятельностью – Ж.Р. Гардановой; с трудотерапией – А.М. Карповым и И.М. Валиуллиной; с психотерапией – Р.Р. Набиуллиной, А.М. Карповым, Д.Г. Семенихиным и М.А. Мельниковым.

Развитие биопсихосоциальной парадигмы стало научным направлением кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии Казанской государственной медицинской академии и РКПБ им. акад. В.М. Бехтерева МЗ РТ (с приходом на кафедру в 1996 г. профессора А.М. Карпова). Биопсихосоциальный принцип, разработанный В.М. Бехтеревым, был дополнен и конкретизирован тем, что перенесен на основные потребности человека – биологические, психологические, социальные и духовные. Их надо было не только определить, но и соединить между собой в действующую конструкцию, соотнести по конфигурации, размерам, функциональной значимости, целевой направленности, определить критерии нормативности. Эта задача была решена использованием матрешечного (голографического) образа и модели трехуровневой потребностно-иерархической структуры человека с нормативным возрастанием масштабов потребностей от биологических через социальные к духовным [6].

Способ познания мира и функционирования в нем определен как резонансный на всех уровнях (матрешечных контурах). Научное мировоззрение сблизилось с религиозным, выделяющим те же структурно-функциональные элементы – тело, душу, дух (святая троица; Бог-Отец, Сын, Дух Святой и т.д.).

Биологические потребности человека предназначены для обеспечения организма пластическими и энергетическими ресурсами. В модели матрешки они соответствуют внутренней фигуре, имеющей самый малый масштаб, потому что «размеры» биологических потребностей естественным образом лимитируются количествами воздуха, воды, пищи и других материальных ресурсов, необходимых, согласно расчетам гигиенистов, для полного и сбалансированного удовлетворения потребностей организма.

Социальные потребности проявляются в стремлении людей иметь образование, работу, карьеру, семью, дружить, общаться, развлекаться и т.д. Они выходят за пределы тела, но их «размеры» также конечны. Большинству людей достаточно одной профессии, одной семьи, определенного круга друзей и т.д. Правовые и культурные нормы оформляют и ограничивают размах и способы удовлетворения материальных потребностей. Масштаб социальных потребностей в матрешечной модели соответствует среднему контуру.

Духовные (нравственные) потребности наполняют смыслом, оформляют и определяют всю конструкцию в целом. Их удовлетворение мотивирует людей к обретению знаний, творчеству, служению идеям, воспитанию детей, охране и укреплению Родины, передаче потомкам материального, культурного и духовного наследия предыдущих поколений. Нравственные потребности выходят за пределы индивидуальных и потребительских, ограничивают их. Развитие духовности является самым цивилизованным и достойным человека способом гуманизации и гармонизации отношений между людьми и народами, гражданами и государством для интеграционных процессов в обществе. Масштаб нравственных потребностей больше масштабов социальных и материальных потребностей и соответствует наружному контуру матрешки.

Эта «трехмерность», или триединство человека является его нормой, конструкцией, признаваемой всеми мировыми религиями и науками. Принцип триединства объективный и универсальный, поэтому его можно применять для экспертных оценок гармоничности человека, коллектива и общества, деятельности людей, государства, международного правительства. Все, что делается людьми и для людей в медицине, социальной сфере, искусстве, политике и т.д., имеет эти три измерения. Это современная идеология, методология и технология интеграции конкурентов — людей и государства; больных, врачей и организаторов здраво-

охранения; детей и родителей; учащихся и учителей; трудящихся и управляющих.

Биопсихосоциальная модель стала развиваться нами во многих направлениях – для конструктивного анализа клинических проявлений психических и поведенческих расстройств, совершенствования организации психиатрической и наркологической помощи, профилактики саморазрушительного поведения, анализа влияния на психическое здоровье деструктивных элементов музыки, танцев, телепродукции, рекламы, средств массовой информации, формирующих общественное сознание, для рекомендаций политикам по предотвращению чрезвычайных ситуаций, борьбы с коррупцией, терроризмом и т.д.

Переход к биопсихосоциальной парадигме обуславливает соответствующие изменения психиатрической науки и практики, изучение удовлетворенности биологических, социальных, психологических и духовных потребностей у всех участников лечебного процесса – пациентов, врачей, медсестер, санитаров и родственников больных. Такие исследования выполнены троекратно с интервалом в 5 лет в трех учреждениях: Республиканской клинической психиатрической больнице им. акад. В.М. Бехтерева и Республиканском наркологическом диспансере Минздрава РТ, а также Казанской психиатрической больницы (стационаре) специализированного типа с интенсивным наблюдением Минздрава РФ [7]. В результате получено много интересной информации.

В частности, установлено, что работа врачей удовлетворяет их духовные потребности на 90%, социальные на 60%, а материальные – на 30%. Высказано много полезных предложений для оптимизации психиатрической помощи, соответствующей запросам и возможностям всех участников лечебного процесса и позволяющей повысить эффективность лечения при снижении материальных затрат на него за счет реализации потенциала самооздоровительной деятельности. В ней естественным образом реализуются духовные, информационные, интеллектуальные, волевые, социальные, эмоциональные, биологические потребности и ресурсы больных [8]. При адекватном подборе методик самооздоровления повышаются результаты лечения, реабилитации и профилактики психических расстройств и снижаются финансовые затраты учреждений здравоохранения.

Это направление соответствует условиям и возможностям нашей эпохи, но рыночные реформы, жесткий диктат финансистов

и менеджеров направили оптимизацию психиатрической помощи к другим целям и ценностям – на получение финансовой прибыли за счет распространения платных услуг. Современная рыночная оптимизация и модернизация здравоохранения, конечно, не последние. Правомочно предполагать, что логическое развитие биопсихосоциального направления, обозначенное ВОЗ и научным сообществом психиатров как приоритетное, приведет к формированию новой психиатрии, психиатрические конструкции дополнятся новыми гуманитарными элементами, станут более точно и полно отражать реальность человеческого бытия и реакции пациентов на его изменения. В стандарты профессиональной деятельности психиатров и организаторов здравоохранения будут включены духовно-нравственные составляющие.

Биопсихосоциальный подход к анализу причин, клинических и поведенческих проявлений алкоголизма, наркомании, курения и других зависимостей стал предпосылкой для разработки оригинальной модели профилактики зависимостей в формате самозащиты от саморазрушения – добровольного отказа от алкоголизации, курения, наркотизации и др. на основе разумного эгоизма [9]. Эта образовательно-воспитательная методика, объединяющая врачей и педагогов, используется в медицинских и образовательных учреждениях. Раскрывается антагонизм нормальных и искусственных способов получения удовольствий, формируется мотивация к убежденному отвержению всех вариантов искажения и расщепления сознания.

В настоящее время биопсихосоциальный подход стал использоваться нами для разработки психофизиологического направления в противодействии деструктивным информационно-психологическим воздействиям (реклама, пропаганда так называемой поп-культуры, использования психоактивных веществ, стиля агрессивного и суицидального поведения, терроризма). Стала развиваться интеграция педагогики с психофизиологией, психиатрией, наркологией и психотерапией [10].

Защитить людей от внешних информационных угроз невозможно, так как нет контроля за содержанием продукции интернета, телевидения и радио. В связи с этим перспективным является направление формирования внутренних защит от информационных угроз. Для этого нужна нормальная работа головного мозга, интеграция функций коры и подкорки, левого и правого полушарий [11].

Психофизиологический подход позволяет конкретизировать технологию распознавания и адресность деструктивных информационных воздействий, в частности, понять инструменты информационно-психологической войны и реформатирования работы мозга наших соотечественников внешним управлением, создания у них мотивации на саморазрушение. Решение политических (борьба с терроризмом) и медицинских (противодействие наркотизации, алкоголизации, суицидам) проблем осуществляется единым образом на уровне физиологии – усиления левополушарных функций, интеграции и гармонизация функций обоих полушарий, коры и подкорки,

Психофизиология мозга регулируется образовательными и информационными технологиями, которыми пользуются школьные учителя, психологи, родители, а также конкурирующие с ними СМИ, интернет и шоу-бизнес. Единства действий политиков, врачей, учителей, родителей, журналистов, артистов и других участников управления поведением людей нет. наших соотечественников необходимо учить самозащите психического здоровья от деструктивного воздействия СМИ, шоу-бизнеса, которые отключают кору, возбуждают подкорку и повышают различные риски опасного поведения.

Таким образом, разработанное и завещанное В.М. Бехтеревым интегративное, мультдисциплинарное биопсихосоциальное направление развития психиатрии активно и продуктивно развивается его последователями и преемниками. Многолетний опыт убеждает нас в том, что оно обеспечивает целенаправленность, системность, конструктивность и результативность в научной, педагогической, воспитательной, лечебной и профилактической работе. Бехтеревский алгоритм мышления прекрасно экстраполируется на управленческую деятельность. Принятие руководителями приоритета духовных потребностей над социальными и материальными открыло бы великолепные перспективы для победы над коррупцией, терроризмом, алкоголизмом, наркоманией и другими угрозами безопасности, гармонизации и процветания человеческой цивилизации.

Примечания

1. Незнанов Н.Г., Акименко М.А. В.М. Бехтерев – история, традиции, современность / Доклады юбилейной научно-практической конференции «Бехтеревские чтения» // Коллектив авторов

ФГУ «СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева Росздрава». – СПб.: Человек и здоровье, 2007. – 72 с.

2. Незнанов Н.Г., Акименко М.А., Коцюбинский А.П. Школа В.М. Бехтерева: от психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. – СПб.: ВВМ, 2007. – 248 с.

3. Engel G. The Clinical Application of Biopsychosocial Model / The American Journal of Psychiatry, 137:5-1980. – P. 535-544.

4. Болотовский И.С. Развитие научной психиатрии и состояние психиатрической помощи в г. Казани, б. Казанской губернии и Татарской АССР / Канд. дисс. – 1965.

5. Еникеев Д.Г., Болотовский И.С. Победивший себя – могуч. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1986. – 158 с.

6. Карпов А.М. Принцип матрешки, или Как нам спасти нацию от вымирания. – Журнал «Наркомат», №10, 2004. – С. 16-18.

7. Карпов А.М., Гатин Ф.Ф., Хамитов Р.Р., Фаттахов Ф.З. Подходы к разработке антропоцентрической модели организации психиатрической помощи. – Казань: Медицина, 2000. – 32 с.

8. Карпов А.М., Гарданова Ж.Р.. Клиническая оценка самостоятельной оздоровительной деятельности психически больных – ресурсное направление развития психиатрической помощи / Журн. «Практическая медицина». – Казань, №3, 2004. – С. 27-28.

9 Карпов А.М. Самозащита от саморазрушения. Образовательно-воспитательные основы профилактики и психотерапии зависимостей и стрессов. – М.: МЕДпресс-информ, 2005. – 136 с.

10. Карпов А.М., Шамакова М.А., Башмакова О.В., Белоусова М.В., Герасимова В.В. Запрос молодежи на противодействие шизофренизации информационно-психологической и административной политики / Кирсановские чтения: сборник научных статей, выпуск III. – Изд-во «Отечество», 2015. – С. 157-167.

11. Кудрявцев Ю.М., Карпов А.М., Герасимова В.В., Башмакова О.В. Научно-методический аспект обеспечения национальной безопасности в образовательной деятельности преподавателей вузов / Журнал «Казанская наука», №1, 2016. – С. 8-13.

В.М. Бехтерев – основатель научной психологии в России

Статья посвящена истории развития в России такого направления как экспериментальная психология, изучения Бехтеревым и его последователями человеческого сознания и психики, личности в целом.

Ключевые слова: психология, Бехтерев, человек, сознание.

L. Popov, Russia, Kazan

V. Bekhterev – the founder of scientific psychology in Russia

The article is devoted to the history of development in Russia of such a direction as experimental psychology, the study by Bekhterev and his followers of human consciousness and psyche and the personality as a whole.

Key words: psychology, V. Bekhterev, man, consciousness.

Владимир Михайлович Бехтерев, окончивший Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге и имевший годичную стажировку в экспериментальной психологической лаборатории В. Вундта (г. Лейпциг), создал в 1885 году в Казанском университете первую в России психофизиологическую лабораторию при кафедре душевных болезней (психиатрии).

Период конца XIX века в России характеризуется тем, что развитие медицины как науки и практики побудило В.М. Бехтерева, с одной стороны, изучать больного как сложный психофизиологический механизм, а с другой – эффективно воздействовать на личность больного, чтобы вылечить его. Человек для него предстает как система, комплекс, целостность, где имеется множество подсистем, важнейшей из которых является психика, сознание человека, его внутренний мир.

1. В.М. Бехтерев – основатель экспериментальной психологии

Одной из наиболее крупных лабораторий, заложившей научные основы развития отечественной экспериментальной психоло-

гии, была лаборатория, возникшая под руководством Владимира Михайловича в Казанском Императорском университете в 1885 г.

Бехтерев, родившийся близ города Елабуги в 1857 г., после окончания Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге был в 1884 г. направлен на стажировку в Германию, где в Лейпциге ознакомился с деятельностью экспериментальной лаборатории В. Вундта. Руководство Казанского университета сделало 28-летнему ученому предложение, чтобы он занял кафедру душевных болезней (психиатрии). Принимая его, Владимир Михайлович выдвинул в качестве условия создание при университете специальной экспериментальной лаборатории. Осенью 1885 г. Бехтереву было выделено около 1 тыс. рублей на первые расходы по созданию лаборатории и приобретению экспериментального оборудования.

Финансовые ресурсы складывались из сумм, перечислявшихся ежегодно Министерством народного образования, и специальных субсидий, выделявшихся университетом на оборудование и инструменты, – всего примерно 500 руб. в год.

Перед лабораторией стояли задачи изучения нервной системы, особенно центральной, с позиций эмбриологии, анатомии, гистологии, паталогической анатомии, физиологии микро- и химического анализа, проведения экспериментально-психологических и психофизиологических исследований. В лаборатории под руководством Бехтерева работали врачи, физиологи, психологи, студенты и сотрудники Казанского университета. Она имела довольно значительный для того времени набор лабораторных приборов и экспериментального оборудования, коллекцию образцов мозга человека и животных как в эмбриональном, так и в развитом состоянии, микроскопических препаратов центральной и периферической нервной системы.

Среди экспериментальной аппаратуры были сконструированные силами самих студентов большая схематическая модель проводящих путей головного и спинного мозга; пневмограф – аппарат, построенный на чертежах Бехтерева, который позволял осуществлять запись дыхательных упражнений в течение длительного промежутка времени; рефлексграф – аппарат, предложенный Бехтеревым для записи коленных рефлексов; рефлексометр – аппарат для измерения силы коленного рефлекса; пружинный молоток для смягчения силы удара при вызывании коленного рефлекса; электрод, использовавшийся Бехтеревым для катафореза,

т.е. введения медицинских препаратов в тело с помощью электрического тока; аппарат для измерения объема мозга. Помимо этого имелись энцефалометр, хроноскоп Гиля для изучения скорости психических процессов, прибор для анатомии, машина статического электричества Карре, микроскопы и т.д. Все это дало возможность наладить интенсивную работу в области экспериментального изучения анатомии, физиологии нервной системы и психологии.

В 1893 г., как явствует из доклада Бехтерева на Международном зоологическом конгрессе, сотрудники лаборатории подготовили и опубликовали 34 научные работы. Из них в области экспериментальной психологии – 4, в области анатомии нервной системы – 16, в области физиологии нервной системы – 14; 90% работ написал сам Бехтерев. Работы в области экспериментальной психологии занимали небольшой объем, но значение их состоит в том, что именно они стали одними из первых исследований в этом направлении. Причем первые такие исследования, проведенные в рамках лаборатории, были выполнены, главным образом, на клиническом материале и относились к области психометрики и изучения психических процессов.

В казанский период своей научной деятельности Бехтерев обратился к фундаментальным проблемам психологической науки. Здесь нужно отметить речь «Сознание и его границы», произнесенную молодым профессором в день годовичного акта Казанского университета в 1888 г. (что являлось большим почетом для любого профессора этого вуза). В ней Владимир Михайлович, желая дать не гносеологическую сущность, а лишь феноменологический анализ сознания (в зависимости от «сложности содержания»), выделил ряд уровней развития сознания, представляющих своего рода ступени его формирования.

Работа «Сознание и его границы» представляет интерес также тем, что в ней впервые были намечены принципы организации конкретного экспериментального исследования: комплексный подход к исследованию психики человека и его сознания как сложных, многоуровневых, полиструктурных образований; объективный подход к изучению сознания и психических процессов; личностный подход в организации экспериментально-психологического исследования. Эти принципы и составляли экспериментальную парадигму Бехтерева, отличавшуюся от традиционного Вундтовского эксперимента.

Вклад, внесенный работами Казанской лаборатории в отечественную психологию (теоретическую и экспериментальную), выражается в следующем:

- лаборатория стала одним из первых в России центров экспериментальной психологии, оказывавших благотворное влияние на другие лаборатории;

- здесь были созданы новые методики и инструменты;

- определена выдающаяся роль объективных экспериментальных методов для развития и проверки теоретических положений по сравнению с методами интроспекции и наблюдения;

- были выдвинуты основные положения комплексного подхода к изучению психики человека, в дальнейшем оформившиеся в системный подход;

- был обоснован вывод о детерминации психических процессов личностными характеристиками индивида (в дальнейшем – принцип личностного подхода).

2. Эвристичность общенаучных идей В.М. Бехтерева для психологии

Владимир Михайлович – человек энциклопедических знаний и предельно прагматических устремлений. Именно это соединение теории и практики на долгие годы определило лицо казанской психологии. Масштабное осмысление человека, его места во Вселенной и неотрывность от ее законов позволяют нам сфокусировать внимание на мировоззренческих позициях этого ученого с одной стороны, и – на эвристических возможностях для психологической науки и практики двух законов, выделенных В.М. Бехтеревым, с другой стороны. Рассматривая человека как одного из представителей материального мира, Владимир Михайлович проводит мысль о его подверженности действиям базовых законов, распространяющихся на все мировые явления.

2.1. Закон сохранения энергии и его возможности в психологии

В поисках «единых принципов мирового процесса» Бехтерев обратился к законам механики, рассматривая их в качестве универсальных оснований, действующих во всей живой и неживой природе. Из многих законов [1], которые сформулировал ученый для человека индивидуального и человека, живущего во взаимодействии с другими, остановимся на двух из них, имеющих эври-

стическую ценность для решения фундаментальных проблем психологии: законе сохранения энергии и законе ритма.

Закон сохранения энергии (Майер, Джоуль, Гельмгольц) для природных явлений говорит о том, что количество энергии в замкнутой системе не убывает и не прибавляется, и что все энергии в природе состоят в определенном отношении эквивалентности друг к другу [1]. Необходимость обращения к этому закону у Бехтерева сопряжена с тем, что он, несмотря на ярко выраженное материалистическое воззрение, как ученый энциклопедического масштаба стремился понять взаимосвязь духа и материи, физической жизни и психики.

Владимир Михайлович считал, что психическая сфера человека проникнута энергией. Энергия – это базовое, субстанциональное, предельно широкое понятие, выступающее в качестве основания психических и материальных явлений, источник развития и проявления всех форм жизнедеятельности человека и общества [2]. Скорее всего, считал Бехтерев, в энергии имеется две стороны: материальная, выражающаяся определенным колебанием частиц вещества, и нематериальная, т.е. сила или деятельное начало, которая также дает толчок к развитию психических явлений и может быть названа психофизической энергией. Более того, жизнь и психика обязаны своим происхождением одному общему началу – единой мировой энергии.

В работах Владимира Михайловича дается своего рода представление о механизме получения и отдачи человеком этой энергии. Он состоит в том, что в ходе взаимодействия человека с миром внешняя («свободная») энергия поступает в организм через органы чувств и преобразуется в них в нервно-психический процесс. При социальной активности человек, наоборот, превращает нервно-психическую энергию в свободную, тем самым пополняя мировое энергетическое пространство. Энергообмен между человеком и миром осуществляется постоянно [2].

Человеческая энергия, по мысли Бехтерева [1], как и всякая энергия, не увеличивается и не уничтожается, а лишь переходит в другие формы или в работу. Поэтому материалистически настроенный Бехтерев сделал шаг к пониманию человека, его бессмертия как бессмертия души (Платон), интеллекта (Аристотель), коллективного бессознательного (Юнг), духовно-творческого наследия личности (В.И. Вернадский).

Он утверждал, что «духовная» сторона человека никогда не исчезает бесследно. И каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой жизненный, не прекращает своего существования вместе с индивидуальной жизнью. Она продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались. Духовная сторона личности живет в других как бы разлитой, но зато живет вечно, пока существует жизнь на земле [1].

На сегодня мы можем определить значимость этого закона для психологии как объяснимую, что позволяет нам интерпретировать накапливающиеся в этом направлении знания как созерцательно-объяснительные [8]. Закон сохранения энергии и производные от него эффекты (биоэнергетика, энергичность одного и вялость другого человека, способность пользоваться природной энергией, заменяя ею питание и т.д.) известны достаточно давно и пока носят скорее описательный характер, нежели систематизированный и обоснованный.

Понимая всю трудность продвижения в этом направлении – сближения психологии с другими науками – мы предлагаем сделать ещё один шаг в направлении более конкретного понимания этого вопроса. Идея взаимодействия человека и мира проходит красной нитью сквозь все творчество более позднего философски думающего психолога С.Л. Рубинштейна. Он наполнил данное взаимодействие общепсихологическим содержанием, хорошо укладывавшимся в закон единства сознания и деятельности. При этом все психические явления (процессы, свойства, состояния) при их конкретизации (ощущения, воля, характер и т.д.) несут определенную функцию в постоянных актах взаимодействия. По большому счету, все сводится к тому, чтобы человек как можно более адекватно мог вобрать в себя окружающий мир, включая знания и культуру, с одной стороны. А с другой, – опираясь на эти знания и свою энергию, которая проявляется в соединении мотивации и действия, – преобразовать имеющийся мир. В этом случае принцип единства сознания и деятельности можно трактовать как принцип единства созерцания и преобразования, где процессуальная функция сознания по осознанию мира и самого себя условно трактуется как «созерцание».

Оставляем пока в стороне вопрос о самопознании и самопреобразовании, где контакт осуществляется как «Я и мой внутренний мир». Понимая, насколько велико число контактов человека

с миром, мы предлагаем классифицировать их с учетом работ Е.А. Климова по взаимодействию человека с миром по типу профессий, которые отражают пять типов объектов: другой человек (люди), природа, техника, знаки, художественные образы.

Исходя из взаимодействия человека с указанными объектами, можно сказать о характере обмена энергией между ними. Во всех случаях будут проходить два процесса: насыщение энергией, которая приходит извне, и передача энергии во вне, что соответствует созерцанию и деятельности (преобразованию). Во взаимодействии «человек – человек», где люди обмениваются информацией, впечатлениями, переживаниями, это двунаправленный процесс. Хотя из ненаучной психологии нам известно, что один предпочитает получать от другого энергию (вампир), другой – отдавать (донор). Во взаимодействии «человек – природа» двунаправленность также очевидна: одни как можно больше хотят взять от природы, вплоть до разрушения, другие – отдать свою энергию в виде деятельности по бережному преобразованию, восстановлению природной среды. Во взаимодействиях «человек – техника», «человек – знаки», «человек – художественный образ» закономерность в получении и передаче энергии сохраняется. Только техника, знаки, художественный образ – это своего рода сгустки энергии, которую интерпретируют как накопленную человечеством культуру, где предшественники в ходе активной продуктивной деятельности, вложив свою энергию, произвели то, что составляет ноосферу (по Вернадскому).

Описательный характер проявления закона сохранения, а также его проявления в виде насыщения и передачи (включая воплощение в продукте культуры) приводят нас к тому, что встает своего рода экспериментальный вопрос о единицах и способах измерения энергии, включая ее количественный эквивалент и качество. Одним словом, возникает необходимость сделать в психологии следующий шаг: от созерцательно-объяснительного типа знания – к эмпирическому, который даст возможность накопления знаний об энергетических характеристиках человека на основе разработанных экспериментальных процедур. Думаю, что контакты с представителями естественных наук здесь будут весьма продуктивны.

2.2. Закон ритма

Естественным продолжением анализа процессов взаимообменов энергией человека и мира, т.е. созерцания и преобразования в понимании психологов, является выделение ритмической последовательности этих взаимообменов. Бехтерев, соединяя энергию с движением, колебанием, ритмом, считает, что в качестве закона, сформулированного в естественных науках, может выступать закон ритма, вполне применимый для анализа психических и социально-психологических процессов.

Анализируя процессы, проходящие в неживой и живой материи, ученый делает вывод о том, что движение небесных светил и атомов имеет свои фазы и циклы, как и система кровообращения, дыхания, обмена, сон, бодрствование. Переходя к высшим формам активности человека, Владимир Михайлович продолжает выделять ритмическое начало: в развитии таланта, где есть свой расцвет и упадок, т.е. «ритмическая форма движения»; в развитии всякого учения, которое достигает своего господства и последующего преобразования; в развитии всякого государства, которое имеет стадии первоначального роста, достижения господства, последующего преобразования.

На наш взгляд, принцип колебания, закон ритма имеет высокую эвристическую ценность в психологии. Особенно значимо то, что явление колебания включается В.М. Бехтеревым в понятие «человеческая личность», которая им рассматривается как «повторяющаяся и постоянно колеблющаяся величина, где каждый день дает ей новый опыт, восполнив ее знания и ее навыки» [1, с. 260].

Ритмическая основа развития субъекта с последовательным погружением внутрь и вовне сопрягается с идеей А.Н. Леонтьева о «взаимопереходах» экстернальных действий в интернальные и наоборот и с идеей Выготского о развитии как продвижении из зон актуального в зоны ближайшего, т.е. потенциального развития.

В своей работе мы для характеристики экстернально-интернальных движений интеллектуально-деятельностного плана ввели метафорическое понятие «психологический маятник». С помощью него удалось в последующем не только показать механизм развития интеллектуально-деятельностного плана, но и определить зоны актуального и потенциального развития субъекта. Мы выделяем четыре зоны (Попов, 2005), которые дают полное пред-

ставление обо всем диапазоне продуктивных действий субъекта по реализации его энергетических потенций от ненаправленного насыщения энергией извне с ее репродуктивным выплеском до предельно энергетически затратных внешних и внутренних действий человека по преобразованию мира и самого себя.

Ритм нами рассматривается как временная структура любых воспринимаемых процессов, образуемая акцентами, паузами, членением на отрезки, их группировкой, соотношениями по длительности. Продолжая вслед за Бехтеревым вводить в описание психических явлений закон колебаний, ритма, мы отдаем себе отчет в том, что крайне полезным может оказаться психологическая интерпретация таких понятий, как «колеблющаяся величина», «ось колебаний», «диапазон колебаний», «активный и пассивный типы колебательных систем». Явно нуждаются в психологической интерпретации следующие проявления колебательных процессов: вынужденные, возвратно-поступательные, волнообразные, синусоидальные, затухающие, аритмичные колебания, периоды, амплитуда колебаний.

Определенный опыт применения сведений из теории колебаний, ритма имеется в ходе рассмотрения психологического механизма развития интеллектуально-деятельностного компонента человека как субъекта саморазвития. «Колеблющаяся величина» в интеллектуальных, личностных и коммуникативных процессах, на наш взгляд, идентифицируется с понятием «способность». Так, многомерное исследование человека как субъекта саморазвития позволяет интерпретировать способность к самоанализу, саморазвитию, интеллектуальной инициативе, поиску новых технологий, созданию продуктов самостоятельного творчества на уровнях «для себя», «для субкультуры», «для культуры в целом» как движение колеблющихся величин.

2.3. Идея структуры, развития и разрушения сознания

В казанский период своей научной деятельности Владимир Михайлович обратился к фундаментальным проблемам психологической науки. Здесь ученый, желая дать не гносеологическую сущность, а лишь феноменологический анализ сознания, в зависимости от «сложности содержания» выделяет ряд уровней развития сознания, представляющих своего рода ступени его формирования.

Первой, простейшей стадией является то его состояние, при котором отсутствуют какие-либо ясные представления, а имеет место лишь неясное, безотносительное чувствование собственно-го существования. *Вторая*, более сложная, характеризуется наличием уже определенных представлений, в первую очередь, смелой представлений о Я, как о субъекте, в отличие от не-Я, или объекта; человек имеет представление о положении собственного тела, движения отдельных его частей. *Третья* стадия – осознание пространственных отношений и наличия пространственных представлений о внешнем мире (ориентация в пространстве). *Четвертая* – способность улавливать последовательность внешних явлений, где вырабатывается сознание времени. *Пятая* – сознание своей личности, т.е. то состояние сознания, когда в его сферу вводятся представления, составляющие интимное ядро личности – нравственные, религиозные, правовые представления; здесь возникает воля субъекта. *Шестая стадия* (высшая) – это «то состояние внутреннего мира, когда человек, с одной стороны, обладает способностью по произволу вводить в сферу сознания те или другие из бывших прежде в его сознании представлений, с другой – может давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы» [4].

Все перечисленные формы сознания представляют собой различные степени развития его содержания. Причем, если в процессе нормального развития идет переход от низшей формы к высшей и при этом каждая последующая «предполагает присутствие представлений, характеризующих все предшествующие формы сознания», то в случае патологии сознание претерпевает обратную метаморфозу: сначала расстраиваются высшие формы, затем более простые.

Комментарий к эффектам развития сознания состоит в том, что его ступенеобразный характер нашел отображение в формулировке общепсихологического принципа трансформации этапов развития явления в структурные уровни его организации и последующие ступени развивающихся взаимодействий, получивший название «принцип ЭУС»: этапы, уровни, ступени [8]. Благодаря его применению удалось объяснить нарастание способностей испытуемых к действиям в уме, сформулировать представление о структуре психологического механизма творчества, выделить и описать психические уровни организации жизни. Эвристические

возможности принципа ЭУС состоят в том, что он применим для объяснения механизмов развития психики в филогенезе, онтогенезе и показа генезиса высших форм интеллектуальной деятельности (памяти, мышления).

Особого внимания заслуживает идея включения в уровневую организацию созерцания нравственных, религиозных, правовых представлений и воли. Это именно то, что характеризует понятие «субъективность сознания человека» и что в последующем дало толчок к разработке вопросов нравственного, религиозного, правового сознания личности. Наконец, это то, что могло бы дополнить представление о личности С.Л. Рубинштейна, где личность определяется ответом на три вопроса: что я хочу, что могу и какой я сам.

На наш взгляд, данные вопросы в соотнесении с представлениями В.М. Бехтерева об интимном ядре личности (пятая ступень сознания) стимулируют создание еще одного варианта структуры сознания. В ней в качестве значимого компонента будет нравственно-религиозно-правовой, регулирующий поведенческую составляющую, результативным проявлением которой является поступок. Именно здесь заложен ответ на вопрос социальной ориентации сознания человека: что он должен делать и что надо делать. Причем, в варианте «что надо делать» включается волевой механизм регулятивной составляющей сознания с его направленностью действий, борьбой мотивов, ценностно-смысловым вектором этих действий.

Другим значимым компонентом структуры сознания с современным ее наполнением является пространственно-временной, интегрирующий те ступени сознания концепции Бехтерева, где складываются и функционируют пространственные и временные представления субъекта (3-я и 4-я ступени). В наших работах это пространственно-временной комплекс субъекта, представленный статической и динамической составляющими. Наибольший прогресс здесь достигнут в разработке всех звеньев, ступеней, уровней динамической составляющей – работы по всем познавательным процессам. Наш вклад в дальнейшую наработку материалов по пространственно-временной составляющей сознания состоит в выделении четырех зон, что конкретизирует идею Л.С. Выготского о развитии как процессе движения в ближайшие зоны развития. В пределах этих зон, выстроенных по критерию глубины и степени включения способностей субъекта к «созерцанию-преоб-

разованию», дается оценка каждого действия и ответ на вопрос, что может человек.

В настоящее время пространственно-временная составляющая сознания представлена на всех уровнях психологической теории: описательном, эмпирическом и теоретическом. Она выполняет ориентационную, познавательную и созидательную функцию.

Те подструктуры сознания, которые дают ответы на вопросы «что хочет», «что должен (надо)» и «каков сам человек», выполняют регулятивную функцию. А степень отображения того, что в психологии наработано здесь по направленности, мотивации, эмоциональному сопровождению, волевым характеристикам, – соответствует описательному и эмпирическому уровням теории. Перспектива тут – в создании модели регулятивной составляющей сознания с включением сюда указанных элементов и механизма их деятельности, поскольку в ней менее других проработанным является нравственно-религиозно-правовой компонент. Здесь доминирует описательный уровень психологической теории, хотя актуальность исследований в этом направлении очевидна, особенно в плане своевременной коррекции сознания человека и его поведения с учетом социально значимых ориентаций.

По отношению к феномену разрушения сознания, отмеченному Бехтеревым в 1888 г., следует сказать, что это тот самый феномен, который в последние годы вызывает особый интерес психологов, педагогов, философов. Разрушение, или деструктивность – значимый признак в молодежной среде, который связан с асоциальным поведением. Он проявляется в виде склонности подростков, молодых людей к разрушению (отнятию жизни) другого человека. Еще раз подчеркнем приоритетность Владимира Михайловича во введении идеи разрушения («обратный метаморфоз» по Бехтереву) для описания деструктивных тенденций в обратной эволюции сознания.

Много позже (1916-1920) феномен деструктивности в варианте «инстинкт смерти» стал предметом внимания Зигмунда Фрейда, который от внимательного изучения роли «инстинкта жизни» в жизни человека перешел к теме смерти: «Я выбрал сейчас в качестве пищи тему смерти», – цитирует ученого один из его биографов Роже Дадун [5]. В более приближенном варианте феномена «разрушения» к Бехтереву Фрейд вводит понятие «регрессия», которая понимается им исключительно как возврат либидо на более ранние ступеньки развития (Фрейд, 1989). В последующем

«регрессия» как «соскальзывание на более примитивный уровень поведения» становится одним из защитных механизмов поведения человека наряду с вытеснением и сублимацией.

Фрейд также дает свое объяснение регрессии как необходимого элемента поведения всей живой природы. Он высказывает мысль, опираясь на работы Э. Геринга о процессах конструктивного и разрушающего начал в живой субстанции, что когда-то в неживой материи каким-то еще невообразимым силовым воздействием были пробуждены свойства жизни.

3. Идея человечности в психологии

Наиболее значимыми идеями Бехтеревской психологической концепции, на наш взгляд, становятся три идеи: первая состоит в том, что сознание человека – прежде всего интеллектуальная составляющая психики, и она является продуктом ориентации человека во времени и пространстве; вторая – сознание человека – явление и является вмещителем собственно человеческих представлений (нравственных, религиозных, правовых) и самосознания; третья – сознание находится в процессе развития, а при возникновении душевной болезни разрушается, так что развитие и разрушение – два полюса жизнедеятельности человека.

Первая идея, как идея научного, беспристрастного изучения человека, его поведения связывается у Бехтерева также с необходимостью создания объективной психологии в противовес интроспективной (субъективной) [3]. Практическим обоснованием нового подхода было то, что душевнобольные люди не в состоянии методом самонаблюдения представить достаточно адекватно свой внутренний мир и степень его разрушения. Более полная картина психического облика больного создавалась, когда шло наблюдение за неосознаваемыми факторами – жестами, мимикой, интонацией. Человек, его действия, поведение должны быть изучены в объективной психологии как пассивный объект, т.е. без всяких субъектных проявлений. Это сближало исследования поведения человека с исследованиями в науках естественного профиля. На наш взгляд, ценность такого подхода состояла в возможности открытия законов функционирования психики, вскрытии внутренних механизмов психической жизнедеятельности, формулировке всеобщих принципов психологии, построении системно-структурной модели психологической организации челове-

ка, наконец, в оформлении наиболее теоретической отрасли – общей психологии.

Вторая идея, которая следует из структуры сознания Бехтерева, говорит о том, что при всем объективном, беспристрастном подходе к человеку необходимо принимать во внимание то, что делает человека человеком. Это не столько интеллектуально-деятельные параметры, сколько те нравственные, правовые устои, религиозная принадлежность (вера), которые сформировались в каждом народе, нации на протяжении многих веков. Понимая это, Бехтерев считал, что параллельно с объективной психологией имеет право на жизнь и субъективная. Не желая сводить их воедино и тем самым признавать за последней право на научность, объективность, Владимир Михайлович изъясил из объективной науки о поведении человека слово «психика» и утверждает название новой науки – рефлексология.

Бехтерев-теоретик в реальной жизни сосуществовал с Бехтеревым-практиком, которому важно было не только познать человека и его болезнь, но и помочь как врач, восстановить его психику, т.е. познание в жизнедеятельности ученого сочеталось с преобразованием. Оставаясь сыном своего времени и своего народа, Владимир Михайлович понимал, что человечность, как важнейший компонент субъективной психологии человека, – это сострадание больному, помощь ему. Не случайно в девизе создаваемого Бехтеревым Психоневрологического института соединились две важнейших миссии: познать человека и полюбить его. И если познание понимается однозначно по отношению к ребенку, юноше, бедняку и больному, то «полюбить» несет более широкую семантику: дать все, что жаждет младенческая душа, помочь юноше в создании нравственных идеалов, предотвратить преступление, облегчить страдания больного. Наконец, необходимо полюбить в человеке все человеческое [6]. Отсюда следует, что человечность, не являясь предметом исследования Бехтерева-теоретика, всегда была необходимым звеном Бехтерева-практика.

Современное прочтение тезиса Владимира Михайловича о человеческом в человеке реализуется в работах сторонников развития новой отрасли психологии – нравственно-этической [10]. Определенный задел в создании данной отрасли имеется в работах С.Л. Рубинштейна, Б.С. Братуся, М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко, Л.М. Попова, В.Д. Шадрикова, А.В. Юревича и других. Просматриваются два подхода в ее

становлении: описательно-этический и экспериментально-психологический. В первом ведется описание нравственного состояния определенных слоев общества, отдельных его представителей. И это – дань той философско-религиозной психологии в России, которая связана с именами Л.М. Лопатина, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, С.Л. Франка. Во втором – дается описание методик диагностики с их применением к различным группам испытуемых, а также технология преодоления порочных и развитие тех нравственных начал, которые характеризуются одним словом – Добро: М.И. Воловикова с сотрудниками, А.Б. Купрейченко – А.Е. Воробьева, Д.А. Леонтьев, Л.М. Попов с сотрудниками, Т.П. Скрипкина и др. [7].

Третья идея Бехтерева связана с формированием собственно человеческой ступени познания – самосознания личности, а также с разрушением сознания при душевной болезни. Здесь, на наш взгляд, и обозначилась трагедия Владимира Михайловича. Бехтерев-теоретик, признавая право на научный (объективный, подлинный) результат только в рамках объективной психологии (рефлексологии), обрек себя на изучение низших форм психологической организации человека – его рефлексов.

Он понимал, что самосознание – высшая форма психики, но ее невозможно постигнуть, игнорируя методы самонаблюдения, самоанализа, саморазвития, т.е. сведения о себе, своем внутреннем мире с его ценностно-смысловыми ориентирами. Это невозможно постигнуть даже и сейчас при достаточно большом наборе тестовых методик, ибо субъективная окраска ответов не может быть исключена. Не в силах допустить в научном исследовании человека, его поведения субъективную составляющую, Бехтерев лишил себя возможности научно описать разрушение высшей ступени сознания личности. Трагедия Владимира Михайловича – в непримиримости с самим собой, непримиримости Бехтерева-теоретика с Бехтеревым-практиком, жестким последователем естественнонаучной линии в психологии.

И все-таки ценность Бехтерева-врача состоит в том, что он заложил основы современной практической психологии, основное кредо которой – помочь человеку. Адекватная помощь возможна лишь в том случае, когда практикующий психолог может поставить диагноз, а в последующем провести развивающие, коррективные преобразования в клиенте, если ориентируется на сведения о человеке из медицины, физиологии, антропологии, социо-

логии, знает его прошлую жизнь, окружение и принимает во внимание личностные особенности.

Примечания

1. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии / Памятники психологической мысли. – М.: Наука, 1994.

2. Бехтерев В.М. Мозг: структура, функция, патология, психика. Избр. труды в 2 томах. Т. 2 / Под ред. Чугалина А.Г., сост. Воробьев В.С. – М.: Поматур, 1994.

3. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 475 с.

4. Бехтерев В.М. Сознание и его границы. – Казань, 1888.

5. Дадун Р., Фрейд З. – М.: АО «Х.Г.С.», 1994.

6. Логинова Н.А. Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 283 с.

7. Методики диагностики и изучения нравственной сферы личности / Сост. Закирзянова Л.А., науч. ред. Попов Л.М. – Казань: Отечество, 2013. – 123 с.

8. Пономарев Я.А. Психология творения / Серия «Психологи отечества». – М.: НПО «Модэк», 1999.

9. Попов Л.М. Концепция человека как субъекта развития и саморазвития / Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 147, кн. 2. – М.: Гуманитарные науки. 2005.

10. Попов Л.М., Устина Ю.Н. Проблемы этической психологии: предмет и методы / Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 92-99.

11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512.

12. Фрейд Зигмунд. Введение в психоанализ: лекции / Серия «Классики науки». – И.: Наука, 1989.

Ф.Г. Зиганшин, Т.А. Малыгина, О.В. Захарова; Россия, Казань

Первые ученики В.М. Бехтерева в Казани

Академик Владимир Михайлович Бехтерев является основоположником одной из крупнейших школ отечественной неврологии и психиатрии, которой он руководил в течение почти полувека. Он был не только замечательным невропатологом и психиатром, но и выдающимся анатомом, гистологом, физиологом, психологом и гигиенистом, а также величайшим педагогом, воспитавшим не одно поколение врачей, ученых психиатров и неврологов, оставивших свой след в науке и практической деятельности.

Ключевые слова: Бехтерево, ученый, врач, неврология, психиатрия.

F.G. Ziganshin, T.A. Malygina, O.V. Zakharova; Russia, Kazan

First disciples of V. Bekhterev in Kazan

Academician Vladimir Bekhterev is the founder of one of the largest scholar schools of Russian neurology and psychiatry, which he supervised for almost half a century. He was not only a remarkable neuropathologist and psychiatrist, but also an outstanding anatomist, histologist, physiologist, psychologist and hygienist, and also the greatest educator who brought up more than one generation of doctors, psychiatrists and neurologists who had left their mark in science and practical work.

Key words: Bekhterevo village, scientist, doctor, neurology, psychiatry.

Владимир Михайлович Бехтерев родился 1 февраля 1857 года в селе Сарали Вятской губернии Елабужского уезда в семье канцелярского служащего [4, с. 9]. В 1878 году В.М. Бехтерев с отличием окончил полный курс Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. В 1881 году блестяще защитил докторскую диссертацию «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний» [4, с. 19].

В 1884 г. умер основатель практической и научной психиатрии в Казани А.У. Фрезе. Кафедра по систематическому и кли-

ническому учению о нервных и душевных болезнях осталась свободной [3, с. 2]. И летом 1885 г., находясь еще за границей, В.М. Бехтерев получил назначение на должность профессора психиатрии Казанского университета, которую он и принял по возвращении в Россию. Казанский университет в годы работы в нем В.М. Бехтерева к своей репутации одного из крупнейших учебных и научных учреждений страны добавил еще известность как центра деятельности революционного студенчества, возглавляемого одно время В.И. Лениным.

С первых же шагов своей научно-преподавательской деятельности В.М. Бехтерев зарекомендовал себя как один из лучших представителей передовых традиций Казанского университета. Современники отмечают, что в аудиториях университета и окружающей Казанской лечебницы не хватало мест, когда Владимир Михайлович читал свои лекции. Он дорожил общением со студентами и обычно повторял: «Я живу с веком, поэтому люблю молодежь» [5, с. 16].

В автобиографической повести «Мои университеты» А.М. Горький рассказывает о том, что он посещал в Казани лекции молодого В.М. Бехтерева. О глубине интереса великого пролетарского писателя к содержанию лекций Бехтерева можно судить хотя бы по такому факту. Уже в советское время Горький в письме психиатру Б.И. Голант, касаясь одного из специальных медицинских вопросов, обращает внимание на то, что тема эта освещалась в лекциях В.М. Бехтерева в 1888 г. [5, с. 17].

Когда пытаешься понять истоки притягательной силы В.М. Бехтерева как педагога, то невольно вспоминаешь мудрое изречение Л.Н. Толстого: «Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбят и тебя, и науку» [6, с. 245]. Всюду, где работал Владимир Михайлович, он создавал и воспитывал коллективы сотрудников; ученики его выросли в крупных ученых. Как правильно замечает ученик прославленного психоневролога проф. В.Н. Мясищев, если мерой оценки ученого-педагога является количество учеников, посвятивших себя его специальности, то Бехтерев занимает одно из самых первых мест среди выдающихся ученых [5, с. 17].

Среди его учеников много профессоров, членов-корреспондентов, действительных членов Академии медицинских наук СССР и Академии наук СССР – широко известных не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Назовем некоторых из

них: П.К. Анохин, М.И. Аствацатуров, Л.Л. Васильев, А.В. Гервер, Р.Я. Голант, А.С. Грибоедов, А.А. Дернова-Ермоленко, А.Г. Иванов-Смоленский, А.Ф. Лазурский, А.Г. Молотков, В.Н. Мясищев, Л.И. Омороков, В.П. Осипов, В.М. Осипова, И.Г. Оршанский, П.А. Останков, К.И. Платонов, К.И. Поварнин, Л.Я. Пинес, В.П. Протопопов, Л.М. Пуссеп, В.В. Срезневский, А.Л. Шнирман, Н.М. Щелованов [5, с. 18].

За 9 лет (1885-1893) научно-преподавательской деятельности В.М. Бехтерева в Казанском университете определились основные направления его научных исследований: анатомия и физиология нервной системы, психология [5, с. 18]. Вспоминая о тех, кто сотрудничал с Владимиром Михайловичем в казанский период его деятельности, следует выделить имена будущих известных врачей-психиатров.

На кафедре психиатрии Казанского университета бурлящая студенческая молодежь, особенно старших курсов медицинского факультета, находила путь к медицинской научно-исследовательской деятельности под непосредственным руководством молодого профессора В.М. Бехтерева. Он брал к себе в лабораторию и клиники тех, кто отличался не только глубокими знаниями, но и прогрессивными взглядами. Так, П.А. Останков начал работать в психиатрической лаборатории Бехтерева, будучи студентом V курса медицинского факультета Казанского университета. Он являлся активным участником всех студенческих сходов, за что впоследствии был арестован. По окончании университета Останков вначале работал внештатным ассистентом, а потом по рекомендации Владимира Михайловича его зачислили в штат кафедры психиатрии [4, с. 28].

В казанскую лабораторию Бехтерева специально приезжали работать сверхштатными сотрудниками многие врачи. В частности, здесь научно-исследовательской работой занимались психиатры Н.Н. Реформатский, М.К. Валицкая, Б.И. Воротынский, М.М. Гран, С.Д. Колотинский, Д.И. Диомидов [4, с. 28].

Стремление студенческой молодежи и врачей попасть на кафедру психиатрии объяснялось не только личным авторитетом В.М. Бехтерева, но и тем обстоятельством, что эта кафедра в Казанском университете благодаря усилиям Владимира Михайловича была оснащена самой современной аппаратурой для научных исследований [4, с. 28].

Бехтерев придерживался определенной методики в подготовке молодых научных работников. Студентам старших курсов и молодым врачам он предлагал подготовить какой-либо реферативный обзор и доложить его в кружке по невропатологии и психиатрии – для студентов, и на заседании кафедры – для врачей. Много рефератов опубликовали П.А. Останков, Б.И. Воротынский и С.Д. Колотинский. Молодым работникам, способным к самостоятельным научным исследованиям, Владимир Михайлович давал уже клинические и экспериментальные темы. Законченные исследования докладывались на заседании кружка (студенты) или на совещании кафедры (врачи), где происходило обсуждение излагаемого материала. Доклады, получившие одобрение и тщательным образом вновь проверенные самим Бехтеревым, выносились на обсуждение заседаний Общества невропатологов и психиатров. Если доклад получал одобрение и там, то автору поручалось оформить его в виде статьи, которая затем публиковалась в «Неврологическом вестнике» [4, с. 29].

Более опытных своих учеников В.М. Бехтерев привлекал к совместным исследованиям. В частности, в них принимали участие П.А. Останков и Б.И. Воротынский. С последним Владимир Михайлович выполнил работу по изучению тетанических приступов и судорожных сокращений мышц у больного. Некоторые из опубликованных его учениками трудов в течение длительного времени цитировались в психиатрической прессе. В частности, это относится к работе М.К. Валицкой «О скорости течения представлений при мании» и работе Б.И. Воротынского «Случай истерической немоты двухлетней продолжительности» [4, с. 29]. Останков вместе со студентом М. Граном (впоследствии известным советским гигиенистом) выполняет работу «Психометрические исследования над здоровыми лицами», удостоенную золотой медали; результаты ее были опубликованы в русской и немецкой медицинской прессе [3, с. 42]. Это одна из лучших работ по психометрии, выполненных в лаборатории Бехтерева. В задачу ее входило на основании самостоятельных исследований подвергнуть обработке вопрос о скорости простейших психических процессов у здоровых лиц и выяснить колебания этой скорости в различные периоды дня [3, с. 43].

Характерным является то, что В.М. Бехтерев и впоследствии, когда его ученики занимали уже определенное место в науке, самым внимательным образом продолжал следить за их научным

ростом. Когда кто-либо из его учеников оставался без работы, Владимир Михайлович делал все возможное, чтобы ему помочь. Так было с Останковым и Осиповым. Первый благодаря содействию В.М. Бехтерева был зачислен сотрудником во вновь открытое отделение для нервнобольных при Военно-медицинской академии, а второй – сотрудником психиатрической клиники [4, с. 30].

Другим известным учеником Бехтерева был Воротынский, который сначала трудился ассистентом, а затем приват-доцентом кафедры психиатрии Казанского университета, где позже защитил докторскую диссертацию и стал профессором. Таков был путь и Н.Н. Реформатского, который, начав работу в качестве ординатора, впоследствии также получил звание профессора [4, с. 30].

Владимир Михайлович подготовил и ряд специалистов-невропатологов из уездов, населенных малыми национальностями (чуваши, татары и др.). Например, Купревич из Чебоксарского земства [1, с. 42], будучи еще студентом Казанского университета, по предложению и под руководством Бехтерева выполнил на собаке очень важную экспериментальную работу по выяснению механизмов парезов и параличей. Этот труд был проделан в связи с наличием в клинике больного, у которого в результате огнестрельного ранения центральной нервной системы имелись аналогичные нарушения ее функции. Таким образом, руководимая В.М. Бехтеревым кафедра психиатрии Казанского университета была превращена в подлинно научный центр, где успешно осуществлялась разработка теоретических и практических проблем невропатологии и психиатрии [4, с. 31].

Владимир Михайлович ходатайствует перед факультетом о представлении Останкова на место ассистента: «Зная лично П. Останкова с наилучшей стороны, зная его необычайное усердие в научных занятиях и любовь к психофизиологическим исследованиям, я считаю его лицом, могущим с честью занимать место сверхштатного ассистента на кафедре» [3, с. 43].

В должности ассистента Казанского университета П.А. Останков состоял с 1893 г. по 1894 г. В это время он интенсивно занимался научной работой, писал оригинальные статьи, реферировал в журналах, вел общественную работу при обществе невропатологов и психиатров. После отъезда профессора Бехтерева из Казани Останков перевелся врачом в клинический военный госпи-

таль в Петербурге с откомандированием к клинике душевных болезней. Вместо него в должности ассистента был утвержден Б.И. Воротынский, ординатор этой же кафедры.

Бронислав Иванович оставил заметный след в русской психиатрии. После окончания в 1890 г. Казанского университета он в течение двух лет работал психиатром в Самарском земстве. Затем приехал к Владимиру Михайловичу, проделал ряд научных исследований в психофизиологической лаборатории. Например, вместе с Е.А. Геника выполнил большую работу «Психометрические исследования над лицами, приведенными в состояние гипноза», напечатанную во «Враче» в 1890 г. [3, с. 44].

30 сентября 1892 г. и 10 января 1893 г. Воротынский делает в обществе невропатологов и психиатров сообщения о своих наблюдениях, произведенных совместно с Бехтеревым: «Относительно влияния подвешиваний на расстройство зрения у нервнобольных, страдающих спинномозговыми поражениями» и «Подвешивание как метод лечения нервных болезней» [3, с. 45].

Подводя итоги, Владимир Михайлович в статье «Значение подвешиваний при некоторых спинномозговых поражениях» [1] высказывает свое отношение к этому виду механотерапии, довольно распространенному в то время. Предостерегая от излишнего увлечения им, Бехтерев отмечает благотворные результаты (если пользоваться хорошей аппаратурой) при некоторых формах нервных расстройств: миелиты от сдавления, некоторые случаи поперечного миелита, застарелые формы спинномозгового сифилиса. Механизм действия подвешиваний можно усматривать в повышении кровяного давления и гиперемии органов центральной нервной системы [1].

Под руководством В.М. Бехтерева Б.И. Воротынский начинает работу «Материалы к учению о вторичных перерождениях в спинном мозгу после поперечных его повреждений», которую в 1897 г. в Совете Казанского университета защищает на степень доктора медицины [3, с. 46]. В должности ассистента он остается до 1901 г., а затем переезжает в Одессу [3, с. 46].

Третьей большой психологической работой, вышедшей из лаборатории Бехтерева, явились психометрические исследования М.К. Валицкой «К вопросу о психофизических измерениях у душевных больных». Работа проходила под руководством Владимира Михайловича на материале Казанской окружной лечебницы. Проводилось экспериментально-психологическое изучение

больных прогрессивным параличом разных форм и в разных стадиях заболевания [3, с. 46].

Объединяя некоторые выводы из всех трех работ по психометрии, В.М. Бехтерев говорит, что установленное Останковым и Граном положение о том, что «активное внимание является условием, затрудняющим течение наших ассоциаций, – факт в высшей степени важный и интересный, дающий, между прочим, ключ к объяснению ускорения ассоциаций при прогрессивном параличе помешанных и у лиц, приведенных в состояние гипноза» [2].

Среди прочих участников были Реформатский, Н.Я. Смелов, Н.Н. Топорков и другие талантливые психиатры.

В.М. Бехтерев еще в период работы в Казани стал вести энергичную борьбу с алкоголизмом, так как в царской России именно алкоголизм наряду с инфекциями являлся одной из главных причин распространения психических заболеваний. Только в Казанской окружной лечебнице, обслуживающей семь волжских губерний, количество душевнобольных по причине алкоголизма составляло около 55% [4, с. 31]. Именно тогда Бехтерев впервые начал вводить в практику лечение гипнозом и написал ряд работ по этому вопросу. Он подготовил и опубликовал в 1892 г. монографию «Проводящие пути спинного и головного мозга». Этот выдающийся труд Владимира Михайловича вышел в свет тогда, когда у подавляющего большинства ученых еще господствовали идеалистические представления о природе психических явлений [4, с. 31].

В Казани В.М. Бехтеревым были также подготовлены и опубликованы такие работы, как «Нервные болезни в отдельных наблюдениях» (в двух томах, 1894, 1899), «Сознание и его границы» (1888), «Классификация душевных болезней» (1891), ряд ценных исследований по физиологии головного и спинного мозга. Они имеют исключительное значение и в настоящее время [4, с. 31].

Владимир Михайлович был доволен своей работой в Казани. Вспоминая тот период, он писал: «...девять лет, проведенные мною в Казанском университете, сослужили мне большую службу и в научном отношении» [4, с. 33]. В.М. Бехтерев также дает высокую оценку трудам учеников: «Исследование это отличается богатством новых крайне интересных научных данных... и, будучи в то же время обставлено многочисленными литературными

ссылками и выдержками, доказывает в его авторах особенную любовь к предмету и хорошую подготовку в области психофизиологической литературы» [3, с. 43].

Примечания

1. Бехтерев В.М. «Неврологический вестник», т. I, вып. 2, 1893.

2. Бехтерев В.М. «Неврологический вестник», т. II, вып. 1, 1894.

3. Болотовский И.С. Казанский период деятельности В.М. Бехтерева как этап в развитии всей последующей деятельности этого выдающегося ученого и в истории отечественной психиатрии. – Тр. Казанского медицинского института. – Казань, 1966.

4. Дмитриев В.Д. Выдающийся русский ученый В.М. Бехтерев. – Чебоксары, 1960.

5. Мунипов В.М. Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения. В.М. Бехтерев. – М.: Медицина, 1969.

6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 8. Педагогические статьи 1860-1863 гг. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1928-1958. – 666 с.

*Д.Г. Семенихин, А.М. Карпов, Р.Р. Набиуллина, О.В. Башмакова,
А.В. Кучаева, И.С. Бурашникова; Россия, Казань*

Действие закона Бехтерева о внушаемости в современном информационном пространстве (клинико-социальные аспекты)

Работы В.М. Бехтерева по социальной психологии и социологии указывают на закономерности, структурирующие социальную активность. Особо важно действие закона о коллективной внушаемости и распространении оккультизма в обществе. Проведенные исследования обнаружили высокую распространенность магифренических компонентов восприятия среди пациентов с гипертонической болезнью и педагогов, а также высокую внушаемость врачей-психиатров, что создает для них опасность стать объектом манипуляции. В связи с этим необходима выработка мер защитного характера при организации медицинского процесса.

Ключевые слова: внушаемость, закон Бехтерева, магифреническая дезадаптация.

*D. Semenikhin, A. Karpov, R. Nabiullina, O. Bashmakova,
A. Kuchaeva, I. Burashnikova; Russia, Kazan*

Effect of Bekhterev's law on suggestibility in the modern information space (clinical and social aspects)

The works of V. Bekhterev on social psychology and sociology indicate the regularities which structure social activity. Particularly important is the law on collective suggestibility and the spread of occultism in society. The conducted studies revealed a high prevalence of magiphrenic components of perception among patients with essential hypertension and teachers, as well as high suggestibility of doctors-psychiatrists, which creates the danger for them to become the object of manipulation. In this regard, it is necessary to develop protective measures in the organization of the medical process.

Key words: suggestibility, V. Bekhterev's law, magiphrenic disorders.

В.М. Бехтерев внес огромный вклад в развитие психиатрии, психотерапии, неврологии. Однако достаточно большое внимание он уделял вопросам взаимодействия людей в обществе и оказанию структурирующего воздействия на направленность поведения больших групп людей. Работы Владимира Михайловича, посвященные вопросам социологии и социальной психологии, были до недавнего времени малодоступными. В них выдвинуты положения, входящие в биопсихосоциальную концепцию, обеспечивающую потенциал развития современной медицины [1]. П.А. Сорокин – один из основоположников современной социологии – писал, что личное общение с Бехтеревым, обучение в Психоневрологическом институте, возглавляемом знаменитым ученым, оказало значительное влияние на становление его научных взглядов [2].

В работах Владимира Михайловича «Коллективная рефлексология» и «Внушение и его роль в общественной жизни» были выделены 23 закономерности, действующие как в неорганическом мире, так и в живой природе, а также переходящие в сферу социальных отношений. Основой их формирования ученый считал энергетический обмен и действие социальных инстинктов. С современных позиций его взгляды близки к теории информационного обмена и аналитической психологии К.Г. Юнга и его последователей [3]. Социальные явления и возможности управления ими всегда привлекали внимание политиков, поэтому данное направление работ Бехтерева пользовалось в то время государственной поддержкой.

Особый интерес представляет выявленная Бехтеревым при проведении коллективной гипнотерапии больных алкоголизмом и анализе массовых психических эпидемий в России того времени закономерность, согласно которой индивидуальная внушаемость прямо пропорциональна числу лиц, относительно которых проводится внушение. Применительно к медицинской деятельности можно сказать, что чем больше аудитория суггестора, тем выше внушаемость суггерентов. Достаточно вспомнить сеансы телепсихотерапии А.М. Кашпировского, хотя в полной мере лечебными данные мероприятия назвать нельзя из-за отсутствия обратной связи между врачом и пациентом. В данной ситуации повышалась внушаемость населения в целом, формировались реактивные состояния, психосоматические заболевания и создавались предпосылки для включения населения в политическую актив-

ность нередко деструктивного характера [4]. Также в период распространения массовых сеансов психотерапии нами неоднократно наблюдалось развитие острых реактивных психозов, приступов бронхиальной астмы, гипертонических кризов у их участников [5].

В.М. Бехтерев отмечал, что активация различного рода мистико-религиозных учений, разнонаправленной политической активности происходит в периоды социальных изменений. Подобные явления до недавнего времени наблюдались и в нашей истории, когда среди социально-стрессовых расстройств получили распространение различные формы магифренической дезадаптации [6], чему способствовала деструкция материалистической идеологии, кризис личностной идентичности с частичной утратой самосознания, нарушения сложившихся отношений своего «Я» и окружающего мира, несоответствия собственного поведения изменившимся нормам и ценностям [7].

В настоящее время, несмотря на снижение интенсивности социального стресса, в силу отсутствия какой-либо основополагающей идеологии различные магические, парапсихологические учения и их элементы стали частью общественного самосознания. Так, по данным «Левада-центра», в потусторонний мир верят 46% жителей России, 35% жителей Франции, 30% жителей Великобритании. По данным института социологии РАН, 61% населения России проявляет интерес к оккультным явлениям для реализации своих мечтаний [8].

Нами проведено анкетирование 110 пациентов с органическим расстройством личности сосудистого генеза (на фоне гипертонической болезни III стадии 3 степени риска IV), проходивших лечение в общесоматическом стационаре. Все они в той или иной степени ощущали последствия социально-стрессовых факторов: снижение материального уровня, кризис личностной идентичности, разочарование в социальных институтах. Выявлено, что 41,8% респондентов посещал представителей парамедицины – «бабушек», колдунов, экстрасенсов. В результате оказания альтернативной помощи 82% больных стали «иначе понимать происходящие события», рассматривая в качестве причин заболевания различное оккультное воздействие – «порчу», «сглаз». Пациенты, получавшие «оккультную терапию», были настроены к психиатрической помощи отрицательно и чаще (в 82,6% случаев) саботировали прием психотропных препаратов, чем больные, не имев-

шие подобного опыта (в 59,4% случаев, $p < 0,05$). Таким образом, наличие в клинике гипертонической болезни элементов магифренической дезадаптации затрудняло лечебный процесс [9].

В рамках профессиональной деятельности врачи и педагоги являются наиболее подверженными влиянию пролонгированных психогений [10, 11]. При этом профессиональный стресс часто накладывается на социальный, что способствует формированию стойких состояний дезадаптации, в том числе магифренического характера. При проведении анкетирования педагогов общеобразовательных учреждений, работающих в Ульяновской области, были выявлены следующие элементы магифренической дезадаптации: из 205 респондентов 60% верили в различные оккультные явления, 38% наблюдали их, 33,6% испытывали оккультные воздействия на себе, 65% считали, что оккультные приемы используются населением для достижения каких-либо целей. По мнению 24% опрошенных, ученики оказывали неблагоприятное парапсихологическое воздействие на педагогов [12].

Проблема внушаемости крайне актуальна в рамках медицинской практики и в равной степени касается как врачей, так и пациентов. Здесь срабатывают факторы повышенной внушаемости, в том числе и выделенные В.М. Бехтеревым. Для получения максимальной прибыли фармкомпания используют различные приемы прямого и косвенного внушения [13, 14]. В частности, более 40% школ пациентов в эндокринологии и школ родственников психически больных пациентов функционируют при поддержке тех или иных фармкомпаний. В рекламе лекарственных препаратов постоянно используются положительные психоактивные образы. Для врачей под эгидой фармкомпаний проводятся обучающие семинары, организуются турпоездки, вечера отдыха. При этом формируются различные ситуации, когда названия фармацевтических фирм и выпускаемых ими препаратов ассоциируются с положительными эмоциями.

Представляет интерес проведенное нами исследование внушаемости врачей различных специальностей с использованием методики, предложенной В.В. Деларю и С.В. Клаучек (1997) [15]. Обнаружено парадоксальное явление, что наиболее низкой является внушаемость у организаторов здравоохранения и врачей хирургического профиля, а наиболее высокой – у врачей-психиатров. При этом воздействие фармпредставителей на продвижение лекарственных препаратов оказывается наиболее высоким [16].

По всей видимости, это связано с профессионально опосредованными особенностями врачей-психиатров: высоким уровнем эмпатии, астенизацией, трудностями в оказании терапевтической помощи некоторым больным, когда идет неосознанный поиск любых возможностей повышения эффективности лечебного воздействия.

Представленные данные говорят о возрастающей актуальности законов социально-психологического взаимодействия, в частности, закона внушаемости в современных условиях массовой коммуникативной активности. По всей видимости, перед организаторами здравоохранения и медицинского постдипломного образования все более очерченной видится задача информационной защиты процесса оказания медицинской помощи. Законы природы и общества не поддаются коррекции, однако знание дает возможность защититься от использования их действия в деструктивном направлении.

Примечания

1. Незнанов Н.Г. Школа В.М. Бехтерева: от психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме / Незнанов Н.Г., Акименко М.А., Коцюбинский А.П. – СПб.: ВВМ, 2007. – 248 с.

2. Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман: пер. с англ. – Сыктывкар: С.Ж. Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. – 304 с.

3. Одайник В. Психология политики. – СПб.: Ювента, 1996. – 382 с.

4. Гримак Л.П. Беречь экологию психической среды человека. Феномен Кашпировского и телепсихотерапия / Под общ. ред. Дубровского Д.Н. и Ярошевского М.Г. – СПб.: Издательство Международного фонда истории науки, 1992. – С. 54-60.

5. Карпов А.М. Психопатологический анализ осложнений сеансов массовой психотерапии и их неотложная коррекция / Карпов А.М., Классен И.А., Жиляев А.Г., Сайфуллина А.К., Макаричиков Н.С., Семенихин Д.Г. // Казанский медицинский журнал. – №5, 1997. – С. 329-331.

6. Дмитриева Т.Б. Психическое здоровье россиян / Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. // Человек. – №6, 2002. – С. 2-8.

7. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / Вопросы философии. – №10, 1994. – С. 112-123.

8. Гудков Л. Мистическая Россия / Ведомости. – №1, 2013. – С. 1.
9. Семенихин Д.Г. Социально-психологические предикторы формирования отношения пациентов с гипертонической болезнью к терапии психопатологических расстройств / Семенихин Д.Г., Башмакова О.В., Карпов А.М. // Неврологический вестник. Т. XL, вып. 2. – 2008. – С. 54-56.
10. Павлова О.А. Пограничные нервно-психические расстройства у работников образования (клинико-динамические и реабилитационные аспекты): автореф. дис. канд. мед. наук. – Томск, 1999. – 19 с.
11. Жура В.В. Виды коммуникативного взаимодействия врача и пациента / Вестник Волгоградского медицинского университета. – №10, 2004. – С. 84-85.
12. Башмакова О.В. Особенности магифренической дезадаптации педагогов / Башмакова О.В., Карпов А.М., Семенихин Д.Г. // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – №3, 2014. – С. 15-17.
13. Бельских И.Е. Реклама лекарственных препаратов в фармацевтическом маркетинге / Бельских И.Е., Кулагина С.В. // Маркетинг в России и за рубежом. – №4, 2010. – С. 12-17.
14. Лузик Е.В. Медико-социальные последствия рекламной деятельности на фармацевтическом рынке России: дисс. к.м.н. – Волгоград, 2006. – 166 с.
15. Клаучек С.В. Разработка скринингового метода для выявления склонности к развитию индуцированных состояний / Клаучек С.В., Деларю В.В. // Психологический журнал, т. 18. – №2, 1997. – С. 123-128.
16. Бурашникова И.С. Особенности отношения врачей-психиатров к проблеме продвижения лекарств / Бурашникова И.С., Семенихин Д.Г. // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – №6, 2014. – С. 45-48.

*А.С. Созинов, Д.М. Менделевич,
И.А. Митрофанов; Россия, Казань*

Роль В.М. Бехтерева в развитии научной психологии в России в Казанский период его деятельности

В статье на основании литературных данных и архивных источников приводится анализ работ В.М. Бехтерева, выполненных в казанский период его деятельности, и их вклада в развитие научной психологии. Описываются направления развития экспериментальной психологии и особенности ее становления в России. На примере казанской психофизиологической лаборатории приведены проблемы внедрения психологии в медицинскую практику.

Ключевые слова: Бехтерев, экспериментальная психология, казанский университет.

A. Sozinov, D. Mendeleovich, I. Mitrofanov; Russia, Kazan

V. Bekhterev's role in the development of scientific psychology in Russia during Kazan period of his activity

The article analyzes on the basis of literary data and archival sources the works of V. Bekhterev performed during Kazan period of his activity and their contribution to the development of scientific psychology. The directions of the development of experimental psychology and the features of its development in Russia are described. The problems of introducing psychology into medical practice are exemplified by the example of the Kazan psychophysiological laboratory.

Key words: V. Bekhterev, experimental psychology, Kazan University.

Психология веками развивалась в русле философии и преподавалась, главным образом, на историко-филологических факультетах университетов и в духовных академиях. «Официальными» психологами считались университетские профессора, философы

и богословы, придерживавшиеся взглядов о субстанциальности психики, ее независимости от материального мира и выступавшие за использование описательно-интуитивных методов ее постижения.

К середине XIX века успехи, достигнутые естествознанием и, прежде всего, развитием физиологии, подготовили почву для разработки альтернативного подхода изучения психологии, а именно – развития экспериментального изучения психических явлений. Главной объективной предпосылкой введения эксперимента в психологию являлась назревшая потребность в точных, экспериментально проверенных результатах психологических исследований человека [1, с. 18-19].

Основоположником экспериментальной психологии считается Вильгельм Вундт (1832-1920) – ученый широких интересов: психолог, физиолог, философ, языковед. С 1862 года на кафедре физиологии он приступил к чтению разработанного им курса лекций «Психология с точки зрения естествознания», в котором изложил программу разработки двух направлений этой науки – экспериментального и социального [2, с. 102]. Уже через год вышла его книга «Лекции о душе человека и животных», а в 1873-74 годах – труд «Основы физиологической психологии», который был переведен на множество языков, в том числе и русский [3, с. 726]. В историю психологии он вошел как организатор первой в мире экспериментальной психологической лаборатории. Ее открытие в Лейпциге в 1879 году и дальнейшее преобразование в специализированный институт наметило систематические экспериментальные исследования психической деятельности человека.

Введение в психологию эксперимента еще не означало переход от интроспекции к объективным методикам исследования. В. Вундт ограничивал применение эксперимента, считая, что предметом опытного исследования могут быть лишь относительно простые явления: ощущения, восприятие, эмоции, память, а область высших психических функций (мышление, речь, воля) эксперименту не доступна и исследуется культурно-историческим методом (через изучение мифов, обычаев, языка и т.п.) [4, с. 8]. Основным методом изучения психики, по мнению В. Вундта, оставалось самонаблюдение, при этом объективные средства исследования применялись лишь для дополнения и уточнения показаний собственных переживаний [2, с. 103; 5, с. 103].

В Лейпцигской лаборатории работали исследователи из разных стран, среди них: Э. Крепелин, О. Кюльпе, Э. Мейман (Германия); Г. Холл, Дж. Кеттелл, Г. Мюнстерберг, Э. Титченер, Г. Уоррен (США); Ч. Спирмен (Англия); Б. Бурдон (Франция) [4, с. 8]. Многие из них, вернувшись на родину, создавали кабинеты экспериментальной психологии по примеру лаборатории Вундта. В ней же прошли стажировку и многие русские психиатры, которые после возвращения организовали первые психологические лаборатории и заложили основы психологии в России [6, с. 9].

В России первая научная программа развития этой науки была разработана И.М. Сеченовым. В своих работах «Рефлексы головного мозга» (1863) и «Кому и как разрабатывать психологию» (1873) он впервые в отечественной психологии поставил задачу развития этой науки как самостоятельной отрасли знания, обосновал необходимость опытного экспериментального метода в познании психических явлений. «Наиболее верным аналитическим и вместе с тем проверочным орудием является опыт (эксперимент)», – писал он. Этот вывод опирался на материалистическое понимание психики как функции мозга, рефлекторной деятельности, что открывало пути ее объективного изучения [7, с. 96-97; 8, с. 434]. В одном из своих писем «отец русской физиологии» сообщал о намерении заняться психологическими опытами и разработать медицинскую психологию, которую называл своей «лебединой песней», но обстоятельства не позволили ему это осуществить [9, с. 12].

Начиная с середины 80-х гг. XIX в. в российских университетах психиатрами стали создаваться экспериментальные психологические лаборатории: в Петербурге – В.М. Бехтерев, Москве – С.С. Корсаков и А.А. Токарский, Харькове – П.И. Ковалевский, Киеве – И.А. Сикорский, Дерпте (совр. Тарту, Эстония) – Э. Крепелин и В.Ф. Чиж и другие. В них велись исследования по различным направлениям экспериментальной психологии: изучалось время протекания психических процессов, проводилось исследование различных видов ощущений, восприятия, двигательных реакций, памяти, внимания, эмоций, влияния различных условий на умственную и мышечную работоспособность и прочее [10, с. 112].

Врачи-психиатры стояли у истоков создания экспериментальной психологии в России не случайно. Быстро развивающаяся медицина, в частности психиатрия, стремилась ввести в меди-

цинскую практику диагностику психических заболеваний, основанную на точных результатах экспериментальных исследований, анализа психопатологических явлений и определения эффективности терапии. Поэтому первые экспериментальные психологические лаборатории, возникнув в России в конце XIX столетия при психиатрических клиниках, были нацелены на решение практических медицинских задач [1, с. 19]. Первой в России (и второй в Европе после лаборатории В. Вундта) стала «психофизиологическая лаборатория и лаборатория для изучения тонкого строения мозга», созданная В.М. Бехтеревым в Казани [7, с. 96].

В XIX веке Казанский университет считался крупным научным центром в России. К приезду Бехтерева в городе уже существовали первоклассные школы гистологов, анатомов, физиологов. Одновременно с И.М. Сеченовым изучением проблем психофизиологии в Казанском университете занимался профессор Н.О. Ковалевский. В 60-70-х гг. XIX столетия его физиологическая лаборатория считалась крупнейшим центром изучения физиологии кровообращения в России. Особую известность приобрели проводившиеся ученым исследования сосудодвигательной системы, рефлекторного взаимодействия между дыханием и кровообращением. В лаборатории Ковалевского велись исследования по широкому кругу проблем, одним из приоритетных было изучение нервной системы: гуморальные механизмы передачи возбуждения в вегетативной нервной системе, периферические рефлексы [11, с. 111-112].

Изучая физиологию нервной системы, Н.О. Ковалевский не мог обойти стороной и ее отношение к психическим процессам. После прочтения в 1875 году доцентом философии А.И. Смирновым актовой речи о независимости психологии и физиологии и о том, что душевную деятельность нельзя познать, профессор Ковалевский выступил со своей речью, которую прочитал через год на том же собрании Казанского университета. Назвав ее «Как смотрит физиология на жизнь вообще и психическую в особенности», он отметил, что «психическая деятельность без материального субстрата невозможна». Критикуя представления виталистов о существовании эфемерной «жизненной силы», которой приписывалась регуляция всех происходящих в организме явлений, ученый объяснял природу психических явлений физиологией нервной системы. Закончил Ковалевский свою речь словами о необходимости развития объективных методик исследования

функций мозга: «Мерительными способами боролась физиология с витализмом в физических явлениях в жизни организма... мерительными способами ей суждено рассеять мрак, господствующий в понимании психических процессов... Надо только настойчивый труд – и язык чисел откроет перед нами таинственную работу мозга» [12, с. 159-173].

Это выступление стало началом острой полемики. С критикой взглядов Ковалевского выступил доцент А.И. Смирнов, заявивший, что «мнение о материальности психической жизни не просто не доказано, а просто невысказано». В петербургском еженедельнике «Церковный вестник» вышла заметка, автор которой обвинил Н.О. Ковалевского в пропаганде крайнего материализма: «Фантасмагория заявлялась публично и перед юношеством». Поддержал ученого его ассистент физиолог И.М. Шумков, опубликовав ответную статью «К вопросу о психической жизни», где выразил свое полное согласие с мнением учителя [13, с. 58-60].

Материалистические взгляды Ковалевского, в которых процесс психической деятельности объяснялся с позиции условного рефлекса как основа сознательных произвольных движений, дали возможность объяснить формирование таких психических явлений, как воля, ощущение, память, воображение и т.д. В своей речи профессор подчеркнул, что в психической деятельности человека «одно только свойство остается невыясненным... что касается сущности его, то физиология не в состоянии ответить на этот вопрос». Этим свойством он назвал сознание. Н.О. Ковалевский отметил, что «сознание, не есть сила (жизненная сила в представлении философов), но лишь свойство нервных процессов, проявляющееся при известных определенных условиях... Будет ли сознание когда-либо выведено из известной формы или величины материального движения – мы не знаем» [12, с. 171-173].

Через 12 лет на ежегодном собрании Казанского университета с актовой речью «Сознание и его границы» выступил В.М. Бехтерев. Его доклад стал обобщением результатов экспериментальных исследований, выполненных в психофизиологической лаборатории, и был впоследствии опубликован в виде отдельного оттиска. Представляя сознание человека как многоуровневое полиструктурное образование, Владимир Михайлович выделил ряд уровней его развития, их взаимосвязь и этапы формирования в ходе онтогенеза [14, с. 72]. Опираясь на экспериментальные данные, он выделил две группы факторов: объективные свойства

сигналов и индивидуально-личностные особенности испытуемых. «Наблюдение показывает – писал Бехтерев, – что процесс введения представлений в сферу ясного сознания зависит только частично от внешних условий, иначе говоря, от объективных качеств подействовавшего на нас внешнего впечатления, главнейшим же образом – от внутренних условий» [15, с. 198; 8, с. 438]. Знаменитый психоневролог подверг критике всякого рода умозрительные, абстрактные теории, трактующие процесс сознания и методы его изучения. Решение этого вопроса Бехтерев видел в объективных наблюдениях реальной жизни, клинических факторов и экспериментально-психологических данных, полученных в лаборатории [15, с. 202].

В лаборатории Владимира Михайловича кроме самого профессора исследования в области экспериментальной психологии занимались еще несколько его учеников: М.К. Валицкая, выполнившая психометрические исследования больных прогрессирующим параличом; студенты П.А. Останков и М.М. Гран, изучавшие скорости психических процессов в разное время дня у здоровых испытуемых (эта работа на конкурсе медицинского факультета была удостоена золотой медали; В.М. Бехтерев сказал, что она ознаменовала «зарождение психометрии как части новейшей физиологической психологии» [16, л. 18-25]); другая пара студентов – Е.А. Геника и Б.И. Воротынский – изучала течение психических процессов у лиц, находящихся в состоянии гипноза.

Из названных студентов трое стали профессорами (двое психiatрами, один гигиенистом), заведовали кафедрами в российских университетах. Но никто из них не продолжил исследования по экспериментальной психологии в качестве диссертационной работы: после окончания вуза они продолжили работу в казанской лаборатории, но занялись разработкой других областей исследования психоневрологии. Наиболее вероятной причиной этого мы считаем сложности с защитой диссертационных работ по экспериментальной психологии.

Создание лабораторий при медицинских кафедрах шло вразрез с представлениями «официальных психологов» о месте их дисциплины среди других наук. Главными ее представителями в России считались университетские профессора психологии А.И. Введенский, А.И. Смирнов, М.Н. Лопатин и другие философы-идеалисты, считавшие психику человека субстанцией, независимой от материального мира. Они придерживались схоластичес-

ких описательных методов ее постижения [8, с. 435]. Это противоречие привело к тому, что долгое время во многих университетах как в России, так и в Европе работы по экспериментальной психологии не принимались в качестве диссертационных. Такое положение дел не могло не сказаться на выборе молодыми врачами направления своей научной работы. Об этом с сожалением писал В.Ф. Чиж (1894), отметив, что в большинстве случаев как зарубежные, так и отечественные лаборатории опытной психологии «имеют лишь немногих случайных сотрудников». По литературным данным [3, с. 726; 17, с. 4], в России лишь Юрьевский университет (совр. Тартуский в Эстонии) добился права принимать работы по экспериментальной психологии в качестве диссертации на степень доктора медицины.

По оценке В.Ф. Чижа, возглавившего эту лабораторию после Э. Крепелина, именно в ее стенах было выполнено наибольшее количество работ по экспериментальной психологии в России, тогда как в других вновь созданных лабораториях основное внимание уделялось изучению не столько психологии, сколько анатомии и физиологии нервной системы. Не стала исключением и лаборатория, созданная В.М. Бехтеревым в Казанском университете. Так, за первые восемь лет ее существования профессором и его учениками здесь были выполнены и опубликованы 34 научных работы, посвященных различным разделам изучения нервной системы [16, с. 41-44]. Среди них лишь четыре были посвящены экспериментальной психологии, но ни одна из них, несмотря на научную ценность полученных результатов, не получила в казанской лаборатории дальнейшего развития.

В.М. Бехтерев придавал большое значение разработке объективных методов изучения психологии. Исходя из положения о единстве наук о мозге, целью ученого было объединение различных разделов психоневрологии: нейрохирургии, невропатологии, физиологии и психологии в целях исследования человеческой личности в ее здоровых и болезненных проявлениях [14, с. 72]. В своих работах он высказывал принцип единства теории, эксперимента и практики: «То, что вырабатывается в кабинетах и лабораториях, применяется затем у кровати больного и, с другой стороны, то, что наблюдается у кровати больного, служит предметом лабораторных исследований» [19, с. 9-13].

А.Ф. Лазурский (1925) охарактеризовал состояние психологической науки к концу XIX века как «сильнейший разброд науч-

ной мысли, расколовшийся на множество отдельных направлений». Среди описываемых психологических систем, созданных Эббингаузом, Штумпфом, Бинэ и другими, одним из наиболее популярных было учение В. Вундта, имевшего много последователей, в том числе и в России [20, с. 12].

В.М. Бехтерев считал неэффективным метод «улучшенного самонаблюдения» В. Вундта, который исследовал только здоровых людей, а экспериментальные методики применял как дополнение к самонаблюдению. Сам Владимир Михайлович основным методом в психологии считал наблюдение за поведением человека и ввел в практику системный подход к его изучению, используя сравнительный метод анализа объективно полученных данных. Сопоставление этих данных, полученных в условиях эксперимента с наблюдением, и посмертных гистологических исследований позволяло изучить закономерности психических явлений, превратив тем самым психологию из науки «описательной» в «объяснительную» [5, с. 103-104]. Именно эти взгляды нашли отражение в создании нового направления – объективной психологии, а позднее рефлексологии.

Стремление Бехтерева поставить психологию на службу медицинской практике и использовать ее экспериментальные методы для диагностики психических заболеваний во многом определило направление ее дальнейшего развития в трудах самого ученого и исследованиях его учеников.

Примечания

1. Кольцова В.А. Психология в России начала XX века. Предреволюционный период / Психологическая наука в России XX столетия проблемы теории и истории // Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 576 с.

2. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. – М., 1996.

3. Ред. статья. По поводу письма проф. В.Ф. Чижа / Вопросы философии и психологии; кн. 25. – М, 1894. – С. 724-730.

4. Коновалова М.Д. Экспериментальная психология. – М.: Высшее образование, 2009. – 180 с.

5. Степанова Е.И. В.М. Бехтерев и комплексное изучение человека / История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. – М.: Наука, 1990. – 213 с.

6. Чудиновских А.Г. О роли профессоров кафедры душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии и их учеников в становлении медицинской психологии и психотерапии в России / Вестник психотерапии. – №26 (31), 2008. – С. 9-22.

7. Будилова Е.А., Кольцова В.А. 100-летие первой русской экспериментальной психологической / Вопросы психологии. – №6, ноябрь-декабрь 1985. – С. 96-103.

8. Ломов Б.Ф., Кольцова В.А., Степанова Е.И. Очерк жизни и научной деятельности Владимира Михайловича Бехтерева / В.М. Бехтерев. Объективная психология (Памятники психологической мысли). – М., 1991.

9. Зейгарник Б.В., Белозерцева В.И. Патопсихология. – М.: Издательство Московского ун-та, 1986.

10. Ждан А.Н. История психологии: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.

11. Маликов Р.Ш. Периодизация этапов развития психологического образования в Татарстане / Молодой ученый; т. 2. – №11, 2010. – С. 111-114.

12. Ковалевский Н.О. Как смотрит физиологий на жизнь вообще и на психическую в особенности (Речь, произнесенная в торжественном годовичном собрании Императорского Казанского университета 5 ноября 1876 года) / Актовые речи: от медицинского факультета до Медицинского университета (1814-2014) // Под ред. А.С. Созинова, В.Ю. Альбицкого. – Казань: Медицина, 2014. – С. 159-173.

13. Болотовский И.С. Развитие научной психиатрии и состояние психиатрической помощи в г. Казани, б. Казанской губернии и Татарской АССР: канд. дисс. – Казань, 1965.

14. Кольцова В.А. Особенности экспериментального подхода в отечественной психологии / История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. – М.: Наука, 1990. – 213 с.

15. Бехтерев В.М. Сознание и его границы (Речь, произнесенная в день годовичного акта Императорского Казанского университета 1888 г.) / Актовые речи: от медицинского факультета до Медицинского университета (1814-2014) // Под ред. А.С. Созинова, В.Ю. Альбицкого. – Казань: Медицина, 2014. – С. 197-210.

16. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 977, оп. Медфак, д. 1937, л. 18-25.

17. Будилова Е.А. Начало экспериментальной психологии / Психологический журнал, 1985. – Т. 6, №4. – с. 3-11.
18. Bekhterev. Le laboratoire psychophysiologique de l'Universite Imp. de Kazan / В кн.: Congres Internationale de Zoologie; т. III. – М., 1892. – S. 36-44.
19. Бехтерев В.М. О современном развитии неврологических знаний и значении в этом научных обществ / Неврологический вестник, – т. 1, 1893. – С. 1-13.
20. Выгодский Л.С. Предисловие / А.Ф. Лазурский. Психология общая и экспериментальная. – Л., 1925. – 290 с.

Образ В.М. Бехтерева в изобразительном искусстве России

В статье анализируется образ знаменитого психоневролога в скульптуре и живописи, особенности передачи характера ученого в его изображениях.

Ключевые слова: Бехтерев, скульптура, живопись, образ, изобразительное искусство.

D. Khisamova, Russia, Kazan

Image of V. Bekhterev in the fine arts of Russia

The article analyzes the image of the famous psychoneurologist in sculpture and painting, especially the reflection of the scientist's personality in his images.

Key words: V. Bekhterev, sculpture, painting, image, fine arts.

За всю историю своего развития человечество рождало много великих талантливых личностей, оставивших неизгладимый след в искусстве, культуре, науке, политике. Великие литературные произведения, открытия в науке и технике, эпохальные события войны и мирной жизни находили отклик в создании произведений, отражающих личность автора, эпоху, события. В каждой области знаний появлялись личности, в последующем становившиеся каноническими, превращавшимися в символ эпохи, знак времени, а их творения также становились объектом художественного воплощения в живописи, скульптуре, литературе, театре, музыке.

В создании иконографии тех или иных образов в изобразительном искусстве главное место занимает роль личности в истории страны, региона, города, области знаний. Основное значение имеет привязка к истории того или иного региона. Так, в истории Татарстана выдающуюся роль сыграли писатели и поэты, связанные с нашим краем. Их образы запечатлены в произведениях живописи, монументальной скульптуры: Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, А.М. Горький, из татарских писателей – Г. Тукай, М. Джалиль. Огромное количество памятников посвящено

героям революции и Великой Отечественной войны, труда, в том числе и в Татарстане – часто это обобщенные ансамбли, персонафицированные монументы (М. Вахитову, М. Джалилю), ученым (Котельникову, Дементьеву). В постсоветский период появились памятники, посвященные деятелям духовной культуры – Кул Гали, обобщенный монумент «Хоррият», в ближайшей перспективе для Казани – установка памятников Ш. Марджани, писателю Х. Такташу, композитору Р. Яхину. Усматривается тенденция пристального внимания художников к образам духовной культуры: на фоне обширной установки памятников героям уделяется внимание и образам ученых – Н. Лобачевского, К. Фукса, А. Бутлерова, Д. Стахеева, художников – И. Шишкина, Б. Урманче. Среди этих колоссальных, могучих фигур, оказавших значительное влияние на развитие разных областей знаний и культуры, зримо встает фигура академика Владимира Михайловича Бехтерева – русского психиатра, невропатолога, физиолога, психолога, основоположника рефлексологии и патопсихологического направления в России, с именем которого очень тесно связана история нашего края.

Круг образов, которые воплощались в изобразительном искусстве, часто диктовался личными контактами художника и модели, но в основном – если речь идет о скульптуре, особенно монументальной, – увековечению подлежали личности, биографически и исторически привязанные к истории того или иного региона. Биография великого ученого Владимира Бехтерева очень четко подразделяется на два больших этапа – казанский и петербургский, не считая раннего периода жизни, связанного со временем обучения в Петербурге и четырехгодичной стажировкой в странах Европы. Казанский период его жизни и деятельности охватывает 1885-1993 годы, петербургский – 1893-1927-й (до конца жизни). Не углубляясь в страницы биографии знаменитого психоневролога, необходимо отметить, что его иконография (к сожалению, немногочисленная), сложилась в изобразительном искусстве России на основе этих двух главных этапов жизни Владимира Михайловича.

Осенью 1885 году Бехтерев приступил к работе в Казанском Императорском университете. Он реорганизовал кафедру психиатрии, при которой вскоре основал первую в России психофизиологическую лабораторию. В казанский период жизни Владимир Михайлович обогатил науку открытиями в области анатомии и

физиологии различных структур головного и спинного мозга. Эти исследования были обобщены в его первой монографии «Проводящие пути спинного и головного мозга» (1893), первое издание которой было осуществлено в Казани. В 1892 году Бехтерев стал инициатором создания Казанского неврологического общества, а в 1893-м основал журнал «Неврологический вестник», редактором которого был многие последующие годы. Необходимость постройки психиатрической клиники при Казанском университете возникла с самого начала создания медицинского факультета в 1814 году. Эта идея вновь зазвучала уже как вполне реализуемый проект из уст В.М. Бехтерева – при том, что в Казани в 1869 году была открыта Окружная психиатрическая больница, находившаяся в то время за городской чертой; ее в 1885-1893 годах возглавлял сам ученый.

В сентябре 1888 г. Бехтерев внес на рассмотрение заседания медицинского факультета подробную записку, где активно поднимал вопрос об устройстве специальной психиатрической клиники университета «внутри Казани», которая могла бы стать базой для учебного процесса. В записке он отмечал также, что удаленность от университета Окружной лечебницы, расположенной по Сибирскому тракту, создает большие трудности для преподавания психиатрии студентам-медикам. Идею своего учителя известному профессору В.П. Осипову удалось реализовать лишь в начале XX века. Архитектором здания новой клиники в стиле модерн стали И.И. Брюно и С.В. Бечко-Друзин, строительство было завершено к 1914 г. С 2007 г. клиника носит имя В.М. Бехтерева.

Фактически Казань стала тем самым цементирующим фундаментом во всей последующей великой научной деятельности Бехтерева. Поэтому образ ученого именно в расцвете физической молодости и зрелости, времени профессионального успеха запечатлен в его бюсте, установленном в Казани в 2005 г. в сквере на улице Волкова напротив психиатрической больницы. Автором скульптуры в бронзе стал известный ташкентский и казанский скульптор Махмут Гасимов [1].

Работа любого художника, работающего над созданием образа той или иной личности, если она выполняется не в личном общении и не в создании натуральных зарисовок, начинается с изучения иконографического материала, запечатленного в фотографиях, рисунках, воспоминаниях современников. Так художник постепенно входит в эпоху, время, окружение, тот исторический контекст

кст, ощущение которого необходимо для создания правдивого, характерного, узнаваемого образа.

Гасимов обратился к обширному, широко известному кругу фотографий Бехтерева казанского периода деятельности. Скульптор, прошедший академическую выучку на скульптурном отделении Ташкентского художественного института, которое было основано в 1952 году Баки Урманче, продолжил образование на стажировках в Институте имени И.Е. Репина, участвовал в многочисленных симпозиумах по скульптуре в Узбекистане и республиках Прибалтики в 1970-80-е годы. Лаконичная, несколько жесткая лепка большими, локальными массами, которая призвана показать целеустремленного, сосредоточенного, молодого, но уже завоевавшего весь мир своими открытиями ученого, очень выразительно отражена в работе Гасимова. Строго фронтальная посадка головы, глубокая мысль таится в опущенных глазах, весь образ наполнен содержательным началом. В том же году скульптор создал и открыл мемориальную доску, посвященную В.М. Бехтереву и установленную на здании бывшей Окружной больницы на ул. Ершова.

26 сентября 1893 г. В.М. Бехтерев был приглашен в Петербург, где возглавил кафедру душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии и стал директором клиники душевных болезней Клинического военного госпиталя, на базе которого располагалась кафедра. Здесь продолжались исследования, начатые еще в Казани и завершившиеся изданием в 1903-1907 монографии «Основы учения о функциях мозга» в семи частях.

В 1913 г. семья Бехтерева поселилась в собственном доме на Каменном острове. Кроме того, они имели дачу «Тихий берег» на берегу Финского залива в Куоккале, где проводили воскресные, праздничные дни и все лето. Неподалеку от дачи находились «Пенаты» – усадьба знаменитого художника И.Е. Репина (1844-1930), которого нередко посещал Владимир Михайлович. В конце XIX века многие деревни Карельского перешейка захлестнул «дачный бум». Здесь до революции насчитывалось 68 дач и вилл петербуржцев. Самыми известными из дачевладельцев были художник Валентин Серов, писатели Леонид Андреев и Корней Чуковский. По воспоминаниям дочери ученого Марии, они с отцом ездили к Репину на лошадях вдоль залива по сыпучим пескам раза два за лето и обязательно на Ильин день.

Репина и Бехтерева связывали дружеские отношения, которые особенно активно развивались во время многолетнего соседства по даче. Это отражено в их переписке, в строках писем которой сквозит беспредельное взаимное уважение. Летом 1913 года И.Е. Репин написал знаменитый портрет Бехтерева, хранящийся в Русском музее (его авторская копия находится в мемориальном музее В.М. Бехтерева при Психоневрологическом институте).

1913 год стал в судьбе Владимира Михайловича драматическим. Это связано с тем, что он в результате гонений и травли со стороны министерства просвещения был вынужден подать в отставку с поста директора основанного им Психоневрологического института. В такие дни, полные переживаний, Репин глубоко сочувствовал психоневрологу, писал ему письма поддержки, старался словом и участием утешить друга, вынужденного покинуть собственное детище – свой институт. В одном из писем, адресованных ученому, художник высказывает все свое уважение, сочувствие на правах близкого друга: «За все долгое время, что мы не видели Вас, мысли наши не отставали от Вас. Чувствовали и мы все Ваши беспокойства и... все несправедливости невежественно осмелевшего рока на Вашу долю... И вдруг – какое огорчение! Вы приехали к нам, когда мы еще не возвратились!.. Прошу присовокупить наши чувства к тем многочисленным добрым порывам всех сердец, горячего сочувствия к Вам! Искренне преданный Вам Илья Репин. 312 октября 1913 г. Куоккала» [2].

Репин всегда был верен одному из главных принципов своего творчества – его картины обращались к «массовому» зрителю, смело вмешивались в идейные споры, в лучшем смысле этого слова отвечали «злобе дня». Для Репина жизнь, сама действительность в ее поразительных противоречиях была величайшим источником творческого вдохновения. Ее он воспринимал страстно, темпераментно, с несравненной эмоциональностью.

Принципы своей работы Репин сформулировал на страницах книги «Далекое близкое»; в их основе «материя как таковая»: «Мне нет дела до красок, мазков и виртуозности кисти, я всегда преследовал суть: тело как тело...» Он отвергал «акробатику кисти, живописность ради живописности» и готов был вслед за Крамским повторять, что «драгоценнейшее качество художника – сердце». Свой реализм Илья Ефимович называл «простонародным», подчеркивая, что попытки сфальшивить ему никогда не

удавались: его кисть, по словам Корнея Чуковского, «была правдивее его самого».

Во время работы над портретами художник, по собственному признанию, «на короткое время влюблялся» в натуру, изучал книги изображаемых писателей, слушал музыку композиторов, знакомился с их произведениями, созданными в литературе или науке, наизусть воспроизводил большие цитаты из стихотворений поэтов – это был недолгий, но обязательный «медовый месяц» Репина с людьми, чьи образы он создавал, подобную страстность исследователи называли «профессиональной целесообразностью». Кистью он работал практически вслепую, стараясь не отрывать взгляда от сидящего перед ним человека: руки сами выхватывали нужную кисть, смешивали краски в должных пропорциях, а он и не замечал всей этой технологии творчества, так как она стала для него подсознательностью.

Портрет Владимира Михайловича Бехтерева кисти Репина несет в себе первозданность натуры. И основная его ценность состоит в том, что художника и модель связывали живые, очень личные отношения, поэтому в натурном портрете живописцу удалось открыть для зрителя душу ученого. Портрет написан в светлых, струящихся, наполненных воздухом и солнечным светом тонах. Ученый сидит в полуобороте от кромки письменного стола и весь облик его отражает тот момент, когда он ненадолго оторвался от своих серьезных занятий наукой. Портрет дышит пленэром, в котором автор отошел от характерной ему линии передвижнического академического портрета. Ученый изображен в интерьере, в котором присутствует большое количество деталей, призванных рассказать многое о человеке.

Психоневрологический институт создавался Бехтеревым в 1903-1907 гг. Собственное здание института было построено в 1911 г. по проекту архитектора Р.Ф. Мельцера за Невской заставой. После событий революции 1917 г. Владимир Михайлович вновь возглавил свой институт, продолжил исследования в области человеческого мозга. Жизнь ученого неожиданно и скоропостижно оборвалась в 1927 г., и обстоятельства его смерти до сих пор полны загадок. Тело было кремировано и не предавалось земле вплоть до 1970 г. Забвение самой жизни и величайших открытий Бехтерева продолжалось в течение 30 лет, и лишь к его 100-летию, которое совпало с «оттепелью» второй половины 1950-х гг., пришло возрождение имени и заслуг ученого. В 1957 г. ули-

цу, на которой расположен Психоневрологический институт, называли улицей Бехтерева, в 1960 г. перед главным зданием института прославленный скульптор М.К. Аникушин поставил памятник, а на здании была помещена мемориальная доска: «Основатель Психоневрологического института академик В.М. Бехтерев работал здесь с 1908 по 1927 г.». С 1925 г. институт носит имя ученого.

Единственным в советской России художником, работавшим над образом знаменитого психоневролога, был именно Михаил Аникушин [3]. Монументальный образ Владимира Михайловича – оригинальное произведение, глубоко продуманное композиционно и пластически. Скульптор создал мужественный образ ученого, романтизируя его духовную силу. Раскрывая личность Бехтерева, художник акцентировал черты, определяющие волю, сосредоточенность мысли. Это достигнуто суровым, но вместе с тем глубоко эмоциональным пластическим языком и монолитными формами. Моделировка портрета дается крупными, обобщенными плоскостями, отобрано лишь самое необходимое. Здесь найдено оптимальное пластическое решение в наклоне и повороте головы. Архитектор Ф.А. Гепнер, нашедший архитектурное решение памятника, связал бронзовую скульптуру с гранитным пьедесталом.

В 1972 году Аникушин приступил к работе над надгробием великого физиолога. Модель – монументально трактованная голова Бехтерева, отличающаяся высокими художественными качествами, – была вылеплена в размер сооружения, отлита в бронзе и установлена в 1974 году на Волковом кладбище в Ленинграде. Архитектором также стал Гепнер. В 1992 году, к 135-летию со дня рождения Владимира Михайловича, на бывшей финской даче Бехтерева «Тихий берег» был установлен памятник работы Аникушина – один из вариантов, над которыми скульптор работал в 1960-е годы.

Еще один скульптурный образ академика создан совсем недавно в Елабуге в 2007 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения Бехтерева. Сама камерность старинного купеческого города подсказала авторам – скульпторам Владимиру Демченко и Александру Головачеву – подход к осуществлению замысла: их памятник Владимиру Михайловичу соразмерен человеку и архитектуре города. Это соответствие обусловлено размерами и скульптуры, и постамента. Эффект воздействия памятника – в

приближении к зрителю и поэтической интонации. Архитектонический принцип его построения основывается на точности масштабов, благодаря чему скульптура сочетается не только с архитектурными элементами в самом памятнике, но и активно входит в окружающую среду, соотносится с городской застройкой.

Этот образ ученого отходит от классического монументально-го образа, созданного гением Аникушина. В Елабуге он органично входит в пространство среды. Не случайно фигура Бехтерева композиционно располагается на низком плинте, который не возвышается относительно пространства, а находится в одном ареале – такой прием вхождения скульптуры в человеческое пространство стал характерным для последней четверти XX – начала XXI вв. Фигура посажена на скамью, рядом с которой есть место любому желающему: он может остановиться, присесть рядом, заглянуть в книгу, которую так увлеченно изучает физиолог. Скульптура вылеплена академически безукоризненно, что создает органичное пространство перед уникальным и оригинальным елабужским Музеем уездной медицины, также посвященным знаменитому ученому и земляку Владимиру Михайловичу Бехтереву.

Примечания

1. Махмут Гасимов. Каталог персональной выставки заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан / Составитель и автор вступительной статьи Д.Д. Хисамова. – Казань, 2007. – С. 7.

2. Новое о Репине. Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Публикации. – Л.: Художник РСФСР, 1969. – С. 38.

3. А.И. Замошкин. Михаил Константинович Аникушин. – Л.: Художник РСФСР, 1979. – С. 103-104.

Концепция храма-памятника на родине В.М. Бехтерева (проблемы музеефикации)

В статье рассматривается идея реставрации и перевода в разряд музейных объектов Петропавловской церкви в родном селе знаменитого ученого – памятника культовой архитектуры начала XIX века.

Ключевые слова: Бехтерев, храм, музей, памятник архитектуры.

A. Komissarov, Russia, Naberezhnye Chelny

Concept of a temple-monument in the Homeland of V. Bekhterev (the problem of museification)

The article deals with the idea of restoration and transfer to the category of museum objects of the Peter and Paul Church in the native village of the famous scientist - a monument of cult architecture of the beginning of the XIX century.

Key words: V. Bekhterev, temple, museum, architectural monument.

В последние десятилетия проблема сосуществования культовых зданий и музеев приобретает все больше сторонников. Об этой теме активно говорят и много пишут как в музейной среде, так и в церковных кругах¹. Существует целое направление в музейном деле, получившее название «музеефикация», которое определяют как направление музейной деятельности по охране памятников – преобразованию историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности и включения в актуальную культуру.

¹ Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие советской власти. – М., 2000.; Каулен М.Е. Музей или храм? / Музейная экспозиция. – М., 1997.

В настоящее время специфическими объектами музеефикации являются памятники культовой, в том числе храмовой архитектуры. Как известно, сегодня в Российской Федерации подавляющую часть подобных объектов составляют памятники православного наследия. Основная часть музейных объектов – памятников мусульманской культовой архитектуры – сосредоточена в республиках Татарстан и Дагестан.

К сожалению, понятие «музей» многие авторы до сих пор ограничивают лишь небольшими объектами, которые можно переставлять и перевозить. А недвижимые памятники зачастую не рассматриваются как музейные объекты. Хотя именно музеефикация сегодня признается как оптимальный путь сохранения и использования памятника, поскольку в большинстве случаев памятники не изымаются из своего окружения и не перемещаются, но превращаются в музеи непосредственно на месте существования. Таким образом, музеефицированное наследие остается связанным со своим краем, обществом и средой бытования. Его ценность неизмеримо падает при изъятии и переносе в другое место, когда рвутся сложившиеся исторические связи. В то же время сами памятники являются основой формирования культурно-исторической среды региона, самоидентификации местного социума. И для этого сообщества музеефикация даже не столь значительных в масштабах страны культурных ценностей приобретает огромное значение, более того, грамотно музеефицированные памятники раскрывают значение региональной культуры в более широком масштабе.

Одной из форм музеефикации является концепция храма-памятника, т.е. такого архитектурно-художественного музея, который создается на основе единичного культового здания, и при этом должен использоваться совместно музеем и церковью. В современном мире уже существует множество подобных примеров. Так, в Республике Татарстан успешно реализуется проект «Остров-град Свияжск», где «под одной крышей» разместились православный монастырь и музей под открытым небом.

Как показывает опыт, синтез духовного и исторического наследия может активно использоваться в музейном деле и иметь спрос в обществе. Например, неподдельный интерес вызвало у автора статьи посещение усадьбы известного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова на его родине, в селе Аксаково. Небольшой населенный пункт стал местом притяжения самых

разных групп населения: литературоведов, библиофилов, почитателей таланта писателя, туристов и верующих людей. Практически на пустом месте была воссоздана усадьба С.Т. Аксакова (она сгорела в начале XX века), разбит сад, посажен газон, отреставрирован действующий православный храм, установлен памятник, к комплексу имеются удобные подъездные пути, есть стоянка для автомашин. Создано уникальное поле деятельности для ученых, краеведов, литераторов.

С учетом изложенного нами предложена концепция музеефикации, которую можно реализовать в селе Бехтерево Елабужского района, ее центральным объектом мог бы стать Петропавловский храм – одно из старейших культовых зданий района, построенное в 1800 году на средства владельца местного медеплавильного завода, выходца из Тульской области Семена Красильникова. Именно здесь 23 января 1857 года был крещен великий ученый и прославитель отечественной науки, академик с мировым именем Владимир Михайлович Бехтерев.

В Петропавловской церкви служил и первый летописец города Елабуги П.Н. Кулыгинский. Небезынтересна также современная история здания: она отмечена именами священника Чистосердова – главы огромного семейства, краеведа, косвенно пострадавшего за веру, и репрессированного священника Николая Грахова – что является наглядной иллюстрацией богоборческой эпохи. В настоящее время храм принадлежит Русской православной церкви, является действующим. Однако его небольшая община не в силах самостоятельно провести восстановительные и реставрационные работы. В этих вопросах помощь может быть получена только со стороны руководства района и республики.

В церкви сохранились и некоторые реликвии, в их числе старинное чугунное надгробие жены Г.С. Красильникова, датированное 1761 годом, и надгробие умершей в 1855 году сестры В.М. Бехтерева Марии. Отметим, именно в доме, принадлежавшем потомкам Красильниковых, жила семья Бехтеревых, и место, где стояло это здание, сохранилось. Помимо того, на местном кладбище также имеется множество старинных надгробий, которые нуждаются в идентификации и описании, и могут составить целый пласт сельской некрополистики.

Само село Бехтерево знаменито еще и тем, что его посещали историки В.Н. Татищев и Н.П. Рычков, бунтарь Е. Пугачев. Одно время в селе проживали пленные шведы, работавшие на Семена

Красильникова. Сохранились и другие свидетельства деятельности этого промышленника – места на реке Каринке, где стояли плотины медеплавильного завода. Воссоздание и имитация подобного производства, существовавшего уже в начале XVIII века, могли бы стать замечательной иллюстрацией положения индустриального дела в России 300 лет назад.

Нами была проведена большая работа по созданию свода истории села Сарали (такое название носило Бехтерево до 1957 года) – объемный труд, который мог бы послужить основой концепции музеефикации целого населенного пункта. Также мы работали с помощью профессиональных архитекторов проект восстановления Петропавловского храма, для реализации которого необходимо определиться с источниками финансирования.

Наконец, нами был разработан проект постройки при храме многофункционального здания, которое мы предлагаем назвать «Бехтерев-центр». В нем мог бы расположиться сельский музей великого ученого, музей истории храма и истории села. Здесь могли бы собираться ученики воскресной школы, члены «Бехтеревского врачебного общества»... На базе центра станет возможным проведение интерактивных выставок, конференций, симпозиумов, встреч, лекций и семинаров по проблемам духовного и душевного здоровья и вопросам взаимодействия церкви и научного сообщества в деле сохранения психического здоровья населения. В стенах «Бехтерев-центра» могли бы вести прием специалисты самых разных направлений: православные врачи, психотерапевты, психологи и другие.

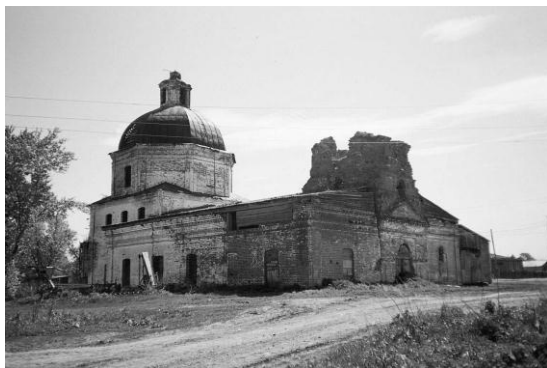
Считается, что в процессе музеефикации памятник культовой архитектуры теряет по сравнению с действующим храмом в эмоциональности, духовности и воспринимается более холодным и рациональным. В нашем случае, как уже говорилось, Петропавловский храм в селе Бехтерево является действующим, и останется таковым после возможного восстановления и включения в музейный комплекс. Тем не менее, при экспонировании в храме и снаружи необходимо реконструировать не только архитектурные формы и убранство интерьера, но – хотя бы частично – атмосферу его эмоционального воздействия.

Современное существование Петропавловской церкви в полуразрушенном виде, с примитивным печным отоплением лишь в одном из приделов вызывает опасность исчезновения этого памятника как особого типа музея со своеобразной историей, тра-

дидиями. Это стало бы невосполнимой утратой для музейного мира России и культуры в целом. В сложившейся ситуации храм-памятник в селе Бехтерево требует бережного сохранения и развития, главным образом, как пример будущего удачного опыта совместного использования культовых памятников музеем и общиной верующих. В данной ситуации это наилучший вариант сосуществования церкви и музея, взаимовыгодный для обеих сторон.

Реализация подобного проекта наверняка изменила бы и положение местных жителей в лучшую сторону, улучшила инфраструктуру, дороги и внешний вид населенного пункта. Восстановление храма с архитектурно-исторической и с духовной точки зрения дало бы толчок развитию всего села, которое не случайно оказалось в таком выгоном географическом и экономическом положении. Все это, соответственно, еще больше могло бы способствовать повышению экскурсионной и туристической привлекательности села Бехтерева, Елабужского района, а в итоге и Республики Татарстан в целом.

Приложение

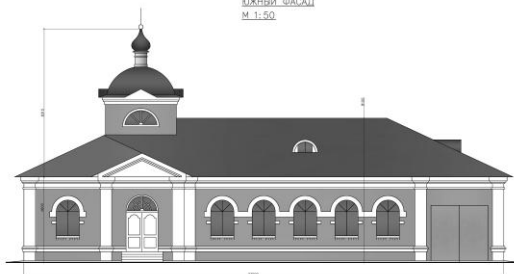
1. Петропавловский храм в селе Бехтерево.

2. Петропавловский храм.
Проект восстановления
разрушенной звонницы.

ПРОЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗДАНИЯ ХРАМА В С. БЕХТЕРЕВО

ЮЖНЫЙ ФАСАД
М 1:50

3. Проект здания
«Бехтерев-центр» в селе
Бехтерево.

4. Село Аксаково.
Усадьба писателя и храм.

5. Село Аксаково.
Усадьба писателя.

Елабужский городской врач Николай Александрович Иозефович

В докладе изложены сведения о елабужском городском враче Н.А. Иозефовиче, служившем в этой должности с 1856 по 1863 годы. В 1862 году молодые выпускники академии художеств В.П. Верещагин и К.Ф. Гун, приехавшие в Елабугу, написали портреты супругов Иозефович. Судьба портрета Н.А. Иозефовича работы В.П. Верещагина до сих пор не известна. Портрет его жены А.А. Иозефович, написанный К.Ф. Гуном, сохранился. В статье впервые дана обоснованная атрибуция персонажа этой картины Гуна.

Ключевые слова: губернский, вятский, елабужский, Иозефович, Елабуга, врач, портрет.

A. Kuklin, Russia, Yelabuga

Yelabuga policeman doctor Nikolai Iozefovich

The report outlines information about a policeman doctor N. Iozefovich in Yelabuga, who served in this position from 1856 to 1863. In 1862 young graduates of the Academy of Arts V. Vereshchagin and K. Guhn came to Yelabuga, they painted the portraits of husband and wife Iozefovich. The fate of the portrait of N. Iosefovich by V. Vereshchagin is still unknown. The fate of the portrait of Nicholas Iosefovich's by Vereshchagin is still not known. The portrait of his wife A. Iozefovich, painted by K. Guhn, is preserved. The portrait of his wife A. Iozefovich, painted by K. Guhn, is preserved. In the article for the first time, a valid attribution of the character in this picture by K. Guhn was given.

Key words: provincial, Vyatka, Yelabuga, Iozefovich, doctor, portrait.

Весной 1862 года по приглашению городского головы купца Ивана Ивановича Стахеева в Елабугу для росписи иконостаса Покровской церкви приехали выпускники Императорской Академии художеств Василий Петрович Верещагин (1835-1909) и Карл Федорович Гун (1831-1877). Кроме работ в храме они выполняли

еще и частные заказы. Один из биографов Гуна писал: «По словам В.П. Верещагина, они делили с Гуном пополам и другие работы в Елабуге, так, например, портреты супругов Юзефович – самого доктора писал Верещагин, а г-жу Юзефович Гун» [1].

С 1856 по 1863 год елабужским городовым врачом был Николай Александрович Иозефович.

В «Памятной книжке Вятской губернии на 1857 год» по Елабужскому уезду упоминается «Городовой Врач, Лекарь Никол. Алексан. *Иозефович*» [2]. В «Памятной книжке Вятской губернии на 1860 год» вновь числится «Городовой врач, лекарь Ник. Алексан. *Иозефович*...» [3]. В ней же значится, что он был директором и лекарем Елабужского Александринского детского приюта [4].

В отчете Елабужского женского училища за 1860-61 учебный год, опубликованном в «Вятских губернских ведомостях», упоминается, что «Городовой Врач Н.А. *Иозефович*» входил в «Попечительный совет» училища от чиновников города [5].

В 1862 г. в губернской газете была напечатана небольшая анонимная заметка «Литературные вечера в Елабуге». В ней говорилось: «Из Елабуги пишут нам, что там дано было несколько литературных вечеров... честь учреждения их принадлежит Н.А. *Иозефовичу* и двоим учителям уездного училища, Пухову и Калугину...» [6]. Сообщалось, что Николай Александрович прочитал на этих вечерах свои записки «О кофе», «О табаке» и «О чае». Также упоминалось, что из дам участвовали «А.А. *Иозефович* и г-жа Дмитриева» [7].

В том же году в ноябре губернская газета сообщала: «По предложению г. начальника губернии утвержден в звании действительного члена статистического комитета елабужский городовой врач *Иозефович*» [8]. А буквально через номер «Вятские губернские ведомости» напечатали корреспонденцию «Покупка инструментов для елабужской больницы», где говорилось, что елабужский городовой врач на пожертвованные городским обществом деньги закупил в Санкт-Петербурге необходимые инструменты и препараты для городской больницы [9].

В феврале 1863 г. отчет елабужского Александринского детского приюта за 1862 год, опубликованный в губернских ведомостях, был подписан директором приюта *Иозефовичем*. О себе в отчете Николай Александрович сообщал: «Лечением детей и всех служащих в приюте занимался безвозмездно директор приюта врач *Иозефович*» [10].

В мае 1863 г. в отчете Вятского губернского статистического комитета среди действительных членов был назван «елабужский городской врач Н.А. Иозефович» [11]. Там же говорилось, что он «...занимается *описанием растений елабужского уезда*, употребляемых в медицине, с обозначением, которые из них под каким названием и против каких болезней употребляют местные жители» [12].

В следующем номере губернской газеты был напечатан протокол заседания статистического комитета, в котором сообщалось: «Действительный член Н.А. Иозефович представил *описания растения, известного под именем стародубки (adonis vernalis)* и употребляемого крестьянами Елабужского уезда как лекарство от различных болезней» [13].

В июле 1863 г. губернские ведомости опубликовали протокол заседания статистического комитета, на котором был прочитан доклад Иозефовича «Описание растения, известного под именем стародубки (adonis vernalis)» [14]. А в декабре 1863 г. в отчете о состоянии Елабужского женского училища сообщалось, что «член попечительного совета от чиновников Н.А. Иозефович получили от своего начальства другое назначение» [15].

После этого упоминания о елабужском городском враче на страницах вятской губернской прессы исчезают. По всей видимости, в конце 1863 г. или начале 1864 г. супруги Иозефовичи покинули Елабугу.

К сожалению, помимо перечисленного, мы ничего не знаем об этой чете. Неизвестны даты их жизни, неизвестно, как складывалась их судьба до и после Елабуги.

* * *

Судя по публикациям в губернской газете, весной 1862 г. в жизни Николая Александровича произошел некий перелом. Если до этого он был просто «городской врач» и «лекарь» и вел обычную жизнь провинциального чиновника, а на страницы прессы попадал только дважды, да и то оба раза просто упоминался в перечне должностных лиц в «Памятных книжках Вятской губернии», то начиная с 1862 г., жизнь его кардинально меняется: она становится яркой, публичной, наполненной разнообразной деятельностью.

В компании с другими молодыми людьми он затевает литературные вечера; становится действительным членом губернского

статистического комитета; едет в столицу, где покупает инструменты для елабужской больницы; изучает народную медицину и лекарственные растения. Мало того, он не только занимается всем этим, но и стремится сообщить о каждом событии *urbis et orbis* – городу и миру. Во всяком случае, вряд ли губернские ведомости стали бы со столь завидной регулярностью освещать деятельность городского врача из Елабуги, если бы он сам не заботился об этом, посылая туда корреспонденции.

Очевидно, что в жизни Николая Александровича наступил какой-то подъем. И, думается, мы не сильно ошибемся, если предположим, что такой бурный всплеск жизненных сил, вся эта разнообразная общественная, культурная и научная деятельность были связаны с естественным для молодого человека событием – влюбленностью. По всей видимости, где-то в конце 1861 или в начале 1862 года Николай Александрович женился.

Когда петербургские художники приехали в Елабугу, Гуну был 31 год, Верещагину исполнилось 27 лет. Иозефович, скорее всего, оказался здесь после окончания университета и, когда это произошло, вряд ли был старше 25 лет. Вероятно, он был сверстником Гуна либо несколько старше его. Нет ничего удивительного в том, что люди одного поколения, получившие хорошее образование, довольно быстро познакомились и сошлись в небольшом уездном городе, куда их забросила судьба. И вполне естественно, что окрыленный любовью Иозефович заказал у столичных художников два портрета – свой и жены.

К сожалению, мы ничего не знаем об избраннице елабужского городского врача, кроме ее имени – Антонида Александровна. По возрасту она, вероятно, была несколько моложе своего мужа. Сам Николай Александрович, судя по его еврейской или польско-литовской фамилии [16], происходил не из местных жителей, а приехал в Елабугу по назначению. Скорее всего, Антонида Александровна, как и он, не была елабужанкой. Хотя, если Николай Александрович по своему вероисповеданию не был иудеем, католиком или лютеранином, а принадлежал к православной церкви, то вполне мог жениться на дочери кого-то из елабужских купцов или чиновников. Но кем бы ни была его избранница, очевидно, что с появлением этой молодой женщины жизнь его изменилась.

Правда, на первый взгляд вся эта разнообразная литературная и научная деятельность городского врача выглядит несколько наивной и провинциальной. На самом деле, чем были эти литера-

турные вечера в отдаленном уездном городке Вятской губернии, на которых читались доклады «О кофе», «О табаке» и «О чае»? Самое большое – проведением досуга для небольшой группы образованных молодых людей и заодно материалом для заметки в губернской газете.

Однако в реальности для Елабуги начала 1860-х годов устройство литературных вечеров было не только культурным событием, но даже своего рода актом гражданского мужества. Все эти молодые люди одним только фактом своего существования и кругом интересов меняли атмосферу уездного городка, вносили в нее новые устремления, привычки, нормы поведения.

«...N сторона глухая и дальняя», – писал о Елабуге 1850-х годов Д.И. Стахеев [17], сын того самого купца Стахеева, который пригласил петербургских художников расписывать иконостас Покровской церкви. – «Чиновники в нем роятся в вицмундирах, купцы одеваются по-старинному, в длиннополые сюртуки, прическу носят посредине головы, речь имеют тихую и вкрадчивую, насчет “леригии” тверды и все постные дни соблюдают неукоснительно» [18].

В той Елабуге, куда приехали Гун и Верещагин, где жил и работал врач Иозефович, по словам Д.И. Стахеева, «потребность свободы давилась при первом своем проявлении», «любопытность не удовлетворялась и вместо нравственного и интеллектуального развития детей угощали одними проповедями», а жизнь шла «своей томительной дорогой» «тяжелого, гнетущего, подавляющего рабства» [19].

В той же газетной заметке, где сообщалось о литературных вечерах в Елабуге, нравы вятской провинции описывались так: «...уездная жизнь ограничивается исполнением праздничных и очередных визитов с их обыкновенными закусками, кофе и разговорами о службе, о своих и чужих семейных обстоятельствах, о нарядах и т.п., и вечерними собраниями знакомых с обычными же угощениями, скукою, иногда с танцами и непременно с картами...» [20]. На подобном фоне «глухой и дальней провинции» литературные вечера, устраиваемые образованной молодежью, даже если речь на них шла всего лишь о кофе, чае и табаке, уже не выглядели наивными.

Несколько слов следует сказать и о научной деятельности Н.А. Иозефовича. Для губернского статистического комитета, членом которого он был, Николай Александрович подготовил до-

клад с описанием стародубки [21]. Как и организованные им литературные вечера, этот исследовательский опыт можно воспринимать с долей иронии. Тем более что никаких очевидных результатов в своих исследованиях он так и не достиг. Как сообщали об этом губернские ведомости: «Опыты, произведенные г. Иозефовичем над стародубкою, до сего времени дали только отрицательные результаты; он продолжает ими заниматься, чтобы составить положительное заключение о свойствах этого растения...» [22].

Но вот что интересно: стародубка, в исследовании которой Иозефович не получил «положительных» результатов, через какое-то время вновь оказалась в кругу научных и медицинских интересов – на этот раз Владимира Михайловича Бехтерева, уроженца села Сарали Елабужского уезда. Мы не знаем, был ли знаком Бехтерев с работами Иозефовича по исследованию стародубки, но именно это растение послужило основой созданного им лекарственного препарата – микстуры Бехтерева [23].

Как видим, Николай Александрович Иозефович был незаурядной и яркой личностью в Елабуге конца 1850-х – начала 1860-х годов. И не суть важно, что результаты его деятельности не стали особо выдающимися и значимыми. Важно, что все его затеи и начинания, равно как и сам пример этого необычного для провинции чиновника исподволь воздействовали на местные стереотипы поведения, были живым опытом иных возможностей, ценностей и целей.

* * *

О судьбе портрета Иозефовича, который написал Василий Верещагин, мы ничего не знаем. О портрете его супруги Антонида Александровны, который создал Карл Гун, впервые упомянул биограф последнего И.А. Новиков. Затем о нем писали другие биографы художника. Но уже в 1955 году А.Ф. Эглит в монографии «Карл Федорович Гун» указал, что его «местонахождение неизвестно» [24].

Однако в 1981 году утерянный портрет неожиданно «нашелся» – он экспонировался на юбилейной выставке картин Гуна в Риге в Художественном музее Латвийской ССР. Тогда это событие прошло мимо елабужан – в то время не существовало Елабужского государственного музея-заповедника, не было профессиональных историков в местном пединституте, не было и серь-

езных краеведов. В итоге, хотя портрет «нашелся», для Елабуги он так и остался неопознанным – и фактически «затерялся» вновь.

В прошлом году нам удалось познакомиться с каталогом рижской выставки 1981 г. [25]. На ней экспонировалось 31 живописное полотно Гуна. И под №3 в каталоге был указан «Antonidas Aleksandrovnas Juzefovičas portrets», предоставленный на выставку Рязанским областным художественным музеем. После чего найти его уже не составило особого труда. Как оказалось, много десятилетий он находился в основной экспозиции Рязанского государственного областного музея им. И.П. Пожалостина.

Несмотря на то, что портрет был написан художником, только начинавшим самостоятельный путь в живописи, он, вне всяких сомнений, представляет собой произведение большого искусства. А в контексте местной истории – это еще и уникальное полотно, сопоставимое по своей значимости разве что с портретом Ивана Васильевича Шишкина работы Верещагина из Дома-музея И.И. Шишкина.

На сегодня никакие другие живописные портреты елабужан XIX века нам больше не известны.

Приложение

К.Ф. Гун. Портрет Антонида Александровны Иозефович. 1862, х., м.; 56х48,5. Рязанский государственный областной художественный музей им. И.П. Пожалостина (инв. №699-ж).

Примечания

1. [Новиков И.А.]. И.Н. Карл Феодорович Гун (Биографический очерк). – С.-Петербург, 1878. – С. 3.

2. Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. – Вятка, 1857. – С. 71.

3. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. – Вятка, 1860. – С. 86.
4. Там же. С. 89.
5. Вятские губернские ведомости. – 1861, №41. Часть неофициальная. – С. 337.
6. Вятские губернские ведомости. – 1862, №13. Часть неофициальная. – С. 100.
7. Там же.
8. Извлечение из протоколов заседаний Вятского губернского статистического комитета / Вятские губернские ведомости. – 1862, №47, Часть неофициальная. – С. 341.
9. Покупка инструментов для елабужской больницы / Вятские губернские ведомости. – 1862, №49, Часть неофициальная. – С. 372-373.
10. Вятские губернские ведомости. – 1863, №6. Часть неофициальная. – С. 57.
11. Вятские губернские ведомости. – 1863, №20. Часть неофициальная. – С. 157.
12. Вятские губернские ведомости. – 1863, №22. Часть неофициальная. – С. 177.
13. Вятские губернские ведомости. – 1863, №23. Часть неофициальная. – С. 186.
14. Вятские губернские ведомости. – 1863, №27. Часть неофициальная. – С. 219.
15. Вятские губернские ведомости. – 1863, №49. Часть неофициальная. – С. 366.
16. Иозефович (Юзефович, Йозефович, Jozefowicz) – польская фамилия; также встречалась среди евреев и караимов.
17. Дмитрий Иванович Стахеев (1840-1918) – сын елабужского купца Ивана Ивановича Стахеева; писатель, автор множества романов, повестей и рассказов. Впечатления детства и отрочества, прошедших в Елабуге, нашли как прямое, так и косвенное отражение во многих его произведениях.
18. Стахеев Д.И. Обновленный храм / Собрание сочинений Д.И. Стахеева; т. 2. – М., 1902. – С. 6-7.
19. Там же. С. 375.
20. Вятские губернские ведомости. – 1862, №13. Часть неофициальная. – С. 100.

21. Стародубка – многолетнее травянистое растение, известное также как адонис весенний, горичвет весенний или черногорка.

22. Вятские губернские ведомости. – 1863, №27. Часть неофициальная. – С. 219.

23 Микстура Бехтерева – препарат, оказывающий успокаивающее действие на центральную нервную систему. Был разработан и предложен В.М. Бехтеревым. Применялся при лечении эпилепсии.

24. Эглит А. Карл Федорович Гун. – Рига, 1955. – С. 90.

25. Kārlis Hūns 1830-1877. Gleznu izstāde Latvijas PSR Mākslas muzejā 1981. gada martā – aprīlī. Katalogs. Sastādītājs Pēteris Savickis. – Rīga, 1981.

Провинциальный музей медицины. Организация музейной работы

Статья посвящена истории создания в Елабуге Музея уездной медицины имени В.М. Бехтерева в историческом здании, подбору экспонатов и работе, которая ведется по самым разным направлениям.

Ключевые слова: Бехтерев, музей, экспозиция, история.

N. Krapotkina, Russia, Yelabuga

Provincial Museum of Medicine and organization of museum work

The article is devoted to the history of creation in the historical building in Yelabuga of the Museum of District Medicine named after V. Bekhterev, selection of exhibits and the work, which is realized in many different directions.

Key words: Bekhterev, museum, exposition, history.

Во все времена и у всех народов врачевание считалось самым достойным и почетным занятием, а медицина – высоким искусством. «Хороший врач подобен богам», – говорили древние греки.

История елабужской медицины начала складываться уже с конца XVIII века и успешно развивалась благодаря меценатской деятельности купцов. В XX столетии в связи с развитием нефтяной промышленности медицинская отрасль в Елабуге вышла на новый виток. Поэтому идея создать медицинский музей в нашем историческом городе оказалась весьма удачной, к тому же освободились здания земской больницы, построенной в последней трети XIX века. И в 2007 году в ее хирургическом отделении был открыт Музей уездной медицины им. В.М. Бехтерева, поскольку этот знаменитый ученый и врач является уроженцем Елабужского уезда. Экспозиция музея рассказывает о зарождении медицины как науки, становлении земской медицины в России на примере Елабужского уезда и развитии здравоохранения в Елабуге в XX столетии.

Музеи с подобной направленностью требуют особого подхода в экспозиционном решении. Естественно, если музей создан для узкого круга специалистов – это одно. Нам же необходимо было создать такую экспозицию, чтобы представить медицину как науку понятно и увлекательно для всех категорий посетителей. Поэтому и возникла идея сделать интерьерные уголки.

Народную медицину, которая объединяла в себе магические ритуалы и траволечение, мы представили интерьерами мусульманской и христианской изб. В интерьере кабинета уездного врача акцент сделан на разъездной характер медицинского обслуживания второй половины XIX века. Здесь представлены карта Елабужского уезда, дорожный плащ, фонарь, трость, саквояжи. Особый интерес у наших посетителей вызывает очередь на прием к врачу. Нам даже пришлось поставить стул для желающих сфотографироваться с «пациентами».

Во втором зале музея (а это бывшие больничные палаты – просторные, с высокими потолками) представлены интерьеры палаты для душевнобольных (такая лечебница тоже существовала в Елабуге) и аптеки. Своеобразной «фишкой» нашего музея стали аптечные сигнатуры XIX века, найденные на чердаке одного из старых зданий больницы.

Великая наука медицина неразрывно связана с именем знаменитого ученого Владимира Михайловича Бехтерева, уроженца Елабужского уезда. Один из залов музея посвящен его жизни и профессиональной деятельности: здесь создан интерьер рабочего кабинета ученого в период его работы в Казани. Более того, сохранение памяти о знаменитом психоневрологе – это одно из направлений работы музея медицины.

Мы очень дружим с потомками Владимира Михайловича, и с его внучкой Натальей Петровной встречались еще до открытия нашего музея. Позже было знакомство с представителями рода в Санкт-Петербурге на Бехтеревских чтениях и встречи в Елабуге на открытии музея в 2007 г., а затем – в 2012 г. на Бале потомков, организованном Елабужским государственным музеем-заповедником. Родственники ученого передали в фонды ЕГМЗ уникальные документы и фотографии из семейных архивов, книги, научные работы с автографами, семейные воспоминания, а также скатерть, связанную супругой ученого.

Экспозицию Музея уездной медицины завершает зал, рассказывающий о развитии здравоохранения в Елабуге в XX столетии.

В нем создан интерьер операционной – дань этому историческому зданию; представлены личные вещи известных врачей города, интереснейшие фотографии, медицинский инструментарий. Галерея портретов заслуженных работников Российской Федерации и Республики Татарстан является достойным украшением этого зала.

На создание всей экспозиции музея медицины (в составе – почти 2000 музейных предметов, экспозиционная площадь – 300 кв. м) ушло всего два месяца, в течение которых сотрудники и художники-реставраторы практически жили на месте работы.

Нам очень хотелось, чтобы музей был интересным для всех категорий посетителей, познавательным, уютным, комфортным (что является одной из главных задач почти любого современного музея). Таким он и получился. С удовольствием читаем книгу отзывов: «Великолепный музей европейского класса, сделал бы честь любой столице» (директор Института мозга человека РАН С.В. Медведев); «...настоящая жемчужина земской медицины, истории лечебного дела» (главный врач РКПБ МЗ РТ им. академика В.М. Бехтерева Ф.Ф. Гатин); «Очень давно хотелось увидеть музей им. В.М. Бехтерева. Уютная и теплая обстановка, красивая экспозиция. Много слышаны о вашем музее и несколько не пожалели, посетив его. Вернемся к вам еще не раз».

Музеи в современном мире имеют высокий социальный статус и спрос на результаты своей деятельности. Продолжая оставаться хранителями культурного наследия, они становятся более открытыми обществу. Мы стараемся привлечь все большее количество посетителей, прибегая к самым разным формам общения. Например, достаточно часто проводим вместо традиционной экскурсии **театрализованное представление «Ожившая экспозиция»:** в интерьерах залов посетителей встречают Знахарка, Земский доктор, Аптекарь-алхимик, Главный врач, Медсестра. Каждый из героев рассказывает о своей деятельности на просторах медицинской науки. Посетители могут попробовать «колдовской» напиток, приготовленный по всем правилам знахарского искусства. Земский доктор с помощью тестов определит состояние здоровья и даст очень занимательные рецепты лечения болезней в XIX столетии. Химические опыты в лаборатории Алхимика вызывают интерес и удивление у всех без исключения посетителей: увидеть радугу из воды в стакане, извлечь змею из таблетки, создать настоящий вулкан – это очень увлекательно. Ну, а попробовать на

себе методы В.М. Бехтерева – свето-, цвето- и музыколение – старается каждый из пришедших. Такая экскурсия дает возможность прочувствовать характерные особенности музейной историко-культурной среды.

Музей – это еще и образовательные, воспитательные, развлекательные программы, адаптированные под определенную категорию посетителей. Например, интересно проходит у нас **детский праздник «Поздравляем с днем рождения!»**. Ведь день рождения в музее – это отличный способ провести столь важное торжество не просто весело, но еще увлекательно и с пользой: для ребят организуется путешествие по залам с персонажами сказок в поисках праздничного сюрприза, оно включает игры, конкурсы, призы, чаепитие и вручение подарков имениннику.

Важным фактором в реализации взаимодействия с посетителем является музейная педагогика. Тесное общение с музейной средой дает возможность более плодотворно воздействовать на детей, а обучение в музее предполагает получение дополнительных знаний по отношению к другим образовательным учреждениям. Наша работа с юным поколением ведется по нескольким направлениям:

1. Музейные уроки по абонеентам в течение учебного года для почти 2000 воспитанников детских садов и учащихся школ. Разработка каждого занятия соответствует возрастной категории, тематика разнообразна: «Если хочешь быть здоров, ты не бойся докторов», «В царство нужных витаминов вас проводит Чиполлино», «Истории старой больницы», «Есть в травах и цветах целительная сила», «На крыльях милосердия», «В.М. Бехтерев. Ступени к вершинам», «Я здоровье берегу – сам себе я помогу». Материалы занятий содержат краткую, но интересную информацию из истории медицины; при этом обязательно делается акцент на здоровом образе жизни. Для музейных уроков шьются костюмы сказочных персонажей, игровые куклы, печатаются картинка-раскраски, составляются кроссворды, подбираются тематические игры и тесты, готовятся презентации.

2. Доброй традицией в ЕГМЗ стала акция по вручению паспортов 14-летним школьникам. На торжественной церемонии присутствуют представители законодательной и исполнительной властей города, почетные горожане, ветераны. Обязательно соблюдаются определенные правила: представлены флаги России и Татарстана, звучат гимны страны и республики. Вот отзыв отлич-

ника здравоохранения РФ, ветерана медицинской службы В.Ф. Сошиной: «Какое прекрасное мероприятие сегодня было проведено в Музее уездной медицины им. В.М. Бехтерева – вручение паспортов подросткам! Я думаю, что это очень значимое, приятное, своевременное мероприятие не только для детей, но и для взрослых – мам, учителей, приглашенных ветеранов. Желаю, чтобы из всех детей, получивших сегодня паспорта, получились хорошие люди нашей большой страны».

3. В числе образовательных программ – и ежегодная **Республиканская научно-практическая конференция для школьников «Их имена составили славу России»**. Ее цели: вызвать интерес к истории родного края, сформировать навыки научной поисково-исследовательской работы, развивать творческие способности, научить правильно излагать свои мысли, отстаивать свою точку зрения. Жюри, в составе которого музейные работники и преподаватели вузов, очень строго подходит к оценке докладов: это должны быть настоящие научно-исследовательские работы. Тематика докладов разнообразна: жизнь и деятельность В.М. Бехтерева, народная медицина, история елабужского врачебного дела и даже «Почему одуванчиков так много?». Юные исследователи готовят интереснейшие презентации, снимают фильмы (например, «Один день из жизни психоневрологического диспансера»), берут интервью у медицинских работников и травниц, проводят тестирования и опросы, используют семейные архивы. Сегодня мы можем говорить о достаточно серьезных научных изысканиях и творческом подходе к изложению материала.

4. Очень интересным является **проект «Сказкотерапия»**. Его интерактивные представления прочно вошли в жизнь школьников Елабуги. Мы сами сочиняем сценарии, переодеваемся в героев сказок и отправляемся с детьми в путешествие по музею. Экспозиция, серьезная и продуманная, в праздничные дни украшается весьма необычными предметами и атрибутами, да и некоторые экспонаты играют несвойственную им роль: например, скелет – это и Кощей Бессмертный, и Дракула. Театрализация во все времена вызывала неподдельный интерес, как у детей, так и у взрослых, так что своим проектом мы даем нашим детям возможность не только стать зрителями сказочного представления, но и вместе с персонажами принять в нем участие. У нас проходят также новогодние сказки «Путешествие на планету здоровья, или Сказка о молодильных яблочках», «Чего на свете не бывает»,

«Снежная сказка». Особой популярностью пользовалось представление «Заколдованный музей». Спектакль, подготовленный как разовое мероприятие на проект «Ночь музеев», неожиданно стал популярным в среде школьников и «по просьбам учащихся» проводился три года подряд.

Что мы только не придумываем в наших сказках! И Царицу от Тетушки-лени спасаем, и Старика со Старухой молодыми и красивыми делаем, и с Бабой Ягой народные методы лечения изучаем, и Царевну Несмеяну смешим, и Дракулу с пиратами к культуре приучаем, и с Айболитом зверей спасаем. Дед Мороз, Снегурочка, подарки из мешка, хоровод вокруг елки, чаепитие со сладостями – все это обязательно присутствует. И на наши сказки с удовольствием приходят не только дети, но и взрослые группы. При такой форме работы эмоциональное воздействие на аудиторию очень велико.

5. Популярностью пользуется **интерактивная выставка «Он и Она»**, рассчитанная на учащихся 12-16 лет. Впервые это музейное занятие было проведено в рамках научно-практической конференции «Подросток в музее: возможен ли диалог?» и получило высокую оценку музейных педагогов – участников конференции.

Данный проект поднимает вопросы взросления подростков: психологические особенности взаимоотношений в этом возрасте, отношение к противоположному полу, физиологические изменения организма. Каждый школьник в начале занятия получает «Путеводитель» по выставке, где на первой странице обозначена цель занятия: «Пристальнее посмотреть на самого себя, задуматься о том, что с тобой происходит и почему, с честью решить проблемы, возникающие у любого подростка при подготовке к взрослой жизни». Структура выставки включает планшеты с «заданиями», где смоделированы различные жизненные ситуации, которые требуется решить или высказать свое мнение. Работу с посетителями проводит «консультант», который разъясняет предложенное задание и ведет с подростками диалог. Все ответы на вопросы и собственное мнение о ситуации школьник записывает в путеводитель. Ни консультанты, ни педагоги не читают ответов. В числе заданий следующие:

1. Попробуй определить возраст по внешности.
2. Хочешь знать, какой у тебя будет рост, когда ты станешь взрослым?

3. Именно в период взросления у тебя появляется особый интерес к противоположному полу. Что-то «в них» есть такое, чего нет в тебе. Найди чисто женские и мужские «качества».

4. На твой взгляд, кто должен быть главнее в паре? А на кухне, при ремонте, во время стирки, в опасности, в общении с детьми?

На занятии подростки создают свой идеал, описывают сложные жизненные ситуации (эти записи опускаются в ящик, а затем закапываются в землю), смотрят мультфильм о физических изменениях взрослеющего организма, пишут на планшете свое «изречение», продолжив фразу «Любовь – это...». В «комнатах» для девочек и мальчиков отдельно представлены буклеты по проблеме наркомании, СПИДа, вопросам контрацепции, а также информация о существовании учреждений, где подросткам может быть оказана конкретная помощь специалиста – психолога, медика, юриста.

6. Наш музей неразрывно связан с именем великого ученого В.М. Бехтерева, поэтому сотрудники разработали несколько занятий для старшеклассников, которые дают представление о жизни и деятельности знаменитого земляка: «В.М. Бехтерев. Ступени к вершинам», «Великий знаток души и мозга», «Гордость России. Гордость науки. Владимир Бехтерев», «Великий род Бехтеревых». Занятия включают в себя информационный материал, психологические тесты, интересные факты о работе мозга человека, демонстрацию уникальных фильмов об ученом.

Слово «медицина» в названии нашего музея настойчиво подталкивает нас к организации мероприятий, способствующих здоровому образу жизни. Таковым является **спортивная игра-эстафета «Быть здоровым хорошо, нездоровым – плохо»**, которую мы проводим на усадьбе музея. Герои литературных произведений (Золушка, Алиса-лисичка, канатоходец Тибул, Конек-Горбун, барон Мюнхаузен), в роли которых выступают школьники, демонстрируют силу, ловкость и смекалку, а самое главное – здоровое состояние своего организма.

Стало хорошей традицией ежегодное проведение мероприятия «Вхождение в профессию» для первокурсников Елабужского медицинского училища. Именно в стенах нашего музея будущие работники этой отрасли имеют прекрасную возможность проследить историю елабужской медицины, почувствовать значимость выбранной профессии. С музеем первокурсников знакомят герои «Ожившей экспозиции» – Знахарь, Уездный врач и Алхимик. Да-

лее эстафету подхватывают герои из числа студентов – основательница сестринского дела сестра милосердия Флоренс Найтингейл и Гиппократ, под руководством которого учащиеся дают клятву чуткого и гуманного отношения к больным. Подобные мероприятия являются частью системы учебно-воспитательного процесса и направлены на повышение интереса студентов к профессии медицинского работника.

Организация досуга является одним из приоритетных и перспективных направлений взаимодействия с посетителем, поскольку все большее количество людей старается провести свое свободное время в пространстве музея. Так, плодотворным направлением музейной работы оказалось создание клубов. В Музее уездной медицины им. В.М. Бехтерева их действует два: **клуб медицинских работников «Добрые сердца» и «Женский клуб»**. Первый сформировался сразу же после открытия музея, который ветераны медицинской службы считают своим родным домом: именно здесь, в этой «старой» больнице начинался их трудовой путь. «Женский клуб» объединяет единомышленниц истинно женских занятий. Наши дамы занимаются рукоделием, косметологией, астрологией, кулинарией. Тематика заседаний клубов разнообразна, она включает презентации, лекции, встречи с интересными людьми, музыкальные вечера, концертные выступления воспитанников детских садов, учащихся музыкальных школ, творческих коллективов Елабуги. В клубах уже сложились свои традиции. И что приятно отметить, мероприятия проходят очень уютно, тепло, «по-домашнему».

Общение в пространстве музея с использованием его экспозиций, казалось бы, должно быть специфичным, так как темы, стиль и способы общения изначально определены профилем музея. Мы много говорим о медицине и пропагандируем здоровый образ жизни, но сфера нашей деятельности выходит и за рамки этого направления. В копилке нашего музея много самых разнообразных мероприятий – встреч, вечеров, праздников, конференций, лекций. В их числе:

- выездное заседание Всероссийского научно-практического семинара «Музеи медицинских вузов России: состояние и перспективы развития»;
- встречи с представителями сетевых компаний «Здоровым быть легко»;

- вечера с участием литературно-музыкального объединения «Лира»;

- мероприятия «Нам в музее интересно, что увидим – неизвестно...», «В гостях у доктора Айболита», «Мы за чаем не скучаем!», «Хвасталки» – выставка изделий, выполненных мастерами-участницами «Женского клуба»;

- праздничные мероприятия «Весна, весна на улице!», «Золотая осень», «Татьянин день», «Время чудес», «Раз в крещенский вечерок...», «Наступает Новый год, веселится весь народ».

Для проведения мероприятий у нас есть интерактивный зал – один из любимых у посетителей. Он оборудован удобной мебелью, современной аудио- и видеоаппаратурой, наглядными учебными пособиями, медтехникой. У посетителей есть возможность измерить рост, вес, давление, проверить зрение, ответить на ряд тестов, заполнить анкету здоровья. Здесь же действует фитобар, где всегда можно попробовать ароматные целебные настои из лекарственных трав.

Сегодня мы с гордостью можем сказать, что наш музей, ставший основой популяризации медицинской темы в Елабуге, вызывает большой интерес у туристов, а уютный сквер перед ним стал одним из любимейших мест отдыха елабужан. В книге отзывов Музея уездной медицины им. В.М. Бехтерева есть запись: «Мама – врач, папа – врач. Я – нет. А зря!» Это ли не высшая похвала нашему общему делу – сохранению истории и популяризации достойнейшей из наук – медицины!

Стоит добавить в заключение, что более подробно о жизни и работе Елабужского государственного музея-заповедника и нашего музея вы можете узнать на официальном сайте и страничках в социальных сетях «ВКонтакте» и «Фейсбук».

Наши авторы

Андреев Александр Сергеевич – праправнук старшей дочери В.М. Бехтерева Ольги, доктор психологических наук, кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой психологии Крымского инженерно-педагогического университета, тренер-преподаватель Московского института гештальта и психодрамы, президент Творческой ассоциации личностного роста; Россия, Научный.

Анисов Лев Михайлович – писатель, исследователь жизни и творчества И.И. Шишкина, автор книги «Шишкин» в серии «Жизнь замечательных людей»; Россия, Москва.

Башкирова Лариса Львовна – заведующая Домом-музеем И.И. Шишкина Елабужского государственного музея-заповедника; Россия, Елабуга.

Башмакова Ольга Валерьевна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования, врач Республиканской клинической психиатрической больницы имени акад. В.М. Бехтерева; Россия, Казань.

Бекмансуров Ринур Хадиярович – заведующий Музеем природы Национального парка «Нижняя Кама»; Россия, Елабуга.

Будко Анатолий Андреевич – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, директор Военно-медицинского музея Министерства обороны России; Россия, Санкт-Петербург.

Бурашниковая Ирина Сергеевна – ассистент кафедры клинической фармакологии и фармакотерапии Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Воронова Мария Владимировна – начальник организационно-информационного отдела Российского этнографического музея, куратор историко-мемориальной выставки «Он построил наш

Дом», посвященной 150-летию со дня рождения архитектора В.Ф. Свиньина; Россия, Санкт-Петербург

Герасимова Вера Вадимовна – кандидат психологических наук, проректор по научной и инновационной деятельности Института развития образования Республики Татарстан; Россия, Казань.

Грамолина Наталья Николаевна – заместитель директора по науке Государственного мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова, вице-президент ИКОМ России, заслуженный работник культуры РФ; Россия, Страхово.

Еркинова Римма Михайловна – кандидат искусствоведения, директор Государственного художественного музея имени А.В. Анохина; Россия, Горно-Алтайск.

Захарова Оксана Валерьевна – аспирант кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Зиганшин Фарид Галимзянович – главный врач Республиканской клинической психиатрической больницы имени акад. В.М. Бехтерева; Россия, Казань.

Исмагилов Максум Фасахович – доктор медицинских наук, профессор кафедры неврологии Казанского государственного медицинского университета, заслуженный деятель науки РФ и РТ, заслуженный врач РТ; Россия, Казань.

Карпов Анатолий Михайлович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Кирюхина Марина Васильевна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры психотерапии и наркологии Казанской госу-

дарственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Комиссаров Алексей Геннадьевич – кандидат медицинских наук, заведующий психиатрическим отделением Набережночелнинского психоневрологического диспансера Республиканской клинической психиатрической больницы имени акад. В.М. Бехтерева, член Союза краеведов России; Россия, Набережные Челны.

Конюхова Валентина Семеновна – главный научный сотрудник Музея истории и культуры Среднего Прикамья, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики; Россия, Сарапул.

Крапоткина Наталья Анатольевна – директор Музея уездной медицины имени В.М. Бехтерева Елабужского государственного музея-заповедника, заслуженный работник культуры РТ; Россия, Елабуга.

Кривонденченков Сергей Викторович – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела живописи 2-й половины XIX – начала XXI века Государственного Русского музея; Россия, Санкт-Петербург.

Куклин Алексей Георгиевич – сотрудник Елабужского государственного музея-заповедника, администратор сайта ЕГМЗ; Россия, Елабуга.

Курьлева Надежда Ивановна – старший научный сотрудник Дома-музея И.И. Шишкина Елабужского государственного музея-заповедника, заслуженный работник культуры РТ, лауреат премии имени И.Е. Забелина; Россия, Елабуга.

Кучаева Александра Вадимовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической фармакологии и фармакотерапии Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Литвиненко Игорь Вячеславович – доктор медицинских наук профессор, начальник кафедры нервных болезней Военно-меди-

цинской академии имени С.М. Кирова Министерства обороны Рос-сии; Россия, Санкт-Петербург.

Малыгина Татьяна Анатольевна – ассистент кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования, заведующая отделением и музеем истории Республиканской клинической психиатрической больницы имени акад. В.М. Бехтерева; Россия, Казань.

Маслова Инга Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского федерального университета; Россия, Елабуга.

Менделевич Давыд Моисеевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры психиатрии и наркологии Казанского государственного медицинского университета; Россия, Казань.

Миндубаев Искандер Валерьевич – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования, врач Республиканской клинической психиатрической больницы имени акад. В.М. Бехтерева; Россия, Казань.

Митрофанов Иван Александрович – аспирант Казанского государственного медицинского университета; Россия, Казань.

Михайлова Елена Борисовна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования, заведующая кабинетом психондoкринологии Республиканской клинической психиатрической больницы имени акад. В.М. Бехтерева; Россия, Казань.

Мызина Лариса Ивановна – директор Кемеровского музея изобразительных искусств; Россия, Кемерово.

Набиуллина Римма Рафаэлевна – доктор медицинских наук, профессор кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Новикова Светлана Евгеньевна – старший научный сотрудник фондов, хранитель графики Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан; Россия, Казань.

Первак Виктория Эдуардовна – главный специалист по режимному хранению и экспонированию музейных предметов Российского этнографического музея; Россия, Санкт-Петербург.

Попов Леонид Михайлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности Института психологии и образования Казанского федерального университета; Россия, Казань.

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, заслуженный профессор КФУ, заслуженный деятель науки РТ; Россия, Казань.

Семенихин Дмитрий Германович – кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической фармакологии и фармакотерапии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Созинов Алексей Станиславович – доктор медицинских наук, профессор Казанского государственного медицинского университета; Россия, Казань.

Солнцева (Стахеева) Ирина Орестовна – праправнучатая племянница И.И. Шишкина по линии сестры Александры и Д.И. Стахеева; Россия, Москва.

Ильдар Минибелиевич Тазетдинов – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии, заместитель главного врача Республиканского наркологического диспансера Министерства здравоохранения Татарстана; Россия, Казань.

Хисамова Дина Диасовна – кандидат искусствоведения, заместитель директора по научному обеспечению и издательской деятельности Государственного музея изобразительных искусств РТ; Россия, Казань.

Чертогова Марина Юрьевна – заместитель директора по науке Кемеровского музея изобразительных искусств; Россия, Кемерово.

Чудиновских Анатолий Геннадьевич – доктор медицинских наук, преподаватель кафедры психиатрии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова Министерства обороны России; Россия, Санкт-Петербург.

Чурак Галина Сергеевна – заслуженный деятель культуры РФ, главный специалист отдела живописи 2-й половины XIX – начала XX вв. Государственной Третьяковской галереи; Россия, Москва.

Шамрей Владислав Казимирович – профессор, заслуженный врач РФ, начальник кафедры психиатрии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, главный психиатр Министерства обороны России; Россия, Санкт-Петербург

Шмакова Мая Александровна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психотерапии и наркологии Казанской государственной медицинской академии – филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования; Россия, Казань.

Якупов Эдуард Закирзянович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой неврологии, нейрохирургии и медицинской генетики Казанского государственного медицинского университета, директор научно-исследовательского медицинского комплекса «Ваше здоровье», член президиума Всероссийского общества неврологов, заместитель главного редактора журнала «Неврологический вестник»; Россия, Казань.

Содержание

Г.Р. Руденко, Россия, Елабуга

Вступительное слово. Бехтерев и Шишкин: встреча через века....3

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Н.Н. Грамолина, Россия, Страхово

История семьи – история усадьбы.....8

Л.М. Анисов, Россия, Москва

На родине.....13

В.К. Шамрей, И.В. Литвиненко, А.Г. Чудиновских; Россия, Санкт-Петербург

В.М. Бехтерев – основатель отечественной военной психоневрологии.....18

Р.М. Еркинова, Россия, Горно-Алтайск

Григорий Иванович Чорос-Гуркин – последний ученик Ивана Ивановича Шишкина

А.А. Будко, Россия, Санкт-Петербург

Наследие Владимира Михайловича Бехтерева в фондах Военно-медицинского музея.....37

СЕКЦИЯ «ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И.И. ШИШКИНА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ 185-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА

Г.С. Чурак, Россия, Москва

И.И. Шишкин. Неожиданные находки. Продолжение темы.....46

С.В. Кривонденченков, Россия, Санкт-Петербург

«Зимние эффекты» И.И. Шишкина.....55

Л.И. Мызина, Россия, Кемерово

Социальная миссия музея. О работе Кемеровского областного музея изобразительных искусств в пенитенциарных учреждениях Кемеровской области

В.С. Конюхова, Россия, Саранул

«Люблю людей, сильно увлеченных искусством или наукой», – А.П. Ильинский, ученый, коллекционер.....70

С.Е. Новикова, Россия, Казань

Значение коллекции профессора А.П. Ильинского для формирования собрания графики И.И. Шишкина в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан.....	78
<i>М.Ю. Чертогова, Россия, Кемерово</i>	
Картина «К своим» (1978-1986) Г.М. Коржева. Из истории комплектования художественной коллекции Кемеровского областного музея изобразительных искусств.....	86
<i>М.В. Воронова, В.Э. Первак; Россия, Санкт-Петербург</i>	
Историко-мемориальная выставка в этнографическом музее как результат междисциплинарных исследований (по материалам выставки «Он построил наш Дом» к 150-летию архитектора Высочайшего двора В.Ф. Свиньина).....	97
<i>И.В. Маслова, Россия, Елабуга</i>	
Духовные традиции в воспитании детей в семьях уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX вв.....	103
<i>Н.И. Курьлева, Россия, Елабуга</i>	
Новые сведения в родословии Шишкиных	
<i>И.О. Солнцева (Стахеева), Россия, Москва</i>	
Связь поколений. Стахеевы, Шишкины, Ушковы. Новые факты.....	118
<i>Л.Л. Башкирова, Россия, Елабуга</i>	
Ксения Шишкина – дочь, ученица, художница.....	129
<i>А.Г. Куклин, Россия, Елабуга</i>	
К истории акварели К.Ф. Гуна «Красная горка в Елабуге».....	135

**СЕКЦИЯ «ЛИЧНОСТЬ ВЕЛИКОГО УЧЁНОГО
В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА. ВЛАДИМИР БЕХТЕРЕВ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОСЛАВЛЕННОГО ПСИХОНЕВРОЛОГА**

<i>А.С. Андреев, Россия, Научный</i>	
Елена Владимировна Андреева – правнучка В.М. Бехтерева....	145
<i>Ф.Л. Ратнер, Россия, Казань</i>	
В.М. Бехтерев как педагог и педолог.....	161
<i>А.С. Созинов, М.Ф. Исмаилов, Э.З. Якупов; Россия, Казань</i>	
О научно-творческом наследии великого В.М. Бехтерева (к 160-летию со дня его рождения).....	167
<i>А.М. Карпов, Ф.Г. Зиганишин, Д.Г. Семенихин, Р.Р. Набиуллина, М.А. Шмакова, М.В. Кирюхина, Т.А. Малыгина, О.В. Башмакова,</i>	

<i>Е.Б. Михайлова, И.В. Миндубаев, В.В. Герасимова, О.В. Захарова, И.М. Тазетдинов; Россия, Казань</i>	
Развитие биопсихосоциального направления В.М. Бехтерева в трудах казанских психиатров в современную эпоху.....	177
<i>Л.М. Попов, Россия, Казань</i>	
В.М. Бехтерев – основатель научной психологии в России.....	186
<i>Ф.Г. Зиганшин, Т.А. Малыгина, О.В. Захарова; Россия, Казань</i>	
Первые ученики В.М. Бехтерева в Казани.....	202
<i>Д.Г. Семенихин, А.М. Карпов, Р.Р. Набиуллина, О.В. Башмакова, А.В. Кучаева, И.С. Бурашникова; Россия, Казань</i>	
Действие закона Бехтерева о внушаемости в современном информационном пространстве (клинико-социальные аспекты).....	210
<i>А.С. Созинов, Д.М. Менделевич, И.А. Митрофанов; Россия, Казань</i>	
Роль В.М. Бехтерева в развитии научной психологии в России в Казанский период его деятельности.....	216
<i>Д.Д. Хисамова, Россия, Казань</i>	
Образ В.М. Бехтерева в изобразительном искусстве России.....	226
<i>А.Г. Комиссаров, Россия, Набережные Челны</i>	
Концепция храма-памятника на родине В.М. Бехтерева (проблемы музеефикации).....	234
<i>А.Г. Куклин, Россия, Елабуга</i>	
Елабужский городской врач Николай Александрович Иозефович.....	240
<i>Н.А. Крапоткина, Россия, Елабуга</i>	
Провинциальный музей медицины. Организация музейной работы.....	249
<i>Наши авторы.....</i>	258

«В их именах величие России»

Материалы научно-практической конференции, посвященной
185-летию со дня рождения И.И. Шишкина
и 160-летию со дня рождения В.М. Бехтерева

Главный редактор: Г.Р. Руденко
Редколлегия: А.А. Деготьков, Л.Л. Башкирова,
Н.А. Крапоткина, Н.В. Берестова

Для контактов:

Приемная ЕГМЗ: 8 (85557) 7-86-00

Факс: 8 (85557) 7-83-28

Мемориальный дом-музей И.И. Шишкина:

8 (85557) 7-53-02, 7-05-47

Музей уездной медицины имени В.М. Бехтерева:

8 (85557) 7-87-07

Туристско-информационный центр: 8 (85557) 7-86-68

Адрес: 423600, Республика Татарстан,

г. Елабуга, ул. Гассара, д. 9

elmuseum@mail.ru

WWW.ELABUGA.COM

**ЕЛАБУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**